

ISSN 2071-8160

MGIMO
UNIVERSITY

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ

ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

№ 3 • 2008

М.М. Наринский

Советское руководство: проблема границ и сфер влияния СССР в 1941-1946 годах

Еще в 30-е годы советское руководство все более явно отказывалось от курса на мировую революцию, его внешняя политика все более заметно ориентировалась на национально-государственные и геополитические интересы СССР в понимании Кремля. 7 ноября 1937 года И.В. Сталин заявил во время обеда у К.Е. Ворошилова по случаю годовщины Октябрьской революции: «Хочу сказать несколько слов, может быть, не праздничных. Русские цари сделали много плохого. Они грабили и поработали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали **одно хорошее** дело – сколотили **огромное государство** – до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство как **единое, неделимое** государство, не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство»¹. Сталин последовательно проводил линию на укрепление этого государства и его институтов. По мнению Сталина, внешнеполитические и военные акции Советского Союза и были его вкладом в развитие мировой революции. Не случайно 21 января 1940 года он сказал в комнате для Политбюро Большого театра: «Мировая революция как единый акт – это глупость. Она происходит в разное время в разных странах. Действия Красной Армии – это также дело мировой революции»². В таком дискурсе Сталин подходил и к проблеме советских границ. При этом граница стала важнейшим органом **советского государства**.

Конечно, подобный подход не снимал противоречий между социализмом и капитализмом в представлениях советских руководителей, не отменял противостояние империализму. Но само это противостояние стало рассматриваться в первую очередь с геополитической точки зрения. Поэтому на первый план в годы войны выдвигалась проблема безопасности Советского Союза. К тому же необходимо учитывать и психологический аспект. После агрессии нацистской Германии у Сталина возник «синдром 22 июня», стремление использовать все возможные средства, чтобы не допустить повторения ситуации июня 1941 года, чтобы предотвратить возможность внезапного нападения на СССР.

При этом безопасность Советского Союза связывалась с его территориальным расширением, с приобретением выгодных границ и прикрывающего страну пояса безопасности. Опытный дипломат М.М. Литвинов в июне 1946 года отмечал: «Сейчас СССР вернулся к старомодной концепции географической безопасности – чем больше территории вы получите, тем больше будет ваша безопасность»³. Это же, по сути, подтверждал и последовательный недоброжелатель Литвинова, нарком В.М. Молотов. Он вспоминал период завершения Второй мировой войны: «А то, что мы сделали в результате этой войны, и, я считаю, сделали прекрасно, укрепили Советское государство. Это была моя главная задача»⁴.

В первый период Второй мировой войны, во время сотрудничества СССР с нацистской Германией, советское руководство к июню 1941 года добилось включения в состав Советского Союза восточной части Польши (Западной Белоруссии и Западной Украины), Эстонии, Латвии, Литвы, Бессарабии и Северной Буковины, а также изменения в свою пользу границы с Финляндией.

Главные условия обеспечения безопасности СССР после войны были сформулированы И. Сталиным в ходе его беседы с британским министром иностранных дел А. Иденом 16 декабря 1941 года. Сталин заявил: «**Советский Союз** считает необходимым восстановление своих границ, как они были в 1941 году, накануне нападения Германии на СССР. Это включает советско-финскую границу, установленную по мирному договору между СССР и Финляндией 1940 года, Прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину. Что касается границы СССР с Польшей, то она, как уже было сказано выше, в общем и целом могла бы идти

¹ Г. Димитров. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997, стр. 128–129.

² Там же, стр. 188.

³ См.: V. Zubok, C. Pleshakov. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Krushchev. Cambridge, Massachusetts, 1996, p. 37–38.

⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. Москва, 1991, стр. 78.

по «линии Керзона»⁵ и с включением Тильзита в состав Литовской республики. Кроме того, Советский Союз, сделавший в 1940 году подарок Финляндии в виде возвращения Петсамо, считал бы необходимым, ввиду позиции, занятой Финляндией в нынешней войне, вернуть себе этот подарок.»⁶

Принципиальные установки советской внешней политики относительно основ будущего мира были изложены в записке заместителя наркома И.М. Майского, представленной наркому В.М. Молотову в январе 1944 года. Майский так излагал свои соображения: «Общая установка: необходимо обеспечить СССР мир в Европе и Азии сроком на 30–50 лет. В этих видах СССР должен выйти из нынешней войны с выгодными стратегическими границами, в основу которых должны лечь границы 1941 года. Сверх того, было бы очень важно, чтобы к СССР перешли Петсамо, Южный Сахалин и цепь Курильских островов. СССР и Чехословакия должны иметь общую границу. Между СССР с одной стороны, и Финляндией и Румынией с другой должны быть заключены пакты о взаимопомощи с предоставлением на территории названных стран военных, воздушных и морских баз. СССР должно быть гарантировано свободное и удобное использование транзитных путей через Иран к Персидскому заливу»⁷. Таким образом, выгодные стратегические границы означали закрепление за Советским Союзом его территориальных приобретений за время войны: включение в его состав республик Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины, пересмотр в пользу СССР границы с Финляндией, а на Дальнем Востоке – с Японией.

Осуществляя это территориальное расширение, Сталин действительно выступал как наследник русских царей, создавших громадную империю. Французский дипломат Морис Дежан отмечал в «Записке о советской политике» в октябре 1943 года: «В территориальном плане СССР, в принципе, стремится возвратить себе территории, которые были отторгнуты от России после первой мировой войны в условиях состояния слабости, в котором она тогда находилась. В частности, это относится к прибалтийским государствам и к Бессарабии, при этом проблема стоит несколько иным образом в отношении российско-польской границы и Финляндии»⁸. Тем самым Сталин хотел сделать важный шаг к возрождению великой империи.

В ходе дискуссий с западными союзниками во время войны И. Сталин ссылался на то, что государства Прибалтики уже были включены в состав СССР, и их население уже «одобрило» эти акции. В ходе беседы с Иденом 17 декабря 1941 года кремлевский диктатор доказывал: «В соответствии с Конституцией СССР три балтийских государства составляют часть его. Это является результатом проведения в них плебисцита, во время которого огромное большинство населения высказалось в пользу вступления в Советский Союз»⁹. Лицемерные ссылки на волю народов прибалтийских государств были любимыми аргументами Сталина в его дискуссиях с западными лидерами. Во время беседы с президентом Ф. Рузвельтом 1 декабря 1943 года в Тегеране Сталин говорил: «Литва, Латвия, Эстония не имели автономии до революции в России. Царь был тогда в союзе с Соединенными Штатами и Англией, и никто не ставил вопроса о выводе этих стран из состава России. Почему этот вопрос ставится теперь?.. Что касается волеизъявления народов Литвы, Латвии и Эстонии, то у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю»¹⁰.

Одним из наиболее сильных аргументов Сталина было напоминание о том, что именно на плечах Советского Союза лежала «главная тяжесть войны»¹¹. Вождь отстаивал желаемые территориальные приобретения, используя жертвы, страдания и стойкость советского народа.

В контексте расширения советских границ И. Сталин, когда это было ему выгодно, обращался и к этническому фактору. В особенности это относилось к советско-польской грани-

⁵ Линия Керзона – условное наименование линии, рекомендованной в декабре 1919 года Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши.

⁶ Запись беседы И.Сталина с А. Иденом, 16.12.1941. Документы внешней политики. 22 июня 1941 г. – 1 января 1942 г. Том XXIV. Москва, 2000, стр. 503.

⁷ Записка И.М. Майского «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г. «Источник», 1995, №4, стр. 137.

⁸ M. Dejean. Note sur la politique soviétique, 13. 10. 1943. Ministère des affaires étrangères. Archives diplomatiques. Papiers Maurice Dejean. Vol. 74, f. 128.

⁹ Запись беседы И.В. Сталина с А. Иденом, 17.12.1941. Документы внешней политики. 22 июня 1941 г. – 1 января 1942 г. Том XXIV, стр.520.

¹⁰ Запись беседы И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом, 01.12.1943. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Москва, 1978, стр. 168–169.

¹¹ Запись беседы И.В. Сталина с А. Иденом, 17.12.1941. Документы внешней политики. 22 июня 1941 г. – 1 января 1942 г. Том XXIV, стр.519.

це. Советский лидер неизменно подчеркивал, что он готов взять за основу будущей границы СССР с Польшей «линию Керзона». Таково было условное наименование линии, рекомендованной 8 декабря 1919 года Верховным советом союзных держав в качестве восточной границы Польши. При выработке «линии Керзона» в основу было положено решение делегаций ведущих держав Антанты, считавших целесообразным включить в состав территории Польши только этнографически польские области. В ходе советско-польской войны, когда Польша оказалась на грани поражения, ее представители согласились признать восточной границей страны линию, предложенную Верховным советом Антанты. 12 июля 1920 года британский министр иностранных дел Керзон направил советскому правительству ноту, в которой в качестве восточной границы Польши намечалась эта согласованная державами Антанты линия, получившая наименование «линия Керзона». В ноте Керзона говорилось: «Линия эта приблизительно проходит так: Гродно – Яловка – Немиров – Брест-Литовск – Дорогуск – Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат». Однако по Рижскому мирному договору 1921 года, заключенному в неблагоприятной для Советской России ситуации, граница между РСФСР и Польшей прошла значительно восточнее «линии Керзона». Положение резко изменилось в 1939 году. В соответствии с советско-германскими договоренностями Польша после своего поражения перестала существовать как независимое государство, а граница Советского Союза была сдвинута западнее «линии Керзона».

В ходе переговоров с союзниками по антигитлеровской коалиции советские руководители неизменно придерживались «линии Керзона» как основы для будущей советско-польской границы. Тем самым они проявляли умеренность и принимали британское предложение 1920 года. Так, во время беседы с Иденом 21 мая 1942 года В. Молотов подчеркнул, что советское руководство «готово подписать с поляками договор о границе на основе линии Керзона с некоторыми небольшими изменениями этой линии в пользу СССР. Мы готовы принять это старое английское предложение о советско-польской границе»¹². Позднее, на Ялтинской конференции в феврале 1945 года, Сталин красноречиво отстаивал предложенную им границу по «линии Керзона». «Прежде всего, о линии Керзона, – говорил советский лидер. – Должен заметить, что линия Керзона придумана не русскими. Авторами линии Керзона являются Керзон, Клемансо и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. Русских не было на этой конференции. Линия Керзона была принята на базе этнографических данных вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с линией Керзона должны были отойти к Польше. Советское правительство уже отступило от линии Ленина. Что же вы хотите – чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо»¹³. Сталин умело использовал в обсуждениях линии будущей границы СССР с Польшей ссылки на этнический фактор. На одном из заседаний Тегеранской конференции он отметил: «Речь идет о том, что украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские – к Белоруссии, то есть между нами и Польшей должна существовать граница 1939 года, установленная советской конституцией. Советское правительство стоит на этой точке зрения и считает это правильным»¹⁴.

В результате длительных напряженных дискуссий советско-польская граница в августе 1945 года была окончательно определена в основном по «линии Керзона» с отступлениями в пользу Польши на 5–8 километров.

Общий подход И. Сталина к вопросу о советских границах был сформулирован им в телеграмме В. Молотову в Лондон 24 мая 1942 года. Оценивая британский проект двустороннего англо-советского договора, Сталин отмечал: «Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или, скорее, о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны будем решать силой»¹⁵.

Понятие «выгодные стратегические границы» включало обладание удобными выходами к морям и океанам. Не случайно Сталин настойчиво добивался передачи Финляндией Со-

¹² Запись беседы В. Молотова с А. Иденом, 21.05.1942 г. в: О.А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии. Документы, комментарии, 1941–1945. Москва, 2004, стр. 108.

¹³ Запись заседания глав правительств, 06.02.1945. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов. Москва, 1984, с. 93.

¹⁴ Заседание за круглым столом, 01.12.1943. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Москва, 1978, стр. 165.

¹⁵ Телеграмма из Москвы, 24 мая 1942 года в: О.А. Ржешевский. Сталин и Черчилль, стр. 157.

ветскому Союзу района Петсамо – это означало получение незамерзающего порта на севере. И. Майский в своей записке от 11 января 1944 года отмечал: «Район Петсамо должен быть включен в состав СССР»¹⁶.

Не менее энергично Сталин выступал за укрепление позиций СССР на Балтике. При обсуждении в Тегеране вопроса о границах Польши и включении в ее состав Восточной Пруссии советский лидер жестко заявил: «Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более, что исторически это исконные славянские земли»¹⁷. Включение в состав СССР части Восточной Пруссии с городом Кенигсберг призвано было обеспечить Советскому Союзу выгодное положение на Балтике. Нарком военно-морского флота Н.Г. Кузнецов писал заместителю наркома иностранных дел М.М. Литвинову в октябре 1944 года: «Учитывая необходимость создания нашего прочного контроля в южной части Балтийского моря, народный комиссариат военно-морского флота вносит на рассмотрение возглавляемой Вами правительственной комиссии (речь идет о комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД СССР – М.Н.) следующие предложения:

1. Исключить из состава государственной территории Германии Восточную Пруссию, разделив ее между Союзом ССР и Польшей.

2. Включить в состав государственной территории Союза ССР побережье Балтийского моря с портами Кенигсберг, Пиллау и Эльбинг, расположенными в восточной части Данцигской бухты. Западное побережье Данцигской бухты передать Польше.

3. Нарезку сухопутной границы между Союзом ССР и Польшей произвести с учетом экономических и военно-стратегических факторов»¹⁸.

Изложенные предложения советская дипломатия отстаивала на завершающем этапе войны. Они и легли в основу решений Потсдамской конференции о городе Кенигсберг и прилегающем к нему районе.

Гарантии безопасности Советского Союза, по замыслу Кремля, должны были включать также пограничный пояс дружественных СССР государств. В ходе беседы с У. Черчиллем 21 мая 1942 года В. Молотов отмечал: «С другой стороны, именно ввиду того, что нам навязана эта тяжелая война, восстановления нарушенных границ недостаточно. Мы хотим, чтобы безопасность СССР на северо-западе и на юго-западе от его границ была бы минимально гарантирована на будущее время»¹⁹.

Как же представляли советские руководители эти послевоенные гарантии безопасности? И. Сталин изложил свои соображения по этому вопросу во время первой беседы с А. Иденом в Москве 16 декабря 1941 года. Глава советского правительства говорил: «Советский Союз хотел бы, чтобы Румыния имела военный союз с СССР с правом для последнего иметь на румынской территории свои военные, воздушные и морские базы... На севере такого же рода отношения Советский Союз хотел бы иметь с Финляндией, т.е. Финляндия должна была бы состоять в военном союзе с СССР с правом последнего иметь на финской территории свои военные, воздушные и морские базы»²⁰. В записке И. Майского от 11 января 1944 года также подчеркивалась важность послевоенных отношений Советского Союза с Финляндией и Румынией: «Между СССР, с одной стороны, и Финляндией и Румынией с другой, должны быть заключены на длительный срок пакты взаимопомощи с предоставлением СССР на территории названных стран необходимого количества баз – военных, воздушных и морских. Кроме того, СССР должен быть связан с Финляндией и Румынией системой железных и шоссейных дорог, важных стратегически и экономически»²¹.

Советские претензии на создание приграничного пояса безопасности подкреплялись тем соотношением сил в Европе, которое сложилось к концу войны. Французский дипломат Морис Дежан писал в октябре 1943 года: «Территории, на которые нацелены советские устремления, можно разделить на две категории: те, в которых англосаксы не располагают никакими сред-

¹⁶ Записка И.М. Майского «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г. «Источник», 1995, №4, стр. 125.

¹⁷ Заседание за круглым столом, 01.12.1943. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сборник документов, стр. 167.

¹⁸ Письмо наркома Н.Г. Кузнецова заместителю наркома М.М. Литвинову, 10.10.1944 г. СССР и германский вопрос. Документы из Архива внешней политики РФ. Том 1: 22 июня 1941 – 8 мая 1945. Москва, 1996, стр. 559–560.

¹⁹ Запись беседы В. Молотова с У. Черчиллем, 21 мая 1942 г. в: О.А. Ржевский. Сталин и Черчилль, стр. 105.

²⁰ Запись беседы И.В. Сталина с А. Иденом, 16.12.1941 г. Документы внешней политики. 22 июня 1941 г. – 1 января 1942 г. Том XXIV, стр. 503.

²¹ Записка И.М. Майского «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г. «Источник», 1995, №4, стр. 125–126.

ствами воздействия; и те, в которых они уже задействовали или могли бы задействовать существенные силы. В первую категорию входят Финляндия, балтийские государства, Польша и в меньшей степени Румыния»²².

Обеспечение советской системы безопасности после войны мыслилось как система концентрических окружностей: выгодные для Советского Союза границы, пояс безопасности СССР и, наконец, сфера интересов, в которой Москва могла бы ограничить нежелательную активность потенциально враждебных государств.

Концепция этой широкой сферы влияния, опиравшейся на выгодные границы, была изложена заместителем наркома М.М. Литвиновым в его записке «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества» в ноябре 1944 года. Он писал о возможном соглашении с Англией: «Такое соглашение же осуществимо лишь на базе полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства. Своей максимальной сферой интересов Советский Союз может считать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского полуострова, а равно и Турцию... Такое разграничение означает, что Англия должна обязаться не вступать в какие-либо особо близкие отношения и не заключать против нашей воли каких-либо соглашений со странами, входящими в нашу сферу безопасности, и само собой, не должна добиваться там военных баз, ни морских, ни воздушных. Такие же обязательства мы можем дать в отношении английской сферы безопасности, за исключением Франции»²³. Тем самым предлагалось проецировать советскую мощь на прилегающую сферу интересов.

Мне представляется, что сама идея подобного соглашения сформировалась в результате визита У. Черчилля в Москву в октябре 1944 года и его «процентной сделки» со Сталиным о разделе сфер влияния в Юго-Восточной Европе. В результате дискуссий И. Сталина с У. Черчиллем и В. Молотова с А. Иденом было достигнуто соглашение, по которому влияние двух стран в Венгрии и Югославии предусматривалось в соотношении 50% на 50%, в Греции – 90% на 10% в пользу Великобритании, а в Румынии и Болгарии – 80% на 20% в пользу СССР. Следует отметить, что инициатором этого соглашения был У. Черчилль. Впоследствии он отмечал, что ему всегда удавалось находить основу для договоренностей и «достигать соглашений с товарищем Сталиным, причем эти соглашения не только достигались, но и взаимно выполнялись»²⁴. Действительно, некоторое время Сталин исходил из того, что Греция входила в британскую сферу влияния, а в Венгрии и в Югославии действовал весьма осторожно. Договоренности с советским диктатором были возможны на основе учета интересов Кремля и реального соотношения сил.

В любых концептуальных построениях центральным звеном в этом приграничном поясе безопасности СССР оставалась Польша. В записке И. Майского от 11 января 1944 года о Польше говорилось: «Целью СССР должно быть создание независимой и жизнеспособной Польши, однако мы не заинтересованы в рождении слишком большой и слишком сильной Польши. В прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительным другом СССР (по крайней мере, на протяжении жизни ближайшего поколения), никто с определенностью сказать не может. Многие в этом сомневаются, и справедливость требует сказать, что для таких сомнений имеются достаточные основания»²⁵. Не случайно Сталин очень внимательно следил за информацией о политическом положении в Польше, активно участвовал в дискуссиях по польскому вопросу.

Во время Ялтинской конференции глава советского правительства подчеркнул, «что с Польшей связаны важнейшие стратегические интересы Советского государства. Дело не только в том, что Польша – пограничная с нами страна. Это, конечно, имеет значение, но суть проблемы гораздо глубже. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию. Достаточно вспомнить, хотя бы последние тридцать лет: в течение этого периода немцы два раза прошли через Польшу, чтобы атаковать нашу страну. Почему враги до сих пор так легко проходили через Польшу? Прежде всего потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован

²² M. Dejean. Note sur la politique soviétique, 15. 10. 1943. Ministère des affaires étrangères. Archives diplomatiques. Papiers Maurice Dejean. Vol. 37, f. 72–73.

²³ Цит. по: А.М. Филитов. В комиссиях Наркоминдела. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. Отв. ред. О.А. Ржешевский. Москва, 1995, стр. 59.

²⁴ О.А. Ржешевский. Сталин и Черчилль, стр. 435.

²⁵ Записка И.М. Майского «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г. «Источник», 1995, №4, стр. 129.

в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше – это вопрос жизни и смерти для Советского государства»²⁶. Поэтому-то Сталин прилагал максимум усилий, чтобы поставить у власти в Польше просоветское правительство, чтобы включить страну в сферу влияния СССР, чтобы максимально сдвинуть границы Польши на запад.

Участники Ялтинской конференции вели напряженные дискуссии по вопросу о польском правительстве. К тому времени существовало два польских правительства: одно – просоветское, в Варшаве, другое – прозападное, в эмиграции, в Лондоне. Упорные дискуссии в Ялте завершились принятием следующего компромиссного решения: «Действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включение демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое Правительство должно затем называться Польским Временным Правительством Национального Единства»²⁷.

В зарубежной литературе и публицистике решения Ялты часто подвергаются острой критике. Многие авторы утверждают, что Рузвельт и Черчилль «предали» народы Восточной Европы, пошли на невыгодный раздел сфер влияния со Сталиным. Но что могли сделать лидеры США и Великобритании? Пойти на силовое противостояние Сталину в Восточной Европе? Не надо забывать, что в дни Ялтинской конференции советские войска вели бои на Висле и Одере, а через два дня после окончания конференции штурмом взяли Будапешт. В то же время западные союзники еще даже не форсировали Рейн. Думается, что принятие в Ялте «Декларации об освобожденной Европе» было максимумом того, чего могли добиться Рузвельт и Черчилль. Известные французские историки Р. Жиро, Р. Франк и Ж. Тоби обоснованно утверждали: «Заключенные соглашения касались конкретных вопросов. Но тот факт, что три человека принимали важные решения в масштабах планеты, породил два мифа. По крайней мере во Франции Ялту часто трактуют как синоним раздела мира или хотя бы Европы между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем. Для большинства американцев это также конференция больших опасных уступок, на которые наивный и ослабленный Рузвельт (он действительно был очень болен) пошел в отношении хитрого и решительного Сталина. В действительности Ялта, происходившая в совершенно особом контексте, не стала общим соглашением по всем мировым вопросам, но привела к заключению конкретных соглашений по вопросам, уже находившимся в процессе урегулирования. При этом каждый из участников конференции получил свои собственные выигрыши и преимущества»²⁸.

Реализация решения Ялты о Польше стала объектом острой политико-дипломатической борьбы между Кремлем и западными союзниками. СССР настаивал на ограниченной реорганизации Временного правительства, а США и Великобритания – на формировании нового коалиционного правительства.

Москва обладала громадным преимуществом в виде военно-политического контроля польской территории, на которой находились части Красной Армии и органы НКВД. Советское руководство проводило двойственную политику в отношении Польши: с одной стороны – политико-дипломатические маневры на международной арене, с другой – репрессии против политических оппонентов и противников коммунистов в самой Польше²⁹. Ярким примером политических репрессий со стороны советских структур стал арест в марте 1945 года шестнадцати политических и военных руководителей польского антигитлеровского подполья³⁰. Эти видные деятели были обвинены в организации вооруженных акций против Красной Армии.

Упорные дискуссии о формировании нового польского правительства завершились во время бесед советника президента США Гарри Гопкинса с И. Сталиным в Москве в начале июня 1945 года³¹. При этом «не-люблинские» поляки получили в новом правительстве только шесть мест из двадцати одного, а все ключевые силовые ведомства остались в руках сторонников Москвы. Известный американский историк Джон Гэддис отмечает: «Но соглашение Гопкинс –

²⁶ Запись заседания глав правительств, 06.02.1945. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов, стр. 92–93.

²⁷ Коммюнике о конференции руководителей трех союзных держав – Советского Союза, США и Великобритании в Крыму. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов, стр. 260.

²⁸ R. Girault, R. Frank, J. Thobie. La loi des géants 1941–1964. Paris, 1993, p. 71–72.

²⁹ См.: У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. Отв. ред. Л.Я. Гибианский. Москва, 1995.

³⁰ См.: E. Duraczynski. General Iwanow Zaprasza: Przywódca podziemnego państwa przed sądem moskiewskim. Warszawa, 1989.

³¹ См.: В. Печатнов. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. Москва, 2006, стр. 333–334.

Сталин ни в коей мере не изменило баланс сил в Польше. Самое большее, что можно было сказать о новом правительстве в Варшаве – это, как отметил журнал *Time*, «было то, что, формируя его, Россия только формально выполняла ялтинские обязательства и давала США и Великобритании возможность спасти лицо»³². Был сделан важный шаг к включению послевоенной Польши в советскую сферу влияния.

Что касается Финляндии, с которой Сталин хотел заключить пакт о взаимопомощи, то советское руководство проводило в отношении этой страны достаточно осторожную политику. Вопрос о будущей границе между СССР и Финляндией был легко решен на Тегеранской конференции «большой тройки». Сталин изложил свои пожелания: «В наши условия мира с Финляндией входит восстановление действия советско-финского договора 1940 года. При этом мы готовы, если этого пожелают финны, отказаться от Ханко взамен возвращения нам района Петсамо»³³. У. Черчилль и Ф. Рузвельт не возражали.

После поражения в войне Финляндия сохранила независимость, рыночную экономику, демократический политический режим западного типа. Москва пошла на смягчение режима перемирия с Финляндией с 1 мая 1946 года. СССР активно участвовал в подготовке и заключении мирного договора с Финляндией³⁴. Вместе с тем СССР оказывал энергичный нажим на руководителей Финляндии, чтобы усилить их зависимость от Москвы. В директивах Политбюро ЦК ВКП(б) вновь назначенному советскому посланнику в Финляндии от 13 января 1948 года подчеркивалось: «Главная задача тов. Савоненкова заключается в том, чтобы обеспечить поворот Финляндии в сторону сближения с СССР»³⁵. Советский нажим привел к подписанию 6 апреля 1948 года Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией. Этот договор закрепил включение Финляндии в советскую сферу влияния. Свобода действий страны во внешней политике была заметно ограничена; курс Хельсинки в отношении СССР означал что-то среднее между доброжелательным нейтралитетом и полноценным военным союзом³⁶.

Советское руководство прилагало энергичные усилия для консолидации сферы влияния СССР. Этот аспект занимал важное место в деятельности советской делегации в Потсдаме. В ходе беседы Молотова с Димитровым 6 августа 1945 года нарком так оценил решения Потсдама по Болгарии и по Балканам: «В основном эти решения выгодны нам. Фактически признается за нами эта сфера влияния»³⁷.

Потсдам стал важным этапом в утверждении советского влияния в Болгарии и Румынии. Однако западные державы добивались реорганизации правительств этих двух стран с целью ослабить в них влияние коммунистов и просоветских деятелей.

Москва осуществляла массированный нажим на короля Румынии и на руководителей этой страны, чтобы расширить участие коммунистов в правительстве и обеспечить его просоветский характер. СССР использовал в этих целях три инструмента давления на Румынию. 1) Присутствие Красной Армии в Румынии. 2) Деятельность Союзной контрольной комиссии под советским председательством. 3) Румынские претензии на Северную Трансильванию. Советский дипломат А.И. Лаврентьев писал в секретной записке в конце 1944 года: «Вопрос о передаче Северной Трансильвании должен явиться важнейшим рычагом воздействия на румынское правительство не только в области выполнения экономических обязательств по Соглашению о перемирии, но и в области проведения им внутренней и внешней политики»³⁸.

Правительственный кризис в конце февраля – начале марта 1945 года стал решающей фазой политической борьбы в Румынии. Не случайно, в эти дни Бухарест посетил советский эмиссар А.Я. Вышинский. Он потребовал от короля Михая отправить правительство Радеску в отставку как неспособное, по утверждениям Вышинского, «обеспечить порядок в стране, являющейся тылом Красной Армии, и поощряющее преступную деятельность железногвар-

³² J.L. Gaddis. *The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947*. New York, 1972, p. 235.

³³ Запись третьего заседания глав правительств, 30.11.1943. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сборник документов, стр. 161.

³⁴ См.: *Finnish-Soviet Relations 1944–1948*. Ed. by Jukka Nevakivi. University of Helsinki, 1994.

³⁵ Директивы для посланника СССР в Финляндии, 13.01.1948. Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 3, опись 74, дело 38, лист 11.

³⁶ См.: M. Korobochkin. *The USSR and the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance with Finland*. *Finnish-Soviet Relations 1944–1948*. Ed. by Jukka Nevakivi, p. 169.

³⁷ Г. Димитров. *Дневник* (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997, стр. 492.

³⁸ Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946 гг.). Документы российских архивов. Москва, РОССПЭН, 1998, стр. 10.

дейцев и других агентов Германии»³⁹. Советское руководство потребовало формирования румынского правительства, способного обеспечить в стране «порядок и спокойствие в интересах нашей общей борьбы против гитлеровской Германии»⁴⁰. Подобные аргументы трудно было оспаривать во время войны.

Советский нажим обеспечил формирование правительства, в котором коммунисты и их союзники заняли все ключевые посты. Один из лидеров прокоммунистического Национально-демократического фронта Петру Гроза возглавил новое правительство.

Роль Вышинского в формировании этого правительства Румынии обсуждалась во время беседы В. Молотова с государственным секретарем США Дж. Бирнсом 19 сентября 1945 года.

«Бирнс отвечает, что Правительство США совершенно не интересуется отдельными группами или лицами. Все, что Правительству США известно, – это то, что Гроза был назначен по требованию Вышинского, который заявил, что Гроза через 2,5 часа должен быть назначен премьером. Король позже говорил, что Гроза был назначен против его воли...

Молотов... хотел бы коснуться роли Вышинского. Молотов благодарен за то, что Бирнс так хорошо отозвался о Вышинском, он этого заслуживает, но Бирнс преувеличивает его роль в событиях в Румынии. Говоря, так сказать, «по секрету», он, Молотов, может сообщить Бирнсу, что Вышинский помогал образованию нового правительства, но если бы Советское Правительство не вмешалось, то в Румынии возникла бы опасность беспорядков и опасность перерастания их в гражданскую войну. При такой обстановке Советское Правительство не могло не помочь Румынскому Правительству найти выход из положения»⁴¹.

Противоборство между советским руководством, с одной стороны, и правительствами США и Великобритании, с другой, относительно ситуации в Румынии и Болгарии было завершено на Московском совещании трех министров иностранных дел в декабре 1945 года. Румынское и болгарское правительства должны были быть реорганизованы с дополнительным включением в состав каждого двух министров, представляющих «демократические элементы». На практике этот компромисс оказался формальной уступкой советской стороны. Наиболее влиятельные деятели некоммунистической оппозиции были заранее исключены из списка кандидатов на министерские посты.

И. Сталин проинформировал лидера болгарских коммунистов Г. Димитрова по телефону 23 декабря 1945 года о решении дополнительно включить двух представителей оппозиции в состав правительства. При этом Сталин отметил: «Тем не менее, чтобы обеспечить решение болгарского вопроса, подумайте, не могли бы вы включить одного-двух министров из оппозиционных кругов, оторвав их от оппозиции. Дайте им какие-нибудь незначительные министерства»⁴². Подобная ситуация наблюдалась и в Румынии. Известный американский историк Дж. Гэддис писал: «Сталинские уступки ни в коей мере не ослабили советское влияние в Восточной Европе – Джордж Кеннан удачно охарактеризовал их как “фиговые листки демократических процедур, призванные прикрыть наготу сталинистских диктатур”»⁴³.

В действительности политическое развитие Румынии, Болгарии и других стран Восточной Европы означало их постепенное включение в советскую сферу влияния.

Выступая «наследником» российских правителей, И. Сталин уделял большое внимание Балканам и зоне черноморских проливов.

Осуществляя политику наращивания советского влияния на Балканах, Сталин охотно использовал такой инструмент политики царизма, как славянофильство. В январе 1945 года он говорил во время встречи на даче с делегациями Югославии и Болгарии: «Славянские народы не должны оказаться захваченными врасплох, когда снова на них попытаются напасть, а это в будущем вероятно и даже наверняка будет. Старое славянофильство выражало стремление царской России подчинить себе другие славянские народы. Наше славянофильство совсем другое – объединение славянских народов для общей защиты своего существования и будущего. Мы не хотим ничего навязывать другим славянским народам»⁴⁴. В действительности Сталин проводил политику объединения славянских народов под эгидой Кремля.

³⁹ Телефоннограмма А.Я. Вышинского В.М. Молотову, 28.02.1945. Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946 гг.). Документы российских архивов, стр. 99.

⁴⁰ Телефоннограмма А.Я. Вышинского В.М. Молотову, 05.03.1945. Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946 гг.). Документы российских архивов, стр. 111.

⁴¹ Запись беседы В.М. Молотова с Д.Ф. Бирнсом о положении в Румынии, 19 сентября 1945 г. Советско-американские отношения, 1945–1948. Документы. Москва, 2004, стр. 31–32.

⁴² Г. Димитров. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949), стр. 518.

⁴³ J.L. Gaddis. The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947, p. 280.

⁴⁴ Г. Димитров. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949), стр. 464.

Морис Дежан писал в ноябре 1944 года о Балканах: «Сегодня, как и вчера, претензии России на полуострове диктуются не столько соображениями безопасности или территориальной экспансии, сколько озабоченностями в отношении проливов... Понятие “безопасность Черного моря” призвано иметь следствием понятие “гегемония на его берегах и в соседствующих с ним странах”. Итак, вся русская политика будет состоять в том, чтобы элиминировать в этом регионе влияние какой бы то ни было великой державы, способной поставить под вопрос господствующее положение, которое Россия оставляет за собой на Черном море, и тот контроль, который она стремится осуществлять в отношении Проливов. Кроме того, Россия понимает, что элиминировать такое влияние – это лучший способ противостоять любым поворотам судьбы»⁴⁵.

Вопрос о режиме проливов И. Сталин поставил во время переговоров с У. Черчиллем в октябре 1944 года в Москве – «**Тов. Сталин** говорит, что если речь идет о Турции, то он должен сказать, что по Конвенции в Монтре Турция имеет все права на Проливы, в то время как Советский Союз очень мало имеет прав. По Конвенции в Монтре у Советского Союза столько же прав, как и у японского императора. Он, тов. Сталин, считает, что необходимо обсудить вопрос о пересмотре Конвенции в Монтре, так как она совершенно не соответствует современной обстановке»⁴⁶. Перед отъездом Черчилля из Москвы Сталин еще раз напомнил ему про вопрос о Проливах.

Стремясь расширить свое влияние в зоне Проливов и в Средиземноморье, Москва интенсифицировала кампанию нажима на Турцию. Можно отметить устойчивую враждебность Сталина к Турции. Еще в ноябре 1940 года он говорил в беседе с Г. Димитровым: «В отношении Турции мы требуем базы, чтобы Проливы не могли быть использованы против нас... Мы выгоним турок в Азию. Какая это Турция? Там два миллиона грузин, полтора миллиона армян, один миллион курдов и т.д. Турок только 6–7 миллионов»⁴⁷. 19 марта 1945 года советское правительство денонсировало советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете 1925 года как не соответствующий новой международной обстановке и нуждающийся в улучшениях. В ходе переговоров с турецким послом в июне 1945 года нарком В. Молотов требовал изменения линии турецкой границы в пользу советских республик: Грузии и Армении, а также предоставления Советскому Союзу военно-морской базы в зоне Проливов. В Потсдаме Сталин и Молотов подтвердили советские претензии на области Карс, Артвин и Ардаган, отошедшие к Турции в 1921 году. Советские руководители требовали также, чтобы вопросы режима Черноморских проливов решались только Советским Союзом и Турцией. При этом В. Молотов ссылался на договоры XIX века между Турцией и Россией⁴⁸.

В последующие месяцы советское руководство развернуло энергичную кампанию нажима на Турцию. Позднее В. Молотов признавал: «Я ставил вопрос о контроле над проливами со стороны нас и Турции. Считаю, что эта постановка вопроса была не вполне правильной, но я должен был выполнять то, что мне поручили. Я поставил этот вопрос в 1945 году, после окончания войны. Проливы должны быть под охраной Советского Союза и Турции. Это было несвоевременное, неосуществимое дело... Хорошо, что вовремя отступили, а так бы это привело к совместной против нас агрессии»⁴⁹.

Осенью 1945 года сталинское руководство усилило также нажим на Иран. Оно отказывалось вывести советские войска с территории Северного Ирана в предусмотренные сроки (шесть месяцев после окончания войны). При этом оно добивалось нефтяной концессии на севере Ирана, поддерживало требования широкой автономии Иранского Азербайджана⁵⁰. Однако жесткая позиция США и Великобритании в сочетании с тактическими уступками со стороны иранского руководства заставили Сталина отступить.

Советское руководство выдвигало также широкомасштабные требования в ходе подготовки мирного договора с Италией. Советские руководители ставили перед союзниками вопрос о возможной советской опеке над бывшими итальянскими колониями. Во время беседы посла

⁴⁵ M. Dejean. URSS, détroits et Balkans, 22. 11. 1944. Ministère des affaires étrangères. Archives diplomatiques. Papiers Maurice Dejean. Vol. 64, f. 5.

⁴⁶ Запись беседы тов. И.В. Сталина с У. Черчиллем 9 октября 1944 года в 22 часа: О.А. Ржешевский. Сталин и Черчилль, стр. 423.

⁴⁷ Г. Димитров. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949), стр. 203.

⁴⁸ Запись шестого заседания глав правительств, 22 июля 1945 года, Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сборник документов. Москва, 1980, стр. 145–146.

⁴⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. Москва, 1991, стр. 102–103.

⁵⁰ См.: Н.И. Егорова. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. по рассекреченным архивным документам. «Новая и новейшая история», 1994, №3.

СССР в США А.А. Громыко с американским государственным секретарем Дж. Бирнсом советский дипломат напомнил советское предложение «о получении нами под опеку определенных территорий в будущем». Бирнс спросил, имеются ли в виду какие-либо определенные владения, принадлежавшие вражеским государствам. В ответ Громыко «указал, как на пример, на итальянские владения в Африке и в Средиземном море»⁵¹. Переговоры по этому вопросу были продолжены. В. Молотов впоследствии вспоминал: «Понадобилась нам после войны Ливия. Сталин говорит: “Давай, нажимай!”. В том-то и дело, что аргументировать было очень трудно. На одном из совещаний министров иностранных дел я заявил, что в Ливии возникло национально-освободительное движение. Но оно пока еще слабенькое, мы хотим поддержать его и построить там свою военную базу. Бевину стало плохо. Ему даже укол делали. Пришлось отказаться. Обосновывать очень трудно было»⁵².

Директивы политбюро ЦК ВКП(б) советской делегации на совещании заместителей министров в Совете министров иностранных дел в Лондоне, утвержденные 7 января 1946 года, предписывали:

«а) При обсуждении вопроса об итальянских колониях в качестве первой позиции отстаивать установление *индивидуальной* опеки и предоставление Советскому Союзу опеки над Триполитанией (часть современной Ливии – *М.Н.*) на срок в 10 лет.

В качестве второй позиции советская делегация должна согласиться с предложением об установлении *коллективной* опеки пяти держав: США, СССР, Великобритании, Франции и Италии, предусмотрев при этом, что для каждой территории будет назначен консультативный совет, а также администратор, подотчетный Совету по опеке Объединенных Наций. Обеспечить, чтобы на одной из территорий (в Триполитании или Киренаике) пост администратора был предоставлен Советскому Союзу.

Свое согласие на установление коллективной опеки советская делегация должна поставить в зависимость от предоставления Советскому Союзу небольшой базы для торгового и военного флота в одном из портов Триполитании и Киренаики.

б) Решение вопроса о дальнейшей судьбе итальянских колоний должно приниматься одновременно с решением вопроса о Додеканезе.

Советская делегация должна обеспечить, чтобы в предварительных переговорах с греками было обусловлено, что согласие на передачу островов Додеканез Греции может быть дано, если Советскому Союзу будет предоставлена на условиях аренды база для торговых кораблей на одном из Додеканезских островов (предпочтительно на о. Родос, на о. Стампакия или о. Скорпанто)»⁵³.

Тем самым Советский Союз стремился добиться баз и плацдармов в Средиземноморье, узаконить свое присутствие в этом регионе. Нарком В. Молотов в телеграмме советскому послу в Риме от 5 февраля 1946 года просил разъяснить лидеру итальянских коммунистов П. Тольятти: «Цель нашего предложения в том, чтобы Советский Союз получил возможность вклиниться в Средиземное море, где Англия пытается занять чуть ли не монопольное положение против интересов других средиземноморских государств. Если Советский Союз вклинится в Средиземное море и войдет в соприкосновение с Италией, – это только будет полезно демократической Италии»⁵⁴.

Однако добиться баз в зоне Проливов, на Додеканезских островах, в Триполитании или Киренаике, распространить свое влияние на Средиземноморье и Ближний Восток Советскому Союзу не удалось.

Рассмотрение советской политики во время Второй мировой войны показывает приоритетность геополитических соображений для Кремля. Сталин последовательно выступал за присоединение к СССР новых территорий с соответствующим изменением границ, за создание советской сферы влияния по всему периметру границ страны в Европе. При этом в 1939–1941 годах соответствующие изменения советских границ осуществлялись в сотрудничестве с нацистской Германией, а в 1941–1945 годах – в сотрудничестве с союзниками по антигитлеровской коалиции. Сталин максимально использовал военно-политическую обстановку для достижения выгодных договоренностей с партнерами. В 1941–1945 годах советское руководство отстояло возврат к границам СССР на июнь 1941 года и даже добилось некоторых новых терри-

⁵¹ Запись беседы А.А. Громыко с Дж. Бирнсом по вопросу о подопечных территориях, 20.07.1945. Советско-американские отношения. 1939–1945. Документы. Москва, 2004, стр. 725.

⁵² Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. Москва, 1991, стр.103.

⁵³ Директивы советской делегации на совещании заместителей министров в Совете министров иностранных дел в Лондоне, 07.01.1946. Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3, опись 65, дело 284, лист 29.

⁵⁴ Телеграмма В. Молотова советскому послу в Риме, 05.02.1946. Архив Президента Российской Федерации. Фонд 45, опись 1, дело 319, лист 1.

ториальных приобретений: район Петсамо, Кенигсберг с прилегающей территорией, Закарпатская Украина плюс возвращение Японией Южного Сахалина и передача Советскому Союзу Курильских островов. Советский Союз сумел создать собственную сферу влияния, над которой был установлен жесткий контроль. При этом, по моему мнению, вряд ли можно говорить о *разделе* сфер влияния между СССР и западными державами во главе с США и Великобританией. Скорее можно говорить о *выделении* сферы влияния СССР по периметру его границ, в то время как большая часть регионов и территорий рассматривалась как сфера влияния Запада. Сталинскому руководству не удалось распространить влияние Советского Союза на зону Проливов, в Средиземноморье, на Ближний и Средний Восток. Мне представляется, что, наряду с действиями западных держав, направленными на изоляцию СССР в послевоенном мире, советские устремления по названным направлениям стали одной из причин нарастания международной напряженности вскоре после окончания Второй мировой войны и фактором возникновения холодной войны.

Следует также отметить жесткие недемократические методы, которые использовал И. Сталин для закрепления советского господства в Восточной Европе. Опорой его политики стали силы Красной Армии, советские органы Наркомата внутренних дел и местные компартии, руководство которых последовательно ориентировалось на Москву. Установление просоветских режимов, во многом копировавших тоталитарную модель сталинского СССР, предвещало напряжения и кризисы в странах Восточной и Юго-Восточной Европы.

М.Ю. Мягков¹

В поисках будущего: американская оценка участия СССР в послевоенном устройстве Европы 1941–1945 гг.

Анализ будущего послевоенного устройства Европы требует специального рассмотрения, поскольку в современном мире цена принятия США своих решений в международных делах чрезвычайно высока, а в условиях появления перед мировым сообществом новых угроз, непрекращающихся локальных конфликтов очень многое будет зависеть от того, сумеют ли США поддерживать взаимовыгодное сотрудничество с Россией, правильно воспринимать и уважать ее национальные интересы.

По мере развития коренного перелома во второй мировой войне проблемы территориального плана и послевоенного мирного устройства стали все чаще возникать в переговорах между союзниками. К осени 1943 г., после впечатляющих побед советских войск на Восточном фронте, представители США, Великобритании и СССР вплотную обратились к проблемам политического будущего Европы. Завершающий этап дискуссий союзников по европейским делам открылся высадкой западных союзников во Франции в июне 1944 г. Здесь уже в полной мере дали о себе знать существовавшие между западными державами и СССР противоречия.

Рузвельт по праву считается политиком, выступавшим за развитие взаимовыгодных связей между западными странами и СССР в послевоенное время. Однако несмотря на определяющее влияние президента на внешнюю политику США, рядом с ним действовали как сторонники, так и противники полномасштабного альянса с СССР. Против политики сближения с Москвой выступали многие влиятельные конгрессмены, представители различных национальных меньшинств, проживающих в Америке (в том числе этнические поляки); критика Советского Союза в США исходила и от католической церкви. Кроме того, отношение Рузвельта к СССР и к его участию в послевоенном устройстве европейского континента не было заранее предо-

¹ Мягков Михаил Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

пределено. Позиция президента в «русском» вопросе, как показывают недавно опубликованные документы архивов США², представляется совсем не однозначной, что важно для исследования особенностей видения послевоенного устройства Европы и прежде всего восточной ее части не только со стороны США, но и Великобритании. В этом же контексте необходимо выделить проблему признания руководством США советских границ 1941 года, включающих прибалтийские республики, Западную Украину и Западную Белоруссию, Бессарабию и ряд других территорий, что связано с распределением сфер влияния на континенте в целом.

В суждениях Рузвельта о СССР переплетались элементы стратегии, геополитики и идеологии. Позитивно оценивая перспективы сотрудничества с Москвой, он в то же время опасался и исходящей от нее опасности для американских интересов. Рузвельт, размышляя о глобальной системе послевоенной безопасности, Организации Объединенных Наций, не мог не учитывать потенциал военно-промышленного комплекса США, который в перспективе вел к экономическому, а затем и политическому господству Америки на большей части территории планеты. Все эти моменты заставляют несколько по иному посмотреть на личность самого Рузвельта в контексте советско-американских отношений, на мотивацию принятия им решений в европейских делах. Наконец, на позицию президента решающим образом оказывало положение на фронтах, способность СССР не только выдержать удар Германии, но организовать против нее успешное наступление.

Известно, что накануне нападения Германии на СССР Государственным департаментом США было принято решение не обнадеживать СССР никакими политическими обещаниями в случае развязывания против него военной агрессии.³ Сразу после начала Великой Отечественной войны президент США Рузвельт выразил свою полную поддержку борьбе СССР против агрессии, однако заместитель госсекретаря США С. Уэллес указал, что «для народа Соединенных Штатов... принципы и доктрины коммунистической диктатуры являются совершенно неприемлемыми. Они такие же чуждые американским идеям, как и принципы и доктрины нацистской диктатуры».⁴ В начальный период Великой Отечественной войны военное ведомство США полагало, что Германия будет занята разгромом России минимум месяц, а максимум 3 месяца.⁵

Оценки стали меняться после встречи со Сталиным личного представителя Рузвельта Г. Гопкинса в конце июля 1941 г. Помощник президента увидел в Москве решимость сражаться до конца и призвал Рузвельта к самой активной помощи СССР⁶. И как следствие, несмотря на тяжелейшие положение Красной Армии и неясность перспектив войны, уже 1 августа 1941 г. президент на встрече с членами своего кабинета подверг их жесткой критике за отсутствие реальных мер по поддержке Москвы.

В августе 1941 года Рузвельт и Черчилль подписали знаменитую Атлантическую хартию, два первых пункта которой декларировали отсутствие у США и Великобритании стремления к территориальным захватам и переделу мира не находящегося «в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов».⁷ Характер и направленность этого документа еще нуждается в дальнейшем анализе. Неясно – была ли Хартия сепаратным соглашением, которое, подчеркивая общность геополитических и военных целей двух стран, в то же время предоставляло им свободу рук в определении будущего отношения к запросам других государств? В конце концов, почему, заявляя о своей позиции в территориальных делах, Вашингтон и Лондон (у последнего, кстати, было немало проблем в своих колониях) не только не проконсультировались с Москвой, но даже ни разу не упомянули о ее интересах? Считали ли они, что в будущем СССР уже вряд ли займет место среди мировых держав, либо готовили официальное обоснование для неприятия его требований в случае поражения стран «оси»? В сентябре 1941 г. Советский Союз заявил, что выражает свое согласие с основными положениями Хартии, хотя это отнюдь не означало, что он согласен на пересмотр своих довоенных границ.

Черчилль довольно благосклонно отзывался о выдвижении советской границы на запад в 1939 г. Тем не менее летом-осенью 1941 г., англичане, равно как и американцы, счита-

² См.: Мировые войны XX века. В 4-х кн. / Науч. рук. О.А. Ржешевский. Кн. 4: Вторая мировая война. Документы и материалы. Отв. ред. М. Мягков, сост. Ю. Никифоров. М., 2002.

³ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (Далее: FRUS). 1941. Vol. I. Washington, 1958. P. 766–767.

⁴ New York Times, 1941. June 24.

⁵ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 1, М., 1958, С. 495–496.

⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1 1941–1943. М., 1984. С. 482.

⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. 1. М., 1944. С. 147–148.

ли весьма вероятным поражение Красной Армии в борьбе с вермахтом. Давать в этой связи Москве какие-либо обещания относительно ее территорий, не зная, где окажутся советские войска в конце войны, было, по мнению Лондона, преждевременно. Так, в декабре 1941 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден отказался подписывать секретный протокол к советско-английскому договору, содержащий пункты о восстановлении в составе СССР оккупированных Германией и ее союзниками территорий Эстонии, Латвии, Литвы, Бессарабии и Северной Буковины, а также обсуждать вопрос о польско-советской границе с учетом национальных особенностей населения и вопрос о Финляндии «в духе действительного обеспечения безопасности СССР».⁸ Таким образом, позиция Сталина по вопросу о границах была уже твердо определена. Однако здесь в дело вступал уже американский фактор. Отказ подписать секретный протокол британский министр мотивировал, в том числе, необходимостью консультаций с руководством США, отмечая, что «Рузвельт еще до того, как Россия подверглась нападению, направил нам послание с просьбой не вступать без консультаций с ним в какие-либо секретные соглашения, касающиеся послевоенной реорганизации Европы».⁹ Другими словами, Иден подтверждал, что США намерены в будущем выступать как сторона – участник мирного договора и обсуждать в том числе вопросы о послевоенных границах.

К весне 1942 г. Великобритания, исходя из разворачивавшихся на фронте событий и, видимо, с учетом требований СССР, сочла возможным изменить подходы к некоторым принципам Атлантической хартии. Так, 7 марта 1942 г. У. Черчилль писал Ф. Рузвельту: «В условиях возрастающих тягот войны я прихожу к мысли, что принципы Атлантической хартии не следует трактовать таким образом, чтобы лишить Россию границ, в которых она находилась, когда на нее напала Германия. Это была основа, на которой Россия присоединилась к Хартии, и, я полагаю, русские провели жестокий процесс ликвидации враждебных элементов в прибалтийских государствах и т.д., когда они заняли эти районы в начале войны. Я надеюсь поэтому, что Вы сможете предоставить нам свободу действий для подписания договора, который Сталин желает иметь как можно скорее».¹⁰

Сталин продолжал настаивать на том, чтобы договор с Великобританией гарантировал Москве территории, присоединенные к СССР в 1939–1940 гг., желая также чтобы и США признали границы СССР по состоянию на 22 июня 1941 г. Однако Рузвельт и Госдепартамент США в то время решительно возражали против такого пункта в соглашении между Москвой и Лондоном.¹¹ В феврале 1942 года президент США дал указания заместителю госсекретаря С. Уэллсу сообщить британскому послу в Вашингтоне Галифаксу, что не считает возможным принять советские предложения относительно границ. Этот вопрос, сказал он, должен решаться после окончания войны. Рузвельт пояснил, что сам собирается обратиться по этому вопросу к советскому правительству.¹²

С течением времени позиция президента относительно территориальных проблем и сфер влияния в Европе претерпела изменения, поскольку в декабре 1941 года США вступили в мировую войну, став жертвой нападения Японии. Всю первую половину 1942 г. они вынуждены были отступать под нажимом японских войск. Помощь СССР могла бы иметь решающее значение для Америки, и Рузвельт запросил о ней Сталина практически сразу после событий в Перл-Харборе. Ответ Сталина, данный 10 декабря, объяснял невозможность нарушения советско-японского пакта 1941 г. и неразумность вступления в войну с Японией. Тем не менее, Сталин, как отмечает профессор А.А. Кошкин, давал понять, что такая помощь может стать возможной в случае успешного развития обстановки на советско-германском фронте. Более того, на переговорах с Иденом он уже менее категорично отвергал вероятность подключения СССР к борьбе с Японией.¹³ Японский фактор мог стать своеобразным козырем Москвы в вопросе о скорейшем открытии второго фронта и решении послевоенных территориально-политических проблем, тогда как для Лондона и Вашингтона необходимо было не допустить, чтобы Сталин стал подозревать западных союзников в нежелании удовлетворить его минимальные требования. Вопрос шел об учете взаимных интересов, без чего эффективное сотрудничество с Москвой и сама победа над Германией могли быть поставлены под вопрос.

⁸ Опубл. в: *Ржешевский О.А.* Война и дипломатия, 1941–1942. Документы, комментарии 1941–1942. М, 1997 С. 26–28.

⁹ *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 54.

¹⁰ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 217–218.

¹¹ Там же. С. 218.

¹² *Сиполс В.* Великая Победа и дипломатия. М. 2000. С. 91.

¹³ *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиной в век. М., 2004. С. 180–185.

Весной 1942 года Рузвельт стал менять свои взгляды относительно интересов СССР. Уже 12 марта он пригласил советского посла М.М. Литвинова и информировал его о своей позиции. Президент сказал, что «по существу, у него нет никаких расхождений» с советским правительством о советских западных границах и что он всегда считал ошибкой отделение прибалтийских провинций от России после первой мировой войны. Рузвельт заявил, что «он заверит Сталина частным образом, что он с ним абсолютно согласен». По указанию из Москвы Литвинов сообщил в Госдепартамент, что советское правительство приняло информацию Рузвельта к сведению, однако оно пока не стало поднимать перед Белым домом вопрос о западных границах СССР.¹⁴

Разрешение всего комплекса проблем, касающихся взаимоотношений СССР и США, в огромной степени зависело от личного доверия между лидерами этих государств, и вопросы будущего территориально-политического устройства Европы не являлись исключением. Рузвельт прекрасно осознавал эту ситуацию и уже 16 марта 1942 г. написал послание Черчиллю, в котором, критикуя «наихудшую часть» своей прессы – издания Маккормика-Патерсона, Херста и Скриппс-Ховарда за то, что они «сводят роль Америки лишь к защите Гавайских островов, восточного и западного побережья континента» и пытаются «спрятать голову в собственный панцирь и ждать, пока кто-нибудь не нападет на тебя», прямо заявил, что лично он «может вести дела со Сталиным лучше, чем весь Форин офис или Государственный департамент».¹⁵

Необходимо также заметить, что уже весной 1942 г. американский президент приходит к выводу о том, что Советский Союз может стать после войны одной из ведущих мировых держав. Так, 20 мая, выступая перед представителями Комитета по вопросам послевоенных международных отношений Государственного департамента¹⁶, он отмечал «Соединенные Штаты, Великобритания, Россия и Китай должны осуществлять контроль, разрешать споры и поддерживать безопасность в послевоенном мире. Именно они будут определять, какие сокращения вооружений необходимо произвести. Они также будут осуществлять периодические инспекции вооруженных сил и контроль как водного, так и воздушного пространства», выразив мнение, «что одной из важнейших стран, которую необходимо было бы разоружить, является Франция. Мы ничего не сможем решить в Европе до тех пор, пока обе страны – как Германия, так и Франция – не будут разоружены и не останутся в таком положении».¹⁷

Таким образом, у Рузвельта был достаточно серьезный повод не препятствовать восстановлению довоенных границ СССР по причинам прежде всего глобального характера – возможности налаживания сотрудничества с Москвой в деле поддержания международной безопасности в послевоенное время. Шаги по удовлетворению интересов СССР, безусловно, работали на укрепление союзнических отношений, причем в условиях, когда до открытия второго фронта было еще далеко. В конструировании своей концепции послевоенного мира президент мог опираться на солидную общественную поддержку в самих Соединенных Штатах. Опрос общественного мнения в США показывал невероятно возросшее чувство ответственности простых граждан за будущее всего мира. Как подчеркивал 14 марта 1942 г. в своей телеграмме в американское посольство в Лондоне директор заокеанских операций Управления военной информации американской армии Р. Шервуд, только 11% из всего числа опрошенных выступали за возвращение к изоляционизму. Еще меньший процент хотел жить в союзе лишь с англо-говорящими странами или в составе содружества американских государств. Лидирующим мнением являлось создание мировой лиги или мировой ассоциации¹⁸. Все это сблизало позиции Лондона и Вашингтона относительно признания довоенных советских границ. Они отличались лишь в той части, что Рузвельт не желал пока именно публичного одобрения Америкой территориальных приобретений СССР до 22 июня 1941 года.

В мае-июне 1942 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов совершил визит в Великобританию и США. Территориальная проблема являлась ключевой в этих переговорах. Так, во время обсуждения условий союзного англо-советского договора камнем преткновения

¹⁴ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 91–92.

¹⁵ US. Library of Congress. Manuscript Division. W.A. Harriman Papers. (далее: WAHP) Chronological file (далее: CF) Cont. 161.

¹⁶ Комитет по вопросам послевоенных международных отношений был образован при Госдепартаменте США в начале 1942 г. В его работе приняли участие Государственный секретарь К. Хэлл, его заместитель С. Уэллес, помощник Госсекретаря Э. Стеттиниус, а также ряд известных дипломатов: Л. Пазвольский, Х. Ноттер, Н. Дэвис и др. Комитет занимался разработкой вопросов послевоенного мироустройства и исследованиями, касающимися роли США в решении различных внешнеполитических проблем. Большой интерес представляют записи Комитета (сделанные, по-видимому, Х. Ноттером), фиксирующие устные суждения Ф. Рузвельта по вопросам международных отношений.

¹⁷ US. National Archive. Archive II, College Park, VA. (далее: NA) RG 59. Entry 498. Box 54.

¹⁸ WAHP. CF. Cont. 161.

стала, как и ожидалось, советско-польская граница. В беседе с советским наркомом 21 мая 1942 г. Иден прямо заявил, что «английское правительство сделало уступку и согласилось с советским правительством в отношении Прибалтики. В настоящее время ему, Идену, непонятно, какую уступку должно сделать английское правительство в вопросе о советско-польской границе».¹⁹ Дело окончилось тем, что Молотов получил инструкцию от Сталина согласиться с предложениями британской стороны и подписать простой договор, без указания будущих границ. 24 мая Сталин телеграфировал Молотову в Лондон: «Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. *Вопрос о границах, или, скорее, о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны будем решать силой* (выделено нами – М.М.)».²⁰

Во время последующего визита Молотова в Вашингтон 29 мая – 5 июня 1942 г. прибалтийская проблема не затрагивалась, хотя во время переговоров был обсужден широкий круг военных и политических вопросов, в том числе и открытие второго фронта. Будучи реалистом и учитывая общественное мнение в своей стране, Рузвельт уходил пока от детального обсуждения послевоенных территориальных проблем, заостряя внимание на общих проблемах мировой безопасности. Историк В.Л. Мальков приводит информацию о беседе американского президента с Артуром Свитцером, происходившей как раз в дни визита в Вашингтон В.М. Молотова. Президент говорил об обновленной Лиге наций в виде мощного «резервуара силы» и вновь высказал идею о США, СССР, Великобритании и Китае как контролерах послевоенного мира – «четыре полицейских», которые могли бы сдерживать в будущем любого потенциального агрессора.²¹ Президент в то время, пожалуй, уже нащупал и пытался оформить свою концепцию взаимодействия союзников после завершения войны но, как отмечает профессор У. Кимболл, перед ним вставала дилемма – он не сомневался, что безопасность народов в будущем должна зависеть от великих держав, но его волновал вопрос, кто и как будет контролировать сами эти великие державы.²² Думал ли Рузвельт, что все спорные ситуации будут разрешаться после войны на основе компромисса, или одна из великих держав окажется в более выгодном положении в виду возросшей своей мощи? В этой связи интересно замечание В.М. Малькова о том, что Рузвельт в то время был озабочен вопросом – как, одержав победу над Гитлером, «гарантировать лидерство США в послевоенном переустройстве».²³

В конце 1942 г., после начала мощного советского контрнаступления под Сталинградом, высшее командование вооруженных сил США пришло к выводу о важности укрепления отношений с СССР для дальнейшего хода войны и ее результатов. Подобное заключение учитывало не только наличие общего врага двух стран в лице Германии, но и возможность будущего вступления СССР в войну с Японией. Кроме того, Вашингтон понимал, что без участия Москвы теперь невозможно серьезно обсуждать вопросы создания прочного мира в послевоенное время.

Уже в октябре 1942 года аналитики из военного ведомства подготовили для ближайшего помощника Рузвельта Г. Гопкинса меморандум, в котором содержались следующие слова: «...Россия нужна нам не только как могущественный военный союзник для разгрома Германии; в конечном счете, она понадобится нам в аналогичной роли и для разгрома Японии. И, наконец, она нужна будет нам как подлинный друг и деловой клиент в послевоенном мире... По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не останется ни одной державы, которая могла бы противостоять огромным военным силам России. Правда, Великобритания укрепляет свои позиции на Средиземном море против России, что может оказаться полезным для создания равновесия сил в Европе. Однако и здесь она не будет в состоянии противостоять России, если не получит соответствующей поддержки».²⁴

В январе 1943 года Рузвельт, выступая на совместном заседании членов Палаты представителей и Сената, подчеркнул, что «самые большие и самые значительные изменения во всей стратегической обстановке произошли в 1942 г. на громадном советско-германском фронте... Объединенные нации могут и должны оставаться объединенными и после войны для поддержания мира и предотвращения новых попыток со стороны Германии, Японии, Италии либо другой какой-либо нации подвергнуть насилию десятую заповедь – “Не возжелай дома ближнего своего”».²⁵

¹⁹ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль ... С. 110–111.

²⁰ Там же С. 157.

²¹ Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 392.

²² Кимболл У. «Семейный круг»: послевоенный мир глазами Рузвельта // Вопросы истории. 1990, Т. 12. С. 5.

²³ Мальков В.Л. Указ. соч. С. 391.

²⁴ Публ. по: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 2, М., 1958. С. 282–285, 431–432.

²⁵ WАНP. CF. Cont. 163.

Дальнейшие события показали, что Рузвельт действительно ратовал за необходимость поддержания дружественных отношений с СССР. Уже тогда, в начале 1943 года в его оценках будущего взаимодействия с Москвой появились элементы сомнения и тревоги.

Как представляется, Рузвельт, не имевший к тому времени личных доверительных контактов с Сталиным, стал опасаться, что Советский Союз адаптирует в Европе политику односторонних действий, что шло вразрез с интересами Запада. 25 февраля 1943 г., излагая перед представителями Госдепартамента свой взгляд на перспективы создания мировой системы безопасности, Рузвельт, по свидетельству присутствовавших, был «очень обеспокоен вопросом о России». Констатировалось, что «...с одной стороны, президент придерживается мнения, [что] фактически весь мир должен быть разоружен, за исключением Соединенных Штатов, Великобритании, России и Китая. Но с другой стороны, президент с большой похвалой отзывается о плане Буллита²⁶, основанном на недоверии к Советскому Союзу и согласно которому вся Европа западнее СССР должна быть организована как единый хорошо вооруженный лагерь. Он нужен для того, чтобы противостоять продвижению России на запад. Президент не знает, что делать с Россией, и беспокоится за будущее развитие событий...»²⁷

В сжатом виде президент затронул на этой встрече и вопросы, касавшиеся будущего многих европейских государств. Его суждения были довольно откровенны. Он считал, что Восточная Пруссия должна отойти к Польше. Югославия, возможно, должна быть разделена. Будет образовано государство Сербия во главе с королем Петром, а в Хорватии проведен плебисцит. Франция должна лишиться Индокитая, но его новый статус пока под вопросом. Относительно международной организации он высказал следующие мысли: (1) «Мирной конференции быть не должно, поскольку все мирные вопросы будут разрешаться четырьмя странами (четырьмя Великими державами) совместно с техническими экспертами, число которых не будет превышать десяти; (2) должно быть несколько международных комиссий, которые будут перемещаться из одного места в другое. Женева более не должна быть местом заседаний международной организации – такого постоянного места вовсе не должно быть. Исключая военные договоренности в Касабланке, не надо вести никаких протоколов о наших беседах и переговорах...»

Суждения Рузвельта в феврале 1943 г. о послевоенном контроле над миром и будущем Европы можно добавить следующими строками, отложившимися в качестве примечания к документу Комитета по послевоенным международным отношениям Госдепартамента: «Президент изменил свое отношение к Франции. До высадки в Северной Африке Президент придерживался мнения о необходимости разоружения Франции. Но теперь он обдумывает следующий вопрос – что случится, если Франция и Германия будут разоружены, а Россия останется вооруженной и не согласится сотрудничать с США, Великобританией и Китаем в деле поддержания мира?»²⁸

Сомнения Рузвельта кажутся, на первый взгляд, вполне объяснимыми – он пытается выстроить свою систему планетарной безопасности и беспокоится о надежности одной из ее ведущих опор. Вопрос вновь идет о доверии между союзниками. Но так ли безупречны стандарты, в рамках которых действует президент?

Попытаемся обозначить приоритеты, которые могли стоять в то время перед Рузвельтом. Представляется, что вопрос здесь стоял не только в поддержании военно-политического баланса, но и в сохранении и укреплении позиций США. Послевоенная торговая экспансия американских монополий на европейский континент в случае доминирования там СССР оказалась бы невозможной. Америка вела свою игру, чтобы, добившись скорейшего разгрома нацистской Германии, не допустить при этом чрезмерного присутствия СССР в Европе и оставить под своим влиянием Францию (хотя бы до момента определения ее будущего статуса).

В конечном итоге решение всех этих проблем было тесно увязано с подготовкой вторжения на континент через пролив Ла-Манш. Но, заметим, вторжения, оптимально выверенного по времени и масштабам. Складывающаяся стратегическая ситуация на фронтах войны позволяла Вашингтону провести спокойный и грамотный расчет, то есть организовать десант именно в тот момент, когда мощь Германии будет уже окончательно подорвана, но еще до того, как СССР приблизится к жизненно важным для интересов США районам Европы. Конкретные высказывания президента Рузвельта, где он напрямую говорил бы о вышеназванных причи-

²⁶ Буллит У. (1891–1967) – американский дипломат, посол США в СССР (1933–1936), посол США во Франции (1936–1941), специальный представитель Президента США на Дальнем Востоке (1941), помощник секретаря Военно-морского министерства (1942–1943).

²⁷ NA. RG 59. Entry 498. Box 54.

²⁸ NA. RG 59. Entry 498. Box 54.

нах затягивания операции вторжения, мы вряд ли когда-нибудь обнаружим. Предполагать, что именно они, а не военно-технические факторы или позиция Черчилля, послужили основными мотивами для затягивания западными союзниками открытия второго фронта, можно только на основании косвенных источников. Тем не менее Москва усматривала в нежелании Запада организовать скорейшую высадку во Франции вполне определенные политические резоны.

Известно, что к первой половине 1943 г. проблема открытия второго фронта вызвала самые серьезные разногласия между союзниками по антигитлеровской коалиции, а на некоторых этапах сражений 1941–1943 гг. имела для Советского Союза критическое значение. Так было в ходе Московской битвы, и в битве за Сталинград, и даже накануне битвы на Курской дуге летом 1943 г. Время шло, но второй фронт так и не был открыт. Англо-американская конференция в Касабланке (январь 1943 г.) показала, что и в 1943 г. наступления союзников во Франции не будет. Руководители США и Великобритании готовились к военным действиям в Средиземноморье. В мае 1943 г. Рузвельт был вынужден уже официально сообщить в Москву о переносе сроков открытия второго фронта на 1944 г.²⁹

Все это происходило на фоне разрыва Москвы с польским эмигрантским правительством в Лондоне и сокращения поставок в СССР по ленд-лизу³⁰. Напряжение нарастало, и стороны сделали ряд резких заявлений. Из Лондона и Вашингтона были отозваны советские послы И. Майский и М. Литвинов. Москва всерьез задавалась вопросом – насколько искренними являются договоры о сотрудничестве с США и Великобританией, и готовы ли они допустить Советский Союз к решению вопроса о послевоенном устройстве Европы?

С другой стороны, в начале 1943 г. в американском Госдепартаменте, Управлении стратегических служб и других государственных ведомствах США широкое распространение получили оценки вероятности заключения Москвой сепаратного мира с Германией, что связано с появлением слухов о контактах советских и немецких представителей в нейтральных странах, в том числе о якобы имевшей место встрече В.М. Молотова и Й. Риббентропа в июне 1943 г. в оккупированном немцами Кировограде.³¹ Главным основанием для подобных гипотетических предположений являлся тот факт, что СССР больше не захочет проливать кровь своих солдат, так как плодами его победы могут воспользоваться окрепшие и не понесшие серьезных потерь западные союзники. Имеются основания предполагать, что это была дезинформация, подготовленная в Москве и специально предназначенная для лидеров Англии и США. Она могла способствовать осознанию западными союзниками угрозы остаться один на один с Гитлером и, соответственно, ускорению их приготовлений к вторжению в Европу.

Обе стороны – СССР и США – подозревали друг друга в нечестной игре. Если Рузвельт прислушивался к советам Буллита, видевшего в России источник коммунистической экспансии, то Сталин имел право задуматься об истинных причинах постоянных отсрочек военной операции во Франции. После перелома под Сталинградом при Госдепартаменте США активизировали свою работу комитеты и подкомитеты, занимавшиеся вопросами прогнозирования роли США и других стран в послевоенном мире. Такой анализ проводился в отделах Управления стратегических служб, Комитете начальников штабов и военном ведомстве США. В Москве также следили за своими союзниками и их политическими решениями. Осенью 1943 года при НКВД была образована Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, которую возглавил бывший посол в США М. Литвинов (т.н. «комиссия Литвинова»). Скорректировать свои стандарты поведения в рамках коалиции возможно было только путем личной встречи лидеров союзных держав, тем более что вопросы, связанные с отношением к послевоенной Германии и распределением сфер влияния как в Восточной, так и Западной Европе, уже явственно выходили на первое место.

Весну 1943 года можно датировать как время, когда Рузвельт смирился с вхождением в СССР территорий, присоединенных к нему в 1939–1940 гг., за исключением некоторых участков границы, которые он пока считал спорными. Так, во время визита А. Идена в Вашингтон

²⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 650–655. Объединенный комитет начальников штабов разработал и в августе 1943 г. представил на Квебекскую конференцию глав правительств США и Англии план «Рэнкин». Согласно этому плану, в случае неожиданно быстрого полного разгрома вооруженных сил Германии Красной Армией англо-американские войска должны были срочно высадиться в Северной Франции и оккупировать возможно большую территорию Европейского континента.

³⁰ Поводом для разрыва Москвы с «лондонскими поляками» послужила германская информация о найденных под Катынью (на оккупированной вермахтом территории Смоленской области) могил польских офицеров. Польское эмигрантское правительство поддержало инициированное немцами расследование т.н. «катынского дела» при посредничестве Международного Красного Креста, доказывающее виновность Советского Союза в расстреле поляков. В ответ Москва обвинила правительство В. Сикорского в пособничестве нацистской Германии и заявило о необходимости прервать с ним отношения.

³¹ Liddel Hart B. History of the Second World War. L. 1970. P. 488.; Liddel Hart. Centre for Military Archives. 9/31/46.

в марте 1943 года он недвусмысленно высказался за то, чтобы Бессарабия оставалась в составе СССР, а восточная граница Польши проходила по «линии Керзона». Рузвельт сказал также, что придется согласиться с вхождением в состав СССР Прибалтики, но при этом следует добиться от Москвы уступок по другим вопросам.³² Из дальнейшего развития событий хорошо видно, что эти вопросы касались отношения к Германии, Польше и другим государствам Восточной Европы. Большие надежды американский президент возлагал также и на будущее участие России в войне против Японии.

После разгрома немецких войск на Курской дуге суждения Рузвельта о потенциале СССР стали еще более определенными. В разговоре с кардиналом Спеллманом президент сказал, что после войны Россия будет «доминировать в Европе». «США и Великобритания не смогут воевать против России... Русские выпускают так много военной продукции, что американская помощь, за исключением разве что грузовиков, представляется незначительной». Но самое главное – уже на этом этапе войны Рузвельт предлагал договориться о зонах ответственности будущих победителей, что, по его мнению, могло выглядеть следующим образом: «Китай получает Дальний Восток, США – регион Тихого океана, Британия и Россия – Европу и Африку. Но поскольку Великобритания будет прежде всего занята своими колониями, то можно предположить, что интересы СССР в Европе будут доминирующими».³³

Дискуссии о том, как могут строиться будущие взаимоотношения с СССР, развернулись в то время во многих правительственных и военных учреждениях США. В этой связи обращает на себя внимание доклад исследовательского и аналитического департамента Управления стратегических служб США «Могут ли Америка и Россия сотрудничать?», подготовленный незадолго до начала Квебекской конференции руководителей США и Великобритании 1943 года.³⁴ В нем отмечалось: «Цели США в войне не противоречат минимальным требованиям СССР, но они находятся в явном противоречии с его возможными максимальными требованиями, то есть с советизацией Европы и доминированием в ней». Здесь же прогнозировались три возможных альтернативных линии поведения США: 1) немедленное достижение компромисса с Россией, устранение существующих противоречий; 2) следование такой политике, которая не зависит от политики и стратегии СССР; и 3) «Мы стараемся повернуть против России все силы пока еще не разгромленной Германии, которая будет управляться либо нацистами, либо генералами...».

К чести составителей документа, ими был отброшен третий вариант стратегии, говорящий о примирении с Гитлером, и были выдвинуты варианты наиболее приемлемых путей дальнейшего взаимодействия с Москвой: скорейшее начало боевых действий в Западной Европе, что было бы выгодно не только США, но и СССР; совместная оккупация Германии; участие СССР в войне против Японии и т.д. В заключение указывалось, что подобная политика компромисса «может иметь огромные положительные результаты... Обязательным условием проведения такой политики является твердое согласие на открытие нами боевых действий в Западной Европе. Если же компромисса не удастся достичь, то Америке и Великобритании не останется ничего другого, как преследовать свои собственные цели независимо от позиции Советского Союза. Однако и в этом случае открытие боевых действий в Западной Европе не может быть предметом для обсуждения».³⁵

В известной мере такой вариант учитывался и Ф. Рузвельтом, о чем свидетельствует его решение не информировать Москву о ведущихся в США исследованиях в области создания атомной бомбы («Манхэттенский проект»). Эту «дубинку» американский президент оставлял про запас. Однако медлить с открытием второго фронта западные союзники уже не могли, поскольку оттягивать высадку и дальше означало пойти на риск подрыва своего влияния в Европе, когда существовала вероятность, что СССР сможет самостоятельно добиться победы над Германией и захватить все ключевые районы континента.

Ряд документов, относящихся к англо-американской конференции в Квебеке в августе 1943 г., подтверждает, что западные союзники в то время уже сильно опасались односторонних действий СССР в Европе и вступления его на путь выдвижения «максимальных требований»³⁶, доказательством чего служит осуждение полученной от советского лидера телеграммы, в которой, по словам одного из ближайших советников Рузвельта, ставшего в октябре

³² Сиполс В. Великая Победа и дипломатия. М. 2000. С. 166.

³³ Robert I Gannon S.J. The Cardinal Spellman Story. N.Y., 1962. P. 222–224.

³⁴ На англо-американской конференции в Квебеке в августе 1943 г. были приняты важные решения, касающиеся стратегии подготовки вторжения в Европу, координации секретных разработок ядерного оружия и др.

³⁵ WАНP.CF. Cont. 164.

³⁶ WАНP.CF. Cont. 164.

1943 года послом в СССР, А. Гарримана, «в достаточно грубой форме предлагалось, чтобы Сталин имел куда большее участие в делах на определенных направлениях». Речь шла о телеграмме Сталина Рузвельту и Черчиллю от 22 августа 1943 г., в которой тот выражал свое отношение к ведущимся Англией и Америкой переговорам с итальянцами о новых условиях перемирия. Сталин указывал на неосведомленность советского правительства о деталях этих переговоров и заявлял, что «до сих пор дело обстояло так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдавшего. Должен Вам сказать, – подчеркивал советский лидер, – что терпеть дальше такое положение невозможно...»³⁷

Гарриман заметил, что «премьер-министр и президент были особенно раздражены, поскольку они старались держать Сталина полностью информированным. Однако невозможно вначале раздражаться Сталиным потому, что он оставался в стороне, а затем из-за того, что он грубо присоединяется к компании». На самом деле оценки и прогнозы Черчилля шли куда дальше. Он сказал Гарриману, что «предвидит в будущем кровавые последствия (используя слово «кровавые» в его буквальном смысле). Сталин – противоестественный человек, – подчеркнул британский премьер. – Будут серьезные неприятности».³⁸ Неизвестно, придерживался ли Рузвельт в тот момент подобного мнения или нет, хотя было понятно, что эмоциональный британский премьер постарается убедить президента именно в таком развитии событий. В конце концов, Италия, на территории которой вели боевые действия англо-американские войска, равно как и Югославия, могли считаться Черчиллем сферой интересов только западных союзников.

На повестке дня лидеров западных союзников стояло решение об открытии второго фронта. В заключительном докладе объединенного англо-американского штаба президенту и премьер-министру, составленном 24 августа 1943 г. по результатам Квебекской конференции, говорилось уже о сроках начала мощной десантной операции в Европе – операции «Оверлорд», которая «явится главной операцией сухопутных войск и военно-воздушных сил Соединенных Штатов и Великобритании против стран «оси» в Европе (предварительная дата начала операции – 1 мая 1944 года)».³⁹

Еще одним предметом беспокойства США был вопрос о том, как поведет себя Москва в освобожденных странах. Сотрудники Госдепартамента активно готовили аналитические записки, содержащие анализ будущей политики СССР. Интересным в этом плане представляется документ, подготовленный 1 сентября 1943 г., – «Современные тенденции советской внешней политики». В нем говорилось, что, несмотря на то, что СССР присоединился к Атлантической хартии и подписал союзный договор с Великобританией, он тем не менее отказывается от тесного военного сотрудничества с западными державами. Все это, по мнению аналитиков, указывало на то, что «советское правительство могло адаптировать в Европе такую политику, которая была бы независимой от западной или даже противостоящей ей. Советские лидеры, по-видимому, желают сохранить позиции, позволяющие им иметь максимум свободы в определении альтернативной линии поведения. Они будут выбирать политику, зависящую от развития событий и учитывающую постоянные интересы государства... Он (СССР) требует восстановления своих границ по состоянию на 22 июня 1941 г., выступает против образования любого блока восточноевропейских государств, находящихся не под его контролем. Если западные державы будут выступать против подобной политики, шансы того, что СССР отвернется от сотрудничества с ними и даже займет в отношении Запада враждебную позицию, серьезно возрастут».⁴⁰ Именно поэтому у Рузвельта с осени 1943 года все более стало укрепляться понимание того, что Москва не отступится от своих территориальных интересов.

Встречаясь с А. Гарриманом накануне отъезда последнего в Москву в качестве нового посла США, президент говорил, что надеется удержать Сталина от односторонних действий в территориальных вопросах путем признания СССР в качестве великой державы и оказания послевоенной помощи, высказывал мысли – показавшиеся Гарриману даже наивными – в частности, о проведении плебисцита в Прибалтике.⁴¹ В своем меморандуме о беседе с Рузвельтом 2 сентября 1943 г. Гарриман отмечал: «Президент [собирается] вести окончательные пе-

³⁷ Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1976. С. 85.

³⁸ WАНР CF. Cont. 164.

³⁹ *Говард М.* Большая стратегия. Август 1942 – сентябрь 1943. Пер. с англ. М., 1980. С. 434–435.

⁴⁰ WАНР. CF. Cont. 164.

⁴¹ *Печатнов В.О.* Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946) // Новая и новейшая история. 2002. №3. С. 184.

реговоры, основываясь главным образом на разъяснении реакции мировой общественности на насильственные захваты. Очевидно, что Советы имеют силу предпринимать односторонние акции». В отношении Германии Рузвельт высказал соображения о разделе ее на три или пять государств и ликвидации ее воздушного флота. Зоны оккупации немецкой территории – три или четыре (если будет допущена Франция) – должны проходить через Берлин. Оккупационные силы, возможно, не будут большими.⁴² Относительно сфер влияния в Европе президент не углублялся в конкретные подробности. Он не хотел, «чтобы США в военном плане напрямую отвечали за континент, разве только как дополнительная сила. Это должна быть работа Советского Союза, Великобритании и (возможно) Франции».⁴³ Рузвельт подчеркивал, что США не заинтересованы в контроле над Европой, хотя американский лидер уже не говорил о «доминирующем влиянии» Москвы на европейские дела. Почему? Не являлось ли это тонкой игрой, смысл которой – оставаясь в стороне, следить за будущим противоборством на континенте Англии и России? Иными словами, не собирался ли Рузвельт сохранить за собой права арбитра европейского баланса, каковым в прошлые века считала себя Великобритания? Последующие события и поступки Рузвельта приоткрывают нам завесу над его подлинными замыслами.

Итак, осенью 1943 г. основной упор президент делает на возможности коррекции восточной границы Польши. В отношении Прибалтики сделка уступает место обращению к моральным ценностям. Отметим, что именно в этот момент – накануне встречи министров иностранных дел трех держав в Москве и последовавшей затем Тегеранской конференции – президент желает заручиться обещанием Сталина (пусть пока и устным) вступить в будущем в войну на Тихом океане.

Незадолго до Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, выступая 5 октября 1943 года перед представителями Госдепартамента, Рузвельт заявил: «В собственных интересах России, исходя из ее нынешнего положения в мире, сделать заявление о том, что спустя примерно два года после войны она организует еще один плебисцит в Балтии. Несмотря на то, что сама Россия считает предыдущий плебисцит окончательным, остальной мир, по-видимому, так не думает. Подобная идея может быть применима и к Восточной Польше. Президент полагает, что новая граница должна в любом случае проходить несколько восточнее «линии Керзона». Лемберг [Львов] должен отойти к Польше, и там необходимо провести плебисцит после того, как население оправится от шока войны...».

Кстати говоря, президент затронул на этой встрече вопрос не только о западных, но и о восточных границах СССР. Рассуждая о международной опеке над различными «ключевыми пунктами безопасности» и островами в Мировом океане в послевоенное время, он бросил фразу, что «Курильские острова должны на самом деле быть переданы России...». А некоторые примеры, приведенные президентом, напрямую затрагивали интересы СССР: так, «свободной зоной» под международным контролем, по его мнению, мог стать проход в Балтийское море через Кильский канал. Подобную зону Рузвельт предложил организовать специально для России применительно к Персидскому заливу.⁴⁴

Рузвельт вновь высказал идею раздела Германии на несколько государств, «которые будут полностью суверенными, но соединены общими почтовыми службами, едиными линиями коммуникаций, железными дорогами, таможенными правилами» и должны быть лишены любой активности в военной сфере. Восточная Пруссия – отторгнута от Германии, а все существующие там «опасные элементы насильственно переселены». Нежелательные последствия такого раздела Рузвельта особенно не волновали.⁴⁵

В отношении репараций с поверженного рейха президент учитывал возможную позицию СССР. Он отметил, что «они не должны быть обязательно денежные, они могут выплачиваться в форме предоставления рабочей силы и оборудования».⁴⁶ Именно такой вариант в последующем устроил и Сталина.

⁴² В документе Госдепартамента США от 8 сентября 1943 г. «Советская политика в отношении Германии» говорилось, что СССР «имеет намерение ограничить военную мощь Германии, чтобы она в будущем уже никогда не смогла угрожать безопасности Советского Союза. Однако СССР выступает против полного разоружения Германии – возможно, из-за своей теории, что «вакуум силы» между Россией и Западом может стать полем для антисоветских интриг, возможно, из-за того, что считает разоруженную и бессильную Германию способной скорее повернуться на запад, чем на восток, в надежде получить оттуда необходимую экономическую помощь и восстановить свои позиции среди великих держав...». В документе также указывалось, что Москва, по-видимому, против всех планов разделения Германии на несколько мелких государств и собирается компенсировать Польше территориальные потери на востоке за счет предоставления ей взамен немецких земель на западе (имелись в виду земли Восточной Пруссии, Померании и Силезии. (см.: WAMP. CF. Cont. 164)

⁴³ WAMP. CF. Cont. 164.

⁴⁴ NA. RG 59. Entry 498. Box 54.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid.

Военно-политическая ситуация в Европе и Азии, роль СССР в борьбе против блока агрессоров сделали невозможным для лидеров США и Великобритании ведение диалога с СССР с позиции какого-либо рода диктата. Однако в проектах повестки дня Московской конференции аналитики Госдепартамента предлагали, что в случае, если Советский Союз будет настаивать на признании его границ 1941 года, поставить перед ним вопрос – почему должны быть сделаны какие-то исключения в пользу СССР в обход основного принципа, что все территориальные и пограничные проблемы должны решаться не до, а после заключения мирного соглашения и одобрения некой формы международной организации для сохранения послевоенной безопасности. В инструкциях госдепартамента от 13 сентября 1943 г. подчеркивалось, что делегация Соединенных Штатов должна избегать «непоправимой» скоропалительности в уступках советским требованиям и не давать возможность увязывать их с успехом послевоенного сотрудничества СССР с западными демократиями.⁴⁷

На Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, проходившей осенью 1943 г., для выработки рекомендаций по делам послевоенной Европы стороны решили учредить в Лондоне Европейскую консультативную комиссию. Государственный секретарь США К. Хэлл предложил также рассмотреть документ «Основные принципы капитуляции Германии», в котором предлагались меры по ее оккупации, демилитаризации и расчленению на несколько государств. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден одобрил этот план. Свое согласие высказал и В.М. Молотов, подчеркнув, однако, что СССР не желает пока открыто высказываться за жесткие меры по отношению к Германии. Вопрос о будущем германского государства был передан на рассмотрение ЕКК, которой также предстояло обсудить и французскую проблему.

Участники конференции приняли и ряд других документов: Декларацию об Италии, предусматривающую демократизацию всех политических институтов страны, и Декларацию об Австрии, зафиксировавшую восстановление в будущем ее независимого статуса. В процессе дискуссий суждения Рузвельта о «4-х полицейских», которые будут охранять будущий мир, начали находить воплощение в межправительственных документах. 30 октября представители великих держав – Молотов, Хэлл, Иден, а также посол Китая в СССР Фу Бинчан – подписали Декларацию, в которой говорилось о необходимости добиться безоговорочной капитуляции стран «оси» и «учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности» с участием в ней всех миролюбивых государств.⁴⁸

Встреча министров иностранных дел трех держав, по сути дела, открыла новый этап взаимодействия между союзниками. Накануне Тегеранской конференции Рузвельт как никогда нуждался в достоверной информации о мнении советского руководства по поводу перспектив советско-американского сотрудничества, и Гарриман старался не обмануть ожиданий президента. Суждения посла выглядели достаточно оптимистично. Однако Гарриман не оставлял в стороне и некоторые тревожные нюансы возможной будущей политики СССР. Так, он отмечал: «Советы остались очень довольны тем, как проходила конференция... Было интересно наблюдать за реакцией Молотова. По мере того, как он стал осознавать, что мы не собираемся выступить против него единым фронтом и готовы честно и открыто обсуждать наши предварительные наметки, он выражал все большее удовольствие тем, что впервые допущен к совещанию в качестве полноправного члена, обладая такими же правами, как британцы либо мы сами...» Гарриман заметил, что представители СССР готовы «сделать существенные уступки ради достижения еще большей близости между нами». Вместе с тем посол утверждал, что «советское правительство будет твердо стоять на позиции, которую оно уже обозначило касательно своих границ 1941 г. <...> Проблема Польши еще более сложная, чем нам представлялось. Русские относятся к нынешнему польскому правительству в эмиграции как к враждебному и поэтому считают его совершенно неприемлемым. Они решительно настроены признать только такое польское правительство, которое являлось бы искренним и дружественным соседом. С другой стороны, Молотов вполне определенно сказал мне, что Москва желает видеть Польшу в качестве сильного независимого государства, безотносительно, какую социальную и политическую систему захотят избрать сами поляки... Но они решительно не настроены иметь на своих границах в Восточной Европе любое подобие санитарного кордона». Гарриман также счел своим долгом предупредить президента о том, что, «несмотря на то, что русские собираются информировать нас о своих акциях, они предпочтут принимать односторонние действия в отношении этих [пограничных] стран, устанавливая с ними такие

⁴⁷ WАНP.CF. Cont.164 164.

⁴⁸ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19-30 октября 1943 г.) Сб. документов. М., 1978. С. 346-348, 358.

отношения, которые считали бы удовлетворительными для себя». Посол полагал, что «подобная жесткая линия могла бы быть пропорционально смягчена увеличением доверия Москвы к Британии и США в деле построения всемирной системы безопасности».⁴⁹

Дискуссии по широкому комплексу военно-политических вопросов, происходивших в Москве, дали возможность главам держав Большой тройки более обстоятельно подойти к их обсуждению на конференции в Тегеране 28 ноября – 1 декабря 1943 г. Именно здесь лидерам трех ведущих держав антигитлеровской коалиции удалось решить вопрос о сроке открытия второго фронта, который назначался на май 1944 г.

Обсуждался вопрос и о будущем послевоенной Германии. Однако, как вспоминал адмирал У. Леги,⁵⁰ на конференции «не было достигнуто никакого определенного решения по вопросу о расчленении Германии, который длительное время обдумывал Рузвельт, хотя его план, казалось, был в принципе воспринят положительно».⁵¹ Американский президент считал возможным появление на месте рейха пяти стран, международный контроль на Гамбургском, Кильском канале, Рурской областью и Сааром. Но Сталин с недоверием отнесся к таким планам и избегал брать на себя какую-либо инициативу в вопросе. Он высказался за установление в Германии союзнического контроля над основными стратегическими пунктами и ликвидацию самой возможности будущей германской агрессии. Более того, опасаясь организации нового антисоветского кордона, он прохладно отнесся к предложениям западных лидеров о создании в Европе различных конфедераций государств (например, Дунайской). Сталин поднял вопрос о возможности передачи СССР незамерзающих портов на Балтийском море, в частности, Кенигсберга. В итоге германский вопрос (как это случилось и на Московской конференции министров иностранных дел) было решено отложить и передать на обсуждение Европейской консультативной комиссии.

Лидеры трех держав затронули сложнейшую польскую проблему, включавшую будущее политическое устройство этого государства и прохождение его границ. У. Леги подчеркивал, что во время Тегеранской конференции «проблема польских границ подробно не обсуждалась. После того, как все в той или иной мере признали в качестве восточной границы Польши “линию Керзона”, – Рузвельт, правда, конкретного согласия не дал, – вопрос о западных границах остался нерешенным, хотя три руководителя, в принципе, согласились, что Польша должна получить часть германской территории как компенсацию за тот район, который должен был остаться у России...»⁵²

30 ноября, в день, когда Рузвельт объявил Сталину о сроках открытия второго фронта, на конференции был поднят вопрос и о свободном выходе СССР к теплым морям. Причем инициатором обмена мнениями выступил не советский лидер, а британский премьер, сказавший, что СССР должен получить доступ к «незамерзающим портам». Сталин согласился с этим, добавив, что, по его мнению, надо было «пересмотреть вопрос и о режиме турецких проливов» – то есть выхода России из Черного моря, подчеркнув, что СССР «заперт также и на Дальнем Востоке», так как важнейшие проливы там контролируют японцы. Говоря о Дальнем Востоке в целом, Сталин не возражал против создания независимой Кореи и возвращения Формозы и Маньчжурии Китаю. После этого в разговор вступил Рузвельт, заостривший внимание на своей идее свободных портов. «На Дальнем Востоке, – по его мнению, – таким портом мог бы быть Дайрен». На возражение Сталина, что этим, возможно, будет недоволен Китай, Рузвельт ответил, «что Китай с этим будет полностью согласен». В конце дискуссии Черчилль заявил: «Управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий».⁵³

Понятно желание Черчилля видеть Великобританию мощным и равноправным членом коалиции великих держав. Но не будем забывать, что Черчилль говорил о Дальнем Востоке, где британские позиции за последнее время сильно пошатнулись. На роль главного арбитра в том регионе претендовали США. В отношении европейских дел Черчилль предпочел выдерживать паузу.

На Тегеранской конференции лидерам западных стран стало ясно, что лично для себя Сталин уже закрыл тему включения Прибалтики в состав Советского Союза. Как отмечает М. Гил-

⁴⁹ WАНР. CF. Cont. 170.

⁵⁰ *Леги У.* (1875–1959) – адмирал флота (1944). Во второй мировой войне – начальник штаба при верховном главнокомандовании вооруженными силами США, одновременно председатель Комитета начальников штабов.

⁵¹ *Леги У.* Советник двух президентов // Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К.Хэлла, У.Леги, Д.Эйзенхауэра. М., 1990. С. 422.

⁵² *Леги У.* Указ. соч. С. 422.

⁵³ Советско-американские отношения во время второй мировой войны 1941–1945. Т. 1. М., 1984. С. 453–456.

берт, Черчилль, вернувшись из Тегерана, сообщил Идену: «Когда Сталин говорил о Восточной Пруссии и Кенигсберге, он ничего не сказал о прибалтийских государствах, которые останутся под русским контролем при любых обстоятельствах», – и добавил: «Запросы русских никак не выходят за пределы границ бывшей царской России, а в ряде случаев они заметно меньше».⁵⁴

В Тегеране, в ходе личного контакта с советским лидером, свой окончательный подход к вопросу о прибалтийских республиках выработал и Рузвельт. Фактически это было одобрение их вхождения в состав СССР, обусловленное желанием проведения там послевоенного плебисцита. Рузвельта особо не интересовали формы этого плебисцита и контроль над ним. Ему нужно было формальное согласие Сталина, которое он мог бы использовать для успокоения общественного мнения американцев и прежде всего – выходцев из прибалтийских государств. 1 декабря 1943 года, учитывая предстоящие выборы, в разговоре со Сталиным Рузвельт заявил: «в Соединенных Штатах может быть поднят вопрос о включении прибалтийских республик в Советский Союз, и я полагаю, что мировое общественное мнение сочтет желательным, чтобы когда-нибудь в будущем каким-то образом было выражено мнение народов этих республик по этому вопросу. Поэтому я надеюсь, что маршал Сталин примет во внимание это пожелание. У меня лично нет никаких сомнений в том, что народы этих стран будут голосовать за присоединение к Советскому Союзу так же дружно, как они сделали это в 1940 году». Сталин ответил, что «у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю», что, конечно, по его мнению, не означало, «что плебисцит в этих республиках должен проходить под какой-либо формой международного контроля».⁵⁵ Рузвельт с этим согласился.

На последнем этапе второй мировой войны, в 1944–1945 гг., прибалтийский вопрос отошел в тень. Сталин считал его решенным, полагая, что американский президент будет вполне удовлетворен такой формой волеизъявления народов Прибалтики, как участие в выборах в Верховный Совет СССР, что де-факто доказывало желание населения Эстонии, Латвии и Литвы находиться в составе Союза ССР. Действительно, вскоре после войны, в феврале 1946 года, состоялись выборы в Верховный Совет СССР, а в феврале 1947 г. состоялись выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик, в которых приняло участие подавляющее большинство их коренного населения. Что касается дальнейшей американской позиции по отношению вхождения Прибалтики в состав СССР, то Вашингтон официально не признавал этого свершившегося факта, хотя и не выступал открыто против. Подобная позиция американского руководства была обусловлена прежде всего фактом изменившейся ситуации на фронтах войны и в целом на международной арене. Рузвельт продолжал популяризировать свою идею о «4-х полицейских». Но он как опытный политический деятель не мог не понимать, что только двое из них – США и СССР – после войны будут реально располагать всем спектром военно-политических рычагов для бескомпромиссной защиты своих интересов. Если все главные вопросы послевоенного устройства мира будут решаться в Вашингтоне и Москве, следовательно, надо договариваться с СССР, втягивать его в разрешение проблем, имеющих глобальное значение, уходя от жесткой постановки вопросов о его собственных границах и сферах влияния в Восточной Европе. Как вспоминал К. Хэлл, осенью 1943 г. Рузвельт и его ближайшие помощники, к которым он относил и себя, «хотели восстановления нормальных дипломатических отношений между Россией и Польшей, хотели, чтобы советское правительство согласилось с широкими принципами международного сотрудничества после войны, сгруппированными вокруг создания организации по поддержанию мира. Но мы не собирались настаивать на урегулировании во время войны таких специфических вопросов, как определение границы между Польшей и Россией».⁵⁶ Как Рузвельт, так и его ближайшее окружение действительно считали, что СССР выйдет из войны одной из самых могущественных держав. Однако они считали также, что стратегия привлечения СССР к разрешению широких международных проблем приносила США значительный выигрыш по времени, позволяла сохранить западный образ жизни в наиболее развитых европейских странах, а в перспективе давала Америке шанс расширить свое военное и экономическое влияние в различных уголках планеты и добиться единоличного контроля над всем миром. Первым шагом к достижению подобной цели был разгром нацистской Германии.

После высадки англо-американских войск в Нормандии 6 июня 1944 г. сотрудничество держав Большой тройки достигло пика своего развития, причем одно из ведущих мест в дискуссиях Ста-

⁵⁴ *Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэма, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М., 1990 С. 422*

⁵⁵ Советско-американские отношения во время второй мировой войны 1941–1945. Т. 1. М., 1984. С. 453–456.

⁵⁶ Хэлл К. Государственный секретарь США вспоминает. // *Вторая мировая война в воспоминаниях... М., 1990. С. 375–393.*

лина, Рузвельта и Черчилля занимало будущее восточноевропейских государств и их границ.

Информация о том, что представлял из себя в то время американский политический Олимп, какие оценки относительно будущего сотрудничества с СССР, в том числе в европейских делах, существовали у самого Рузвельта и в различных правительственных кругах, была представлена в докладе посла СССР в США А.А. Громыко наркому иностранных дел В.М. Молотову от 14 июля 1944 г. К тому времени советский посол успел достаточно хорошо изучить механизм принятия решений в американском руководстве, знал позицию государственных и общественных деятелей в вопросе о сотрудничестве с СССР. Так, Громыко отмечал, что, несмотря на поддержку Конгрессом США курса Рузвельта в отношении СССР, некоторые республиканцы открыто выражают свои симпатии к лондонским полякам и «всячески поносят Рузвельта, пытаясь заставить его встать на сторону польского правительства и поддержать притязания последнего по территориальному вопросу», а сам Рузвельт также учитывает мнение польского меньшинства. «Объясняется это в значительной степени политическими соображениями, связанными с предвыборной кампанией. Рузвельт пытается удержать голоса американских поляков за собой в предстоящих выборах (ноября 1944 г.)». Особо в этой связи советский посол подчеркнул, что американские католики поддерживают эмигрантское правительство в Лондоне и распространяют антисоветскую пропаганду.

Громыко добавлял, что в некоторых официальных и деловых кругах США были распространены сомнения по поводу судьбы некоторых стран Европы. Эти круги «считают, конечно, неизбежным усиление влияния Советского Союза в Польше, Германии, Финляндии, на Балканах, а также в других странах Европы. Однако больше всего их тревожит мысль о возможных социальных переворотах в европейских странах, могущих произойти в результате усиления влияния Советского Союза в Европе в ходе войны».⁵⁷

Касаясь линии Рузвельта на сотрудничество с союзниками, Громыко отмечал, что за это выступает большинство населения Америки. Твердую позицию в этом вопросе занимает Демократическая партия, и даже «Республиканская партия все более приходит к выводу о необходимости, в интересах же США, сотрудничества с другими странами, и прежде всего с такими крупнейшими странами мира, как Советский Союз и Британская империя».⁵⁸

Громыко подчеркивал также, что в течение определенного времени США будут, безусловно, заинтересованы в сохранении мира по причине огромного усиления в ходе войны их военного и экономического потенциала. Однако в этой части доклада он сделал, пожалуй, одно из наиболее важных замечаний, которое касалось объективного положения дел и не зависело от личности президента. «США за годы войны значительно увеличили производственный аппарат, – отмечал посол. – Американская промышленность... сделала также большой технический прогресс. Ввиду этого деловые круги США считают, что, несмотря на высокий прожиточный минимум в стране, другие страны не в состоянии будут после войны выдерживать конкуренцию с промышленностью США и что Соединенные Штаты в этом отношении будут находиться в преимущественном положении по сравнению с другими странами... [США] будут, безусловно, заинтересованы в использовании в максимальной степени в мирной обстановке тех выгод и преимуществ, которых они уже добились и которых еще добьются в ходе войны». Громыко подчеркивал также, что «в этом свете только и можно понять готовность Соединенных Штатов принять активное участие в международной организации по поддержанию мира и безопасности».⁵⁹

По поводу позиции США в так называемом «прибалтийском вопросе» и в целом участия СССР в послевоенном устройстве Европы Громыко писал: «Правительство Рузвельта считает, что вопрос о прибалтийских странах решится сам собой при освобождении этих стран Красной Армией... Тем не менее время от времени антисоветская пресса, а также представители национальных прибалтийских меньшинств в США могут и впредь жевать прибалтийский вопрос». Посол далее отмечал, что после заявления Москвы по поводу Румынии о том, что СССР не имеет намерения менять политический строй этого государства, беспокойство официальных и деловых кругов США относительно тех стран Восточной Европы, куда вошли или в скором времени должны были войти советские войска, несколько улеглось. «Однако, – замечал посол, – оно не устранило существующих подозрений в отношении СССР и не устранило тревогу за судьбу, в частности, балканских стран».⁶⁰

Расширение сферы советского влияния в Юго-Восточной Европе не входило в планы за-

⁵⁷ Советско-американские отношения, 1939–1945. Под ред. Г.Н. Севостьянова; сост. Б. Жилев, В. Савченко. М., 2004. С. 544–545.

⁵⁸ Там же. С. 546.

⁵⁹ Там же. С. 548.

⁶⁰ Там же. С. 552.

падных стран и прежде всего Великобритании, неразрешенным вопросом оставался также контроль со стороны СССР над стратегическими проливами Босфор и Дарданеллы. Авторитет СССР среди балканских народов заставлял Лондон думать об ослаблении здесь позиций Москвы. Позиция Великобритании нашла в последующем полную поддержку со стороны США. Понимая, что не в силах влиять на политический курс и социальный строй Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, Лондон и Вашингтон приложили максимум усилий для того, чтобы запирающие выход в Средиземное море Турция и Греция оставались в сфере западного влияния.

По мере успешного продвижения Красной Армии к своим границам на центральном направлении, ведущем через Польшу непосредственно к сердцу Германии, интересы Москвы и западных союзников все больше обращались именно к этому региону Европы. И именно Польша явилась своеобразным тестом на прочность всего военного и политического авторитета Запада в противовес СССР.

В дискуссии союзников по польскому вопросу решило вмешаться само польское эмигрантское правительство. 1 августа 1944 года в оккупированной немцами Варшаве вспыхнуло антифашистское вооруженное восстание, инициированное руководителями Армии Крайовой в рамках разработанного эмигрантским правительством плана освобождения польской столицы до момента вступления в нее частей Красной Армии. Восстание было слабо подготовлено и ко 2 октября потерпело поражение. В ходе боев и террора немецких оккупантов погибло около 200 тыс. чел., а Варшава была почти полностью разрушена. В этой связи 5 сентября 1944 г. Москва направила Лондону официальное послание, возлагая ответственность «за варшавскую авантюру, предпринятую без ведома советского военного командования и в нарушение оперативных планов последнего» на польское эмигрантское правительство.⁶¹ На, казалось бы, безоблачном небе союзнических отношений, установившихся после 6 июня 1944 г., появились признаки надвигающейся грозы.

Такой поворот событий стал предметом тщательного анализа и в американском правительстве. Известно, что Государственный департамент, руководители ряда государственных, военных и разведывательных подразделений США в этот период войны все настойчивей старались убедить Рузвельта в необходимости перехода к бдительной и формальной политике в отношении СССР, когда речь заходила об определении дальнейшей судьбы ряда восточно-европейских государств.⁶² Их выводы и советы базировались, в том числе, на информации, поступавшей от американского посла в Москве А. Гарримана. 9 сентября он писал в телеграмме Г. Гопкинсу: «Советы совершенно игнорируют наши интересы и не желают обсуждать даже насущные вопросы». Упомянув о нежелании русских продолжать операцию «Фрэнтик»⁶³, о запрете на доступ американских представителей в Румынию и ряд других нерешенных проблем, посол особо отметил: «Теперь же я чувствую, что те, кто выступает против нашего взаимодействия, уже оформили свою позицию... Советские требования к нам становятся все настойчивей... Общее настроение [советских официальных лиц] следующее – американцы обязаны помогать России, поскольку именно Россия выиграла эту войну для Америки.

Я убежден, что мы можем изменить эту тенденцию. Но это произойдет только в том случае, если мы существенно изменим всю нашу политику в отношении советского правительства. Представляется, что Советы неправильно воспринимают нашу генеральную линию по отношению к ним. Они считают ее за проявление нашей слабости.

Пришло время, когда мы должны прояснить нашу позицию и высказать то, что мы ожидаем получить от Советов взамен проявленной с нашей стороны доброй воли. Иначе настанет такая ситуация, когда они начнут задирааться везде, где у них существуют интересы. Их политика, несомненно, распространится на Китай и Тихий океан, когда они обратят свое внимание на этот регион. Не должно быть никаких письменных соглашений с Советами по каким-либо существенным вопросам, если в них не будет предусмотрено признание Москвой интересов других народов и политики взаимной выгоды».⁶⁴

В октябре 1944 г. Гарриман был назначен представителем президента США на переговорах между Сталиным и Черчиллем в Москве, в ходе которых было заключено так назы-

⁶¹ Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 3. М., 1999. С. 460–461.

⁶² Там же.

⁶³ Кодовое название операции по организации авиацией западных союзников челночных бомбардировок Германии с использованием в том числе аэродромов в районе Полтавы (1944 г.).

⁶⁴ WАНР. CF. Cont. 174.

ваемое «процентное соглашение»⁶⁵ относительно распределения сфер влияния на Балканах.⁶⁶ Американскому послу в СССР Гарриману не удалось присутствовать на той встрече между Сталиным и Черчиллем. Однако как Черчилль, так и Иден информировали его по ходу дела о содержании имевших место дискуссий. Рузвельт отрицательно относился к тому, чтобы какие-либо соглашения о распределении сфер влияния на континенте (в частности, на Балканах) решались за его спиной. 4 октября 1944 года через Гарримана президент направил Сталину следующее послание: «Я твердо убежден, что мы втроем и только втроем можем найти решение по еще не согласованным вопросам. В этом смысле я, вполне понимая стремление г-на Черчилля встретиться, предпочитаю рассматривать Ваши предстоящие беседы с премьер-министром как предварительные к встрече нас троих, которая, поскольку это касается меня, может состояться в любое время после выборов в Соединенных Штатах. При настоящих обстоятельствах я предлагаю, если Вы и премьер-министр это одобрите, чтобы мой посол в Москве присутствовал на вашем предстоящем совещании в качестве наблюдателя от меня».⁶⁷ Интересна приписка Рузвельта сделанная персонально для Гарримана. «Вы должны иметь в виду, что нет ни одного вопроса – подлежащего, как я предвижу, обсуждению между маршалом Сталиным и премьер-министром, – которые не интересовали бы в высшей степени и меня...Сразу же после окончания переговоров я жду Вас у себя. В ходе наших бесед Вы, конечно, будете иметь полную возможность проинформировать меня и мистера Хэлла о текущих делах и дать необходимые советы».⁶⁸

Показательно, что Рузвельт стремился к тому, чтобы вопрос о будущем европейских (в т.ч. балканских) стран решался только при участии трех великих держав. Тем самым он показывал заинтересованность США в разрешении спорных ситуаций, даже если вопрос о «сферах влияния» на Балканах волновал прежде всего Россию и Великобританию. Речь могла идти как об экономическом, так и военном присутствии американцев в этой части Европы, выполнении ими функций посредника в конфликтных ситуациях. Соблюдение баланса сил в «пороховом погребе Европы» – в данном случае, между СССР и Великобританией – оставалась актуальной задачей, и решить ее могла только третья, независимая в своих действиях великая держава. Для США наступало время примерить на себе мундир европейского арбитра, который долгое время носила Англия, а в середине XIX века пыталась заполучить и Россия. Подобная роль неизбежно вела к усилению американского политического, а следовательно, и экономического влияния в регионе. Заслон такому влиянию со стороны СССР (экономика которого была слабее американской и к тому же пережила тяжелейшую войну) мог быть поставлен только с помощью радикальных изменений социально-политического строя в государствах, находившихся в сфере его интересов. Во всяком случае, Москва была заинтересована в официальном подтверждении своего влияния на Балканах, в то время как Вашингтон противился этому. И если этот регион невозможно было сразу поставить под международный контроль, то подготовка пространства для политических маневров в будущем, создание условий, при которых возможно в нужный момент блокироваться с одной из сторон ради сохранения и укрепления своих интересов, была для США задачей ключевого значения.

Так оно в дальнейшем и случилось. В феврале 1945 г. на Ялтинской конференции три державы приняли Декларацию об освобожденной Европе, в которой, в частности, содержалось обязательство обеспечить ее народам создание демократических учреждений по их свободному выбору. Как отмечал Гарриман в телеграмме госсекретарю США в конце 1945 г., «Великобритания и Соединенные Штаты руководствовались принципами, изложенными в этой Декларации, и поэтому оба этих правительства выступили против тех акций, которые Советы предприняли в Румынии и Болгарии (имелось в виду поддержка прокоммунистических сил этих стран). В Потсдаме главы делегаций США и Великобритании заняли совместную позицию о непризнании образованных к тому времени правительств Румынии и Болгарии. Эта позиция была подтверждена и на конференции в Лондоне...»⁶⁹ В то же время Турция и Греция после войны полностью попали под влияние западных союзников, а вскоре на их территории появились военные базы, нацеленные против Советского Союза. Такую позицию США и Великобритании можно назвать вполне закономерной. Противостояние интересов СССР и за-

⁶⁵ Черчилль поставил вопрос о распределении сфер влияния СССР и Британии на Балканах 9 октября 1944 г., во время первой встречи со Сталиным в ходе его визита в Москву. На этой встрече обсуждался также и польский вопрос.

⁶⁶ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 418–439.

⁶⁷ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. 1944–1945. М., 1984. С. 224.

⁶⁸ WАНP. CF. Cont. 174.

⁶⁹ Ibid.

падных держав полным ходом скатывалось к холодной войне, в которой противники должны были ослаблять друг друга на всех направлениях и с использованием самого широкого спектра военно-политических, экономических и идеологических методов борьбы. Но первый шаг к определению позиции США в балканских делах был сделан еще в октябре 1944 г., то есть еще при жизни Рузвельта.

Весьма ценную информацию о взглядах американского президента в конце 1944 г. мы находим в меморандуме А. Гарримана о встречах с президентом между 24 октября и 18 ноября 1944 г.⁷⁰

Во время первой встречи с президентом Гарриман имел возможность рассказать президенту о деталях визита премьер-министра Черчилля в Москву. Рузвельт, по свидетельству Гарримана, выказал малую заинтересованность в восточноевропейских делах, считая «европейские вопросы настолько сложными, что лучше стоять от них подальше, по крайней мере, ограничиться проблемами, которые напрямую относятся к Германии...». В одной из последующих бесед Рузвельт сказал, что хотел больше времени посвятить тихоокеанскому региону.

Вторая беседа Гарримана с Рузвельтом произошла вскоре после выборов, 9 ноября. В части беседы, посвященной польскому вопросу, «президент стал развивать фантастическую идею о том, что Сталин мог бы согласиться с предложением оставить город Львов Польше. Город будет представлять собой как бы польский остров посреди украинских фермерских полей». Посол постарался объяснить президенту, что невозможно иметь капиталистический город посреди социалистической страны. На что Рузвельт ответил, что «крестьяне могли бы приезжать в город и продавать там свою продукцию за рубли». Гарриман возражал, что в СССР большая часть распределения фермерской продукции контролируется государством, что ее свободная продажа в городе невозможна, не говоря уже о других чисто политических трудностях. Он убеждал президента до тех пор, пока Рузвельт не сказал, что «все это ему надоело», а посол «просто не желает помечтать вместе с ним».

Во время третьего разговора с Рузвельтом, 10 ноября, Гарриман получил возможность обсудить с президентом планы Сталина относительно участия Красной Армии в войне на Тихом океане, о предполагаемой кампании русских и сроках их выхода из Китая после окончания боевых действий.

Снова с президентом Гарриман встретился 17 ноября. Рузвельт вновь высказался о том, что русские все же «могли бы сделать жест доброй воли в отношении передачи Львова полякам». Гарриман более подробно объяснил президенту, почему Сталин не пойдет на такой шаг. «Сталин прекрасно понимает, что нельзя вначале внедрить социализм на какой-либо территории, а затем отменить его. Единственно надежным способом погасить ростки предубеждения и ненависти между поляками и русскими – это основать формальные и дружественные отношения между Польшей и Россией. Но наибольшую опасность для этого процесса будет иметь как раз неразрешенный вопрос о границе. Он станет служить постоянным раздражителем во взаимоотношениях между двумя странами. Вот почему Сталин хочет определиться с этим вопросом именно сейчас».

Президент, как показалось Гарриману, «первый раз за все время уловил эту мысль и добавил, что не имел бы никаких возражений против “линии Керзона”, если сами поляки, русские и англичане пришли бы к взаимному соглашению относительно этого вопроса. Однако поскольку Миколайчик хочет, чтобы он [президент] был посредником, то он одобрил бы обращение Гарримана к Сталину, в котором тот постарался бы объяснить советскому лидеру, почему было бы лучше, если бы Львов передавался Польше...»

Последняя беседа Гарримана с президентом во время его пребывания в Вашингтоне произошла 18 ноября. На ней присутствовал также Г. Гопкинс. В процессе дискуссии президент сказал, что он не беспокоится за график союзных операций на Тихом океане. Однако, по его мнению, «разгром Японии без помощи России стал бы чрезвычайно тяжелой задачей, решение которой потребовало бы большой крови», уточнив, что США «должны сделать все возможное, чтобы помочь Сталину в его планах». В конце своего меморандума о встречах с президентом Гарриман сделал ряд существенных примечаний: прежде всего, ему показалось, что во время встреч с президентом он «не смог убедить того в необходимости поддержания бдительной и формальной политики, когда речь шла о развитии политической ситуации в ряде восточноевропейских государств. Однако Государственный департамент, – подчеркивал Гарриман, – отлично понимает необходимость такой политики,

⁷⁰ А. Гарриман находился в Вашингтоне с 21 октября по 19 ноября 1944 г. (в этот период прошли выборы президента США) с целью лично высказать Рузвельту свое мнение о необходимости ужесточения американской политики в отношении СССР.

без которой вся Восточная и Центральная Европа могут оказаться под влиянием, если не под полным контролем Советской России». Кроме того, посол вспоминал, что «при нашей [его и Рузвельта] встрече в мае 1944 г. президент сказал мне, что его не беспокоит проблема – будет или нет в странах, граничащих с Советским Союзом, введен коммунистический режим. В своих телеграммах президенту, которые я посылал ему в течение лета 1944 г., я старался прояснить свою позицию. Однако во время наших последних бесед мне не удалось заострить его внимание на этом вопросе...»⁷¹

Как видно из вышеприведенного документа, в польском вопросе Рузвельт не собирался идти на открытый конфликт со Сталиным и не форсировал его окончательное разрешение. Пока идет война и русские уничтожают германскую военную мощь, было бы неразумно ссориться с СССР из-за Польши. В октябре 1944 г. президент неожиданно порекомендовал премьеру эмигрантского правительства, посетившему Вашингтон накануне отъезда на переговоры в Москву (происходившие во время визита в СССР У. Черчилля), «оттянуть любое урегулирование вопроса о границах». Со своей стороны госсекретарь США Э. Стеттиниус разъяснил полякам, что, хотя в настоящий момент американцы не могут занять твердую позицию против СССР, «в недалеком будущем политика Вашингтона изменится, вернется к своим основным моральным принципам и сможет сильно и с успехом поддержать Польшу». Переводчик Сталина В.М. Бережков полагал, что рекомендации Рузвельта Миколайчику отклониться в то время от договоренности по границам были связаны с предвыборной ситуацией, желанием показать американцам польского происхождения «жесткую» позицию США в польском вопросе». На телеграмму польского премьера из Москвы с просьбой поддержать позицию лондонских поляков Рузвельт ответил лишь 17 ноября, то есть уже после президентских выборов. В тексте содержалась сухая констатация, что США поддержит любую договоренность, которую польское эмигрантское правительство достигнет с Советским Союзом.⁷²

Вместе с тем в американском правительстве существовало большое количество ответственных лиц, которые выступали за активное противодействие требованиям Москвы. Рузвельт не мог не учитывать жесткую позицию в польском вопросе Госдепартамента, американского посольства в Москве, влиятельных общественных деятелей США. Поэтому проблемы польских границ и нового правительства Польши были обречены остаться одной из главных тем в дискуссиях между союзниками.

Представляется, что подчеркнутая Гарриманом «малая заинтересованность Рузвельта в восточноевропейских делах» основывалась на прагматичных соображениях и была тактическим маневром последнего. К тому времени Красная Армия, пройдя по территории Румынии и Болгарии, выведя из войны Финляндию, вела бои на территории Польши, Венгрии, Словакии, Югославии. Перспективы же развития операций союзных англо-американских войск вызывали в то время серьезные опасения. Не самые веселые настроения присутствовали и в голове Черчилля, когда он, направляя 6 декабря свое очередное послание Рузвельту, отмечал: «Хотя на западном фронте было одержано много прекрасных тактических побед... фактически нам не удалось выполнить стратегическую задачу, которую мы возложили на свои армии пять недель тому назад. Мы еще не достигли Рейна в северной части и на самом важном участке фронта и должны будем вести крупнейшую битву еще много недель прежде, чем сможем надеяться достичь Рейна и создать там свои плацдармы. Но и тогда нам придется продвигаться дальше к Германии... К счастью, мы можем учитывать намерения русских. Сталин обещал нам провести зимнюю кампанию, которая, как я предполагаю, начнется в январе».⁷³

В конце 1944 – начале 1945 г. вопрос о Польше и ее послевоенном устройстве в межсоюзнических отношениях продолжал обостряться. В начале декабря достаточно нелицеприятными посланиями относительно судьбы будущего польского правительства обменялись Черчилль и Сталин. 3 декабря британский премьер писал советскому лидеру, что отношение англичан к любой новой власти в Польше будет корректным, хотя и холодным. Сталин 8 декабря ответил, что «министерские перестановки в польском эмигрантском правительстве теперь не представляют серьезного интереса. Это все то же топтание на месте людей, оторвавшихся от национальной почвы, не имеющих связей с польским

⁷¹ W.A.H.P.C.F. Cont.175

⁷² *Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М.,1993. С. 250–307.

⁷³ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. М.:ТЕРРА, 1995. С. 693–696.

народом. В то же время Польский Комитет Национального Освобождения⁷⁴ сделал серьезные успехи в укреплении своих национальных, демократических организаций на территории Польши...»⁷⁵

В середине декабря немецкие войска начали свое последнее крупное контрнаступление на Западном фронте, нанеся 16 декабря 1944 г. внезапный удар в Арденнах. Силы союзников были поставлены в тяжелое положение. Ставка ВГК передвинула сроки начала зимнего наступления Красной Армии с 20 на 12 января. И хотя к тому времени союзникам в основном удалось отразить немецкий удар, начавшееся советское наступление буквально обрушило весь германский фронт на Висле. Уже в начале февраля 1945 г. части Красной Армии, пройдя по территории Польши, вышли к Одеру. До столицы Третьего рейха им оставалось всего 60 миль. Теперь советские войска контролировали практически всю довоенную Польшу, вновь продемонстрировав союзникам мощь своих наступательных возможностей. Сравнение русского зимнего наступления с положением англо-американских сил на Западе выглядело не в пользу последних. Именно на этом фоне начала работу Ялтинская (Крымская) конференция лидеров трех великих держав (4–11 февраля 1945 г.).

Накануне этого события в Москве, Лондоне и Вашингтоне шла активная подготовка к предстоящему обсуждению как военных, так и политических вопросов, включая будущее устройство государств Восточной Европы.

Информация из американского посольства в Москве имела большое значение для внешнеполитического ведомства США. Так, еще 10 октября 1944 г. советник посла Дж. Кеннан направил в Государственный департамент телеграмму, в которой изложил свое видение польской ситуации. Рассмотрев варианты экономического и финансового участия западных стран в восстановлении польского государства, Кеннан выступил против конфронтации с СССР в деле будущего социально-политического устройства Польши. По его мнению, было бы гораздо выгоднее признать здесь интересы СССР, получив тем самым преимущество в диалоге с Москвой относительно других частей Европы и в вопросе создания международной системы безопасности.⁷⁶

При этом Кеннан, также, как и Рузвельт, не видел перспектив противостоять СССР в сложившихся обстоятельствах, но и не упускал из виду экономическую составляющую в будущем устройстве Европы – т.е. возможность использовать свои финансовые рычаги для последующего возвращения в лоно Запада уходящих в орбиту Советского Союза восточноевропейских государств. Уйти, чтобы вернуться – так, наверное, можно охарактеризовать его пока черновые наброски, легшие в основу ряда телеграмм в Госдепартамент с призывом к ограничению сфер влияния Москвы.

На переговорах в Крыму лидеры трех стран подтвердили, что вооруженные силы СССР, США и Великобритании займут свои зоны оккупации Германии, причем Берлин будет выделен в особый район с совместным оккупационным режимом. Было принято решение о создании Контрольного совета по Германии в составе главнокомандующих трех держав, куда предполагалось пригласить также и Францию.

Конференция не решила вопроса о расчленении Германии.⁷⁷ В отношении репараций с Германии первоначально обсуждалось предложение о 20 млрд. долларов, выдвинутое советской стороной. Однако британцы были против. В итоге участники переговоров договорились лишь о формах изъятия репараций. Среди них указывались единовременные поставки в течении первых двух послевоенных лет (с целью уничтожения военного потенциала страны), ежегодные поставки текущей продукции, использование труда немцев.

Самые тяжелые дискуссии между участниками конференции развернулись по вопросу о Польше. Несмотря на то, что реальный контроль на территории Польши могли осуществлять теперь лишь просоветские силы, в Лондоне и Вашингтоне не теряли надежды на реорганизацию польского руководства. При обсуждении этого вопроса Рузвельт отметил, что не

⁷⁴ Польский комитет национального освобождения как прообраз будущего правительства Польши был создан при поддержке Москвы в июле 1944 г. 24 ноября премьер польского правительства в эмиграции С. Миколайчик подал в отставку из-за отказа членов его кабинета принять «линию Керзона» в качестве основы границы с СССР, произошедшего на фоне отсутствия поддержки со стороны западных держав польских требований о восстановлении границы 1939 г.

⁷⁵ Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. М., 1986. С. 324–325, 328.

⁷⁶ WAMP. CF. Cont. 175.

⁷⁷ Любопытен тот факт, что, несмотря на создание в 1949 году Федеративной Республики Германии, а затем Германской Демократической Республики, то есть, по сути, отдельных стран, в 1-м томе советского Энциклопедического словаря, вышедшего осенью 1953 г., на карте-вклейке «Европа» Германия – в границах, включающих ГДР и ФРГ, – была обозначена еще как единое государство.

возражает против «линии Керзона», но его положение было бы гораздо легче, если бы СССР дал возможность полякам «сохранить лицо», уступив им на южном участке этой линии (Рузвельт, несомненно, имел в виду Львов). Видимо, это была последняя попытка Рузвельта убедить Сталина скорректировать границу в выгодном для себя направлении. Однако благодаря твердости советской делегации было принято решение о том, что «восточная граница Польши должна идти вдоль “линии Керзона” с отступлением от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши». Таким образом, Львов оставался за СССР, но к Польше отошли ряд пограничных районов, включая г. Перемышль (Пшемысль), и Белостокская область⁷⁸. В то же время на Ялтинской конференции главы трех правительств признали, что «Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и Западе». Окончательное определение границы Польши было решено отложить до мирной конференции. Через несколько месяцев Потсдамская конференция трех держав закрепила Западную (Лаузитскую) Нейсе как западную границу Польши. Таким образом, территория Польши существенно расширилась за счет бывших германских областей.

Остро в Ялте стоял вопрос и о создании нового польского правительства. Рузвельт заметил 6 февраля 1945 г. что «общественное мнение Соединенных Штатов настроено против того, чтобы Америка признала люблинское правительство, так как народу Соединенных Штатов кажется, что люблинское правительство представляет лишь небольшую часть польского народа...». Это мнение президента США поддержал Черчилль, отметив, что вопрос о Польше является для британцев «делом чести». Сталин со своей стороны заявил, что «для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей... Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства... На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию». Чтобы этого больше не произошло, подчеркнул Сталин, необходимо создание сильной, мощной и независимой Польши.

Советский лидер обратил внимание, что руководители варшавского правительства (после освобождения польской столицы в январе 1945 г. члены т.н. просоветского люблинского правительства переехали в Варшаву) Берут, Осубка-Моравский и Роля-Жимерский не хотят слышать об объединении с лондонцами. Сталин подчеркнул, что он готов сделать все возможное для объединения поляков, но прежде всего он считал, что правительство страны, освобожденной Красной Армией, должно обеспечить на своей территории порядок, предотвращение гражданской войны в тылу советских войск.⁷⁹

Рузвельту ничего не оставалось делать, кроме как выдвинуть предложение отложить обсуждение польского вопроса. От того, станет ли будущая Польша прозападной или просоветской, зависело очень многое. В геополитическом плане возникал вопрос, будет ли она частью кордона, сдерживающего СССР, или напротив, важнейшей частью пояса безопасности СССР. В идеологическом плане просоветская Польша в случае успешного восстановления экономики и улучшения качества жизни населения могла стать примером для других европейских стран в вопросе о выборе путей своего дальнейшего развития. Но в данных обстоятельствах у Вашингтона и Лондона существовал единственно возможный вариант – оставить польский вопрос в подвешенном состоянии, продолжая требовать создания коалиционного правительства. Отсутствие реальных перспектив перетянуть Польшу на свою сторону в настоящее время не означало, что такие перспективы не могли появиться в дальнейшем. В итоге всех дискуссий было принято следующее решение:

«Новое положение создалось в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией. Это требует создания Временного польского правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения западной части Польши. Действующее ныне в Польше Временное правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое правительство должно затем называться Польским Временным правительством Национального Единства...»⁸⁰

Дискуссии о новом польском правительстве и его политическом курсе стали одной из причин обострения отношений между ведущими членами антигитлеровской коалиции

⁷⁸ В августе 1945 г. СССР передал Польше 17 уездов Белостокской области и 3 уезда Брестской области Советской Белоруссии, с общим населением 1,4 млн. чел.

⁷⁹ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 499–506.

⁸⁰ Известия. 1945. 18 февраля.

на заключительном этапе второй мировой войны. Западные руководители, критикуя советскую позицию, занятую в отношении состава польского правительства, апеллировали в том числе к «Декларации об освобожденной Европе», также принятой на Ялтинской конференции, которая призывала «создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа...»⁸¹

Слова Декларации о создании в европейских странах «демократических учреждений, представляющих все демократические элементы населения» как бы резервировали за США и Великобританией возможность будущего несогласия с политическими мероприятиями Москвы в соседних восточноевропейских странах. Вскоре после Ялты и еще до смерти президента Рузвельта такое несогласие стало объективной реальностью, оказывающей все большее воздействие на весь комплекс межсоюзнических отношений. Главным камнем преткновения оставалась Польша и состав ее Временного правительства. Конкретная работа по его созданию была возложена на т.н. «комиссию трех» из представителей СССР, США и Великобритании. Москва, не без основания воспринимая ялтинские решения по Польше как свой успех, активно поддерживала укрепление в стране власти «люблинских» (теперь уже «варшавских») поляков, правительство которых было признано Москвой еще в январе 1945 г.

Оценка таких действий англичанами и американцами становилась все более критичной. Понятно, что Черчиллю не могло не удовлетворять занятие США более жесткой линии к СССР, что позволяло Лондону надеяться на сохранение в будущем с помощью Вашингтона европейского равновесия и учета британских интересов. Однако Рузвельт размышлял более широкими категориями. В письме Черчиллю 29 марта 1945 г. он довольно откровенно изложил свое мнение о действиях Москвы после Ялтинской конференции. Рузвельт остро чувствовал приближение опасности как для решения текущих проблем, так и для конференции в Сан-Франциско⁸² и будущего всемирного сотрудничества. Соглашаясь с Черчиллем о необходимости выполнения обязательств, взятых в Крыму, он, в то же время считал нужным показать советскому правительству «исключительно большую важность такого же отношения с его стороны». Особенно его волновали переговоры о Польше.

Рузвельт отметил, что это был «компромисс между советской позицией, смысл которой состоит в том, что люблинское правительство просто должно быть „расширено“, и нашим мнением, суть которого заключается в том, что следует начать все сначала и содействовать формированию совершенно нового польского правительства». В заключение он согласился с Черчиллем, «что пришло время поставить непосредственно перед Сталиным вопрос о более широких аспектах советской позиции (особенно отметив польскую проблему)».⁸³

1 апреля категоричное по форме послание от Рузвельта получил уже сам Сталин. «Я должен пояснить Вам исчерпывающим образом, что любое такое решение, которое привело бы к несколько замаскированному продолжению существования нынешнего варшавского режима, было бы неприемлемо и заставило бы народ Соединенных Штатов считать, что соглашение, достигнутое в Ялте, потерпело неудачу».⁸⁴

Повод выразить свое возмущение вскоре появился и у Сталина. Речь идет о так называемом «бернском инциденте», возникшем в связи с сепаратными переговорами представителей США и Великобритании с эсэсовским генералом Карлом Вольфом, действовавшим по поручению высшего руководства Третьего рейха, на которых шла речь о возможной капитуляции немецких войск в Италии перед англо-американскими силами. Вольф встретился с руководителем американской разведывательной резидентуры в Швейцарии А. Даллесом 8 марта 1945 года. Москва была уведомлена о встречах своих союзников с немцами только 12 марта. Она в принципе не возражала против них, но при условии участия в переговорах советских представителей. Однако это условие было отвергнуто. Более того, Рузвельт попытался представить переговоры в Швейцарии как обычный зондаж о намерениях германского командования, после чего и произошел жесткий обмен посланиями между Сталиным и Рузвельтом.

5 апреля Черчилль отправил президенту США телеграмму, в которой настаивал на занятии еще более жесткой позиции к СССР. «...Я почти уверен, – говорилось в телеграмме, – что советские лидеры, кто бы это ни был, удивлены и расстроены быстрым продвижением со-

⁸¹ Там же.

⁸² Сан-Францисская конференция 1945 года 50-ти государств – учредителей Организации Объединенных наций (ООН) состоялась 25 апреля – 26 июня 1945 г. На ней был выработан окончательный текст Устава ООН.

⁸³ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. 1995. С. 777–779.

⁸⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 2. С. 215.

юзных армий на западе и почти тотальным поражением противника на нашем фронте, особенно потому, что, как они сами говорят, они не смогут нанести решающий удар до середины мая. Все это делает особенно важным, чтобы мы встретились с русскими армиями как можно дальше на востоке и, если обстоятельства позволят, вступили в Берлин... Мне представляется исключительно важным, чтобы наши страны в данной ситуации заняли твердую и жесткую позицию, с тем, чтобы прояснить обстановку и чтобы русские поняли, что нашему терпению есть предел».⁸⁵

Как видно из этого послания, Черчилля волнует прежде всего послевоенный расклад сил в Европе. Положение на Западном фронте к этому времени решительным образом изменилось, и от прошлого пессимизма британского премьера конца 1944 года не осталось и следа. Он видит возможность использования в политических целях успехов англо-американских войск, которые не допустили бы Красную Армию в самый центр Европы, и пытается заручиться в этом деле полной поддержкой Рузвельта.

Реакция Рузвельта была довольно сдержанной. Берлин, Вена, другие европейские столицы, конечно же, являлись важными стратегическими центрами, и Рузвельт не мог не понимать этого. Но кто мог предсказать тогда реакцию Советского Союза, стремившегося по праву державы, внесшей наибольший вклад в победу, триумфально войти в столицу Третьего рейха? В конце концов Рузвельт не стал вмешиваться в распоряжения генерала Эйзенхауэра, который, несмотря на настойчивые призывы Черчилля, так и не отдал приказ о нанесении удара по Берлину. Расчет американского президента был более тонким, а прогноз дальнейшего развития событий – более обоснованным.

В любом случае, у Рузвельта, в отличие от Черчилля, в плане дальнейшего участия в европейской политике и будущего взаимодействия на этом пространстве с СССР были куда более крупные козыри. Во-первых, возросшая экономическая мощь США и расширение поля деятельности связанного с нею банковского капитала. На восстановление европейских стран, их социально-экономическое и политическое развитие необходимы были огромные средства, и у Америки их было намного больше, чем у СССР. Соревнование двух систем на европейском пространстве только начиналось, и было понятно, что Соединенным Штатам будет намного легче справиться с послевоенными экономическими трудностями в Западной Европе, чем СССР – в Восточной. Будущее двух систем в Европе могло решиться тогда путем сравнения их достижений самими европейцами в условиях перенапряжения и последующего отставания советской социально-экономической модели.

Во-вторых, в США заканчивалась разработка атомного оружия. И хотя вопрос о его потенциале оставался в то время не до конца ясным, было понятно, что оно будет обладать невиданной ранее разрушительной силой. Рузвельт так и не сказал ничего Сталину об этом оружии и его характере. Неизвестно, собирался ли Рузвельт размахивать этой «дубинкой», как потом его преемник Г. Трумэн. Но сам факт сокрытия атомной бомбы от официальных советских властей говорит прежде всего об имевшихся у Вашингтона намерениях использовать ее в качестве средства политического давления. Последующие события второй половины 1945 и 1946 гг., к сожалению, подтверждают эту мысль.

12 апреля 1945 г. Рузвельт ушел из жизни. Безусловно, сами Соединенные Штаты, страны антигитлеровской коалиции, в целом мировое сообщество потеряло в его лице выдающегося политического деятеля, сторонника недопущения на планете новых мировых конфликтов. За время своего нахождения в Белом доме он сделал немало, чтобы американцы стали смотреть на происходящие вокруг них события его глазами, сквозь призму именно его внешнеполитической концепции. Без сомнения, Рузвельт был искренен в своем стремлении сделать мир более безопасным, но эта безопасность, конечно, должна была учитывать прежде всего интересы США и работать на укрепление американского влияния во всем мире.

Как стали бы развиваться события, если бы Рузвельт не умер в 1945 г.? Возможно, что советско-американские отношения не претерпели бы столь резких перемен, как это случилось в конце 1945 г. – начале 1946 гг.? Видимо, да. Но и тогда Рузвельту пришлось бы учитывать объективные тенденции взаимодействия стран на международной арене. Речь идет о геополитических интересах и потенциальных возможностях Соединенных Штатов, использующих свою идеологию в качестве дополнительного рычага в достижении выгодного баланса сил, что в полной мере проявилось уже в ходе Думбартон-Окской конференции (21 августа – 28 сентября 1944 г.). При обсуждении вопроса о порядке голосования в будущем Совете Безопасности ООН делегация СССР настаивала на том, чтобы решения, относящиеся к предупреждению агрессии, принимались большинством голосов и при согласии представителей

⁸⁵ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. 1995. С. 793–794.

всех постоянных членов Совета. Представители же США и Великобритании не соглашались на участие в голосовании страны, непосредственно затронутой спором. Такая позиция держав могла оставить СССР в невыгодное положение. Вопрос был отложен. В последующем в переписке между Рузвельтом и Сталиным был достигнут компромисс, суть которого была в том, что важнейшие вопросы требовали единогласия постоянных членов, для решения процедурных хватало большинства. На учредительной конференции ООН в Сан-Франциско (24 апреля – 26 июня 1945 г.) советской делегации, которую до 8 мая возглавлял В.М. Молотов, а затем А.А. Громыко, удалось отстоять принцип единогласия, а введившееся «право вето» гарантировало, что Совет Безопасности ООН не будет использован каким-либо государством или группой государств в своих целях.

Что же касается США, то к концу войны ликвидация их присутствия на континенте, в том числе военного, могла теперь рассматриваться в Вашингтоне только в случае воздействия крайне неблагоприятных обстоятельств. О том, что это могли быть за обстоятельства, говорилось в «Меморандуме о возможном развитии отношений между США и СССР в послевоенное время», разрабатывавшемся в недрах Управления стратегических служб в апреле – начале мая 1945 г. Для каждого конкретного примера развития международной ситуации предлагался наиболее подходящий компромисс, основанный на взаимодействии трех держав – США, России и Великобритании. Имеет смысл привести отрывки из пояснительной записки к меморандуму, которую директор УСС У. Донован⁸⁶ приложил 5 мая для нового хозяина Белого дома Г. Трумэна⁸⁷. Некоторые строки говорят сами за себя: «Решающее значение будет иметь такое разрешение германского вопроса, которое будет удовлетворять интересам как СССР, так и Америки, в сфере которой находятся западноевропейские страны. Это обеспечило бы значительный противовес влиянию России. В меморандуме предлагается сделать все возможное для поддержки в западноевропейских странах экономического благосостояния и популярных демократических режимов, которые во взаимодействии с Великобританией и Соединенными Штатами стремились бы создать баланс позиции России.

Если же военные представители почувствуют, что в ближайшие годы западные демократии не смогут выстоять против России, то возникнет необходимость уйти из Европы и обратиться все силы на защиту нашего Западного полушария.

Поэтому необходимо предусмотреть следующие шаги:

1. укрепление существующих и организацию новых баз в Атлантике;
2. организацию совместной оборонной системы для всех американских стран. Этот пункт подчеркивается особо, поскольку побережье Южной Америки открыто для вторжения, и, кроме того, она является важным источником сырья для нашей военной промышленности.

Что касается Азии, документ заостряет внимание на следующем обстоятельстве – мы не можем игнорировать тот факт, что после разгрома Японии Россия станет на Дальнем Востоке еще более грозной силой. В меморандуме подчеркивается, что в интересах нашей безопасности будет укрепление американских позиций на островах Тихого океана».⁸⁸

Рузвельт был сторонником системы коллективной безопасности, критически переосмыслившим деятельность Лиги наций и полагавший, что безопасность народов в будущем должна зависеть прежде всего от великих держав. Действительно, альтернативы системы коллективной безопасности, получившей свое воплощение в Уставе ООН, принятом на Сан-Францисской конференции, на тот момент у мирового сообщества просто не существовало. Был создан реальный орган, ответственный за принятие и контроль важнейших постановлений – Совет Безопасности ООН. Во многом благодаря его работе после 1945 г. мир смог избежать новой глобальной войны.

В то же время процесс суждений Рузвельта обо всей системе коллективной безопасности прошел несколько стадий. Непосредственно касательно СССР и его участия в европейских делах мнение президента США базировалось прежде всего на его потенциале и непосред-

⁸⁶ Полковник Донован (впоследствии генерал-майор) 11 июля 1941 г. возглавил созданный по решению президента США Офис Координатора информации, призванный собирать разведывательную информацию, относящуюся к вопросам национальной безопасности США. Обработать информацию, полученную ФБР, Госдепартаментом, Армией и Флотом США и т.д., также входило в его компетенцию. 13 июня 1942 г. Офис Координатора информации был переименован в Управление стратегических служб (УСС), вошедшее в подчинение Объединенного Комитета начальников штабов США. В его составе были созданы отделы, занимавшиеся как получением разведанных, так и их исследованием и анализом (в т.ч. так называемый Исследовательский и аналитический департамент – «R&A»). Вскоре после войны большая часть его дел была передана в Департамент Стратегических служб при Министерстве обороны, на базе которого в 1947 г. было создано Центральное разведывательное управление США (ЦРУ).

⁸⁷ Меморандум был подготовлен еще 2 апреля 1945 г. и предназначался для президента США Ф. Рузвельта, умершего 12 апреля 1945. Сам текст меморандума не публикуется.

⁸⁸ NA. RG 226. M. 1642. Reel 25.

ИСТОРИЯ

ственных результатах борьбы с нацистской Германией. После поражения немцев под Москвой Рузвельт стал рассматривать Советский Союз в качестве одного из 4-х послевоенных «полицейских». Советские победы под Сталинградом и Курском заставили Белый дом активизировать работы, связанные с прогнозированием роли СССР в будущем мире. С началом освобождения СССР стран Восточной Европы на суждения президента все большее влияние оказывали как складывавшаяся военно-политическая обстановка, так и мнение членов его окружения – государственных и общественных деятелей, дипломатов, военных. Именно факт становления СССР как одной из двух послевоенных супердержав предопределил неизбежное столкновение интересов США и СССР, которое проявилось на пространстве Европы.

О.А. Ржешевский¹

У истоков «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

22 июня 1941 года, в день нападения нацистской Германии и её союзников на СССР, премьер-министр Великобритании У. Черчилль заявил о готовности оказать «России, русскому народу всю помощь, которую только сможем». 24 июня с заявлением о поддержке СССР выступил президент США Ф. Рузвельт. Западные лидеры приняли это решение после длительных сомнений и переговоров с СССР – нацистская агрессия угрожала независимости их собственных стран.

Великобритания к тому времени в течение года, по существу, в одиночестве защищалась от агрессоров, выдержала «блиц» – немецкое авиационное наступление – и находилась под постоянной угрозой штурма вермахтом Британских островов. На Тихом океане и в Юго-Восточной Азии владениям или сферам господства Соединенных Штатов и Великобритании угрожала Япония, реальным союзником в борьбе с которой, наряду с Китаем, мог быть только СССР. Такова была расстановка сил при формировании антигитлеровской коалиции – уникального объединения государств и народов с различными социальными системами, одержавшего в конечном итоге историческую победу над силами нацизма и милитаризма, спасшая человечество от фашистского порабощения.

Мировая история насчитывает тысячи коалиционных войн и военно-политических союзов, которые, достигнув своей цели в войне, распались. Это объясняется, прежде всего, тем, что входящие в коалицию государства преследуют не только общие согласованные цели в войне, но и собственные интересы, приоритетные для каждого из участников коалиции. Поэтому внутрикоалиционные отношения и стратегии часто носят противоречивый характер, что оказывает влияние на ход и исход войны. Особенностью антигитлеровской коалиции явилось то, что эти нестыковки проявились уже в 1941 г., постоянно нарастали и предопределили её распад ещё до окончания войны. В той или иной форме они были связаны с различными взглядами на ведение войны, представлениями о послевоенных границах, сферах влияния, устройстве мира и других, преимущественно геополитических факторах.² Остановимся на некоторых событиях и фактах, относящихся к зарождению холодной войны.

Первые трения в отношениях с СССР возникли в связи с Атлантической хартией – англо-американской декларацией Ф. Рузвельта и У. Черчилля, подписанной 14 августа 1941 г. на борту английского линкора «Принц Уэльский» в Атлантическом океане. В ней провозглашались важные принципы политики двух держав и цели войны: отказ от захвата чужих территорий, право народов самим избирать форму правления, обеспечение доступа на равных основаниях к мировым рынкам торговли и сырья, неприменение силы в международных отношениях, разоружение государств-агрессоров, восстановление суверенитета народов, лишенных своих прав, обеспечение мира, гарантирующего безопасность всех стран и народов, и другие. 24 сентября на Межсоюзнической конференции в Лондоне СССР присоединился

¹ Ржешевский Олег Александрович, доктор исторических наук, профессор, президент Ассоциации историков второй мировой войны, Национального комитета российских историков, заслуженный деятель науки РСФСР, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

² Подробнее см.: Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. Сборник статей. Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М. 2003; *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. Глава 9. М., 2005.

к Атлантической хартии, отметив, что применение её принципов «должно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны». Прежде всего, имелось в виду включенное по предложению Черчилля положение о восстановлении «суверенных прав и самоуправления тех народов, которые лишены были этого насильственным путем»³ (курсив наш – *О.Р.*), исключавшее из их числа лишённые суверенных прав народы колоний, что соответствовало имперским интересам Великобритании, но ставило под вопрос признание советских границ по состоянию на 22 июня 1941 г., т. е. с вошедшими в 1939–1940 гг. в состав СССР в условиях нахождения на их территории войск Красной Армии Прибалтийских республик, Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины, а также части территории Финляндии, отошедшей к СССР по мирному договору 1940 г., которым завершилась «зимняя война».

В Москве, естественно, обратили на это внимание, посчитав целесообразным решить вопрос непосредственно с правительством самой Великобритании, что и произошло в декабре 1941 г. во время приезда в Москву министра иностранных дел А. Идена для подписания союзного англо-советского договора.⁴

16 декабря состоялась встреча Идена со Сталиным, в ходе которой советский руководитель предложил дополнить подготовленный проект союзного договора секретным протоколом, в котором была бы намечена общая схема реорганизации европейских границ после войны. Параграф 9 проекта секретного протокола предусматривал восстановление советских границ «как они были в 1941 г. накануне нападения Германии на СССР».⁵ Иден, не располагавший для подписания секретного протокола полномочиями, позднее писал о сложившейся обстановке: «Предложенный Сталиным протокол указывал, что наши надежды в Лондоне на то, что удастся ограничить обсуждение вопроса о границах общими положениями Атлантической хартии, не оправдались. Цель русских была уже твердо определена. Она лишь незначительно изменялась в последующие три года и заключалась в том, чтобы обеспечить максимальные границы будущей безопасности России... Я затем объяснил Сталину, что не могу согласиться с секретным протоколом без консультаций с кабинетом министров и добавил: «Рузвельт ещё до того, как Россия подверглась нападению, направил нам послание с просьбой не вступать без консультаций в какие-либо секретные соглашения, касающиеся послевоенной реорганизации Европы».⁶ Непримируемая позиция сторон воспрепятствовала подписанию союзного договора, которое было главной целью приезда Идена в Москву.

Переписка по вопросу о советских границах между Иденом и Черчиллем, который находился в США, и другие записи в том виде, как они представлены в мемуарах Черчилля, заметно отличаются от содержания его беседы на эту тему с Майским 16 марта 1942 г. «У меня с самого начала не лежала душа к признанию советских границ 1941 г., – записал в своем дневнике И. Майский слова Черчилля, – но так как Сталин на этом очень настаивал, я в конце концов согласился границу признать».⁷ В мемуарах представлена иная точка зрения: «Меня очень встревожили сообщения Идена по его возвращении из Москвы о территориальных притязаниях Советов, особенно в отношении прибалтийских государств. Они были завоеваны Петром Великим и в течение 200 лет находились под властью царей. После русской революции они стали аванпостами Европы против большевизма. Прибалтийские страны должны быть суверенными и независимыми». Идену он телеграфировал в Лондон: «Мы всегда признавали существование границ России только *де-факто*. Они были приобретены в результате актов агрессии...».⁸ Рузвельт, на которого ссылался Иден, в беседе с М.М. Литвиновым 12 марта 1942 г. заявил, что «по существу, у него нет никаких расхождений с нами, никаких затруднений он не предвидит в связи с желательными для нас границами после войны».⁹ На Тегеранской конференции руководителей трех союзных держав он предложил провести в Литве, Латвии

³ Документы внешней политики. Том XXIV. 22 июня 1941 г. – 1 января 1942 г. М., 2000. (далее: ДВП...)С. 321–323; Мировые войны XX века. Книга 4. Вторая мировая война. Документы и комментарии. М., 2005. С. 316–319.

⁴ Иден прибыл на крейсере «Кент» в Мурманск, а затем, в ночь с 15 на 16 декабря 1941 г. поездом в Москву. Его сопровождали постоянный заместитель министра иностранных дел А. Кагодан, личный советник О. Харви, представитель Форин Офис Ф. Робертс, заместитель начальника имперского генерального штаба генерал А. Ней и другие лица. В Москву прибыл также посол СССР в Великобритании И.М. Майский.

⁵ ДВП... С. 501–510. Подробнее см.: *Ржешевский О.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 10–95.

⁶ The Eden Memoirs. The Reckoning L, 1965. P. 289, 290.

⁷ АВП РФ. Ф. 017а. запись от 16 марта 1942 г.

⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Том III. Великий союз. Пер. с англ. М., 1955. С. 674–675.

⁹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. 1941–1943. М., 1984. С. 155.

и Эстонии плебисцит, высказав уверенность, что «народы этих стран будут голосовать за присоединение к Советскому Союзу так же дружно, как они это сделали в 1940 году¹⁰». Решение вопроса о признании советских границ затянулось на многие годы и оказывало негативное влияние на межсоюзнические отношения.

К 1941 году относится и возникновение проблемы второго фронта, которая в 1942–1943 гг. привела к серьезному кризису стратегии объединения усилий в борьбе против общего врага.

Впервые вопрос об открытии второго фронта был поставлен в послании главы Советского правительства, направленном 18 июля 1941 г. премьер-министру Великобритании. Приветствуя установление между СССР и Великобританией союзнических отношений и выражая уверенность, что у обоих государств найдется достаточно сил для разгрома общего врага, И.В. Сталин писал: «Мне кажется, далее, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию».¹¹

В сложившейся обстановке второй фронт рассматривался как само собой разумеющееся условие успешного ведения войны союзниками по антигитлеровской коалиции, как стратегия, которая должна была привести к быстрейшему разгрому противника. Война на советско-германском фронте, где гитлеровское руководство сосредоточило основную массу своих вооруженных сил, создавала благоприятные возможности для активизации действий западных союзников непосредственно на европейском континенте. Однако Черчилль отклонил советские предложения, ссылаясь на недостаток сил и угрозу «кровопролитного поражения» десанта.

К февралю-марту 1942 г. относится разработка штабом армии США (одним из её участников был генерал Д. Эйзенхауэр, в то время заместитель начальника штаба армии) плана первоочередной мобилизации американского военного потенциала на борьбу с Германией и сосредоточения на Британских островах войск и техники для вторжения в Северную Францию. Направляя с этой целью военную делегацию в Великобританию, Рузвельт 3 апреля 1942 г. писал Черчиллю: «Ваш народ и мой народ требуют создания фронта, который ослабил бы давление на русских, и эти народы достаточно мудры, чтобы понимать, что русские сегодня больше убивают немцев и уничтожают больше снаряжения, чем вы и я, вместе взятые. Даже если полного успеха не будет, крупная цель будет достигнута».¹²

11 апреля Рузвельт пригласил к себе советника Посольства СССР А.А. Громыко и вручил ему личное послание на имя главы Советского правительства. Для обсуждения вопроса об открытии второго фронта Рузвельт предлагал направить для переговоров в Вашингтон советскую делегацию во главе с народным комиссаром иностранных дел В.М. Молотовым¹³. Ранее был согласован визит Молотова в Великобританию.

В советско-американском и советско-английском коммюнике, опубликованном по итогам переговоров Молотова с Рузвельтом и Черчиллем (21.05.1942 – 10.06.1942) указывалось, что «достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.». В ходе визита были также обсуждены, доработаны, а затем подписаны другие важные документы: Договор о союзе в войне и послевоенном сотрудничестве между СССР и Великобританией (26 мая 1942 г.) и Соглашение с США о взаимной помощи в ведении войны против агрессии (11 июня 1942 г.), юридически завершившие формирование союза трех ведущих держав антигитлеровской коалиции.

Что касается заявления союзников об открытии в 1942 г. второго фронта (ряд западных историков не считают формулировку коммюнике обязательной), то английская сторона, формально поддержав коммюнике, на деле выступала против открытия второго фронта в 1942 г. Руководствуясь собственными стратегическими соображениями, Черчилль и британские штабы пришли к выводу о целесообразности высадки англо-американских войск в 1942 г. не на европейском континенте, а в Северной Африке. Чтобы склонить Рузвельта к отказу от открытия второго фронта в 1942 г., Черчилль через неделю после завершения встречи с Молотовым направился в США. Результаты переговоров с Рузвельтом (17–25 июня) явились «за-

¹⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (далее: Советский Союз на международных конференциях...) Том II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) Сборник документов. М., 1978. С. 168, 169.

¹¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (далее: Переписка...) В 2-х т. 2-е изд. Т. 1. М., 1976. С. 19.

¹² Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Edited with a commentary by Warren F. Kimball. L. 1984. P. 441.

¹³ Переписка... Том второй. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 – декабрь 1945). С. 15, 16.

маскированной победой английской позиции» и фактически исключали «всякое вторжение на европейский континент даже в 1943 году».¹⁴

Надо сказать, что между Сталиным и Молотовым существовали разногласия в оценке подлинного значения формулировки о втором фронте, включенной в коммюнике. Молотов скептически относился к заверениям Рузвельта о планах высадки союзников в 1942 г., в то время как Сталин считал реальным достижение этой цели. Подтверждением может служить телеграмма Сталина, направленная советскому послу в США Литвинову после отъезда Молотова в Великобританию. Она являлась ответом на предложение Рузвельта сократить поставки по ленд-лизу в СССР для высвобождения морских транспортных средств с целью обеспечения своевременной переброски американских войск и техники на Британские острова. Поставки сокращались примерно на 40% по сравнению с подготовленным американской стороной протоколом, переданным Рузвельтом Молотову для советского правительства. Следует принять во внимание, что в то время развертывалось летнее стратегическое наступление вермахта, и положение на советском фронте ежедневно ухудшалось. Поставки по ленд-лизу были особенно необходимы. Тем не менее Сталин 6 июня телеграфировал Литвинову: «Вы должны сообщить Рузвельту о согласии Советского правительства на сокращение нашей заявки на тоннаж... [с] добавлением, что Советское правительство идет на это, чтобы облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там второго фронта в 1942 г. в соответствии с тем, что это сказано в согласованном Молотовым и Рузвельтом коммюнике. По нашему мнению, это может ускорить согласие Англии на организацию второго фронта в Европе».¹⁵

Предположение Сталина не оправдалось. 10 июня Черчилль во время последней встречи с Молотовым в Лондоне вручил ему «Памятную записку», из которой следовало, что открытие второго фронта в 1942 г. сопряжено с большими трудностями, и «мы поэтому не можем дать никакого обещания в этом вопросе».¹⁶ В августе 1942 г., во время своего визита в Москву, он сообщил Сталину, что второго фронта в 1942 г. в Европе не будет.¹⁷

Литвинов, в свою очередь, информировал Москву: «Позиция президента в отношении второго фронта стала за последнее время более твердой. Если он раньше в разговорах на эту тему неизменно давал понять, что он лично признает необходимость высадки на европейском континенте, но что противятся этому англичане и его собственные военные советники, то при последних моих беседах с ним он старался придавать себе вид человека, абсолютно убежденного в неосуществимости в настоящее время высадки... Не подлежит сомнению, что он и в этом вопросе взят на буксир Черчиллем и его собственным военно-морским окружением».¹⁸

Решения англо-американской конференции в Касабланке (январь 1943 г.) не оставляли сомнений в том, что вторжение на европейский континент откладывается до 1944 г. Тем не менее Черчилль от своего имени и от имени Рузвельта 12 февраля направил советской стороне обнадеживающее послание: «Мы также энергично ведем приготовления, до пределов наших ресурсов, операции форсирования канала (Ла-Манша. – *О.Р.*) в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединенных Штатов. Тоннаж и наступательные десантные средства здесь будут также лимитирующими факторами. Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь».¹⁹ Но после очередной встречи с Черчиллем в Вашингтоне в мае 1943 г. Рузвельт сообщил в Москву о переносе сроков открытия второго фронта на 1944 г. Отношения осложнило и согласованное между У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом решение прервать до осени поставки по ленд-лизу в северные порты СССР, о чем 30 марта 1943 г. было сообщено Советскому правительству. (Почти половина переписки Сталина с Черчиллем и Рузвельтом в той или иной степени посвящена вопросам поставок по ленд-лизу).

Последовавший обмен посланиями ещё более накалил обстановку. «Должен Вам заявить, – писал глава Советского правительства в послании У. Черчиллю 24 июня, текст которого был направлен также Ф. Рузвельту, – что дело здесь идет не просто о разочаровании Советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных рай-

¹⁴ Тайны истории. XX век. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Пер. с англ. Ред Ф. Лоуэнхейм, Г. Лэнгли, М. Джонас, М., 1995. С. 258. (Примечание составителей английского издания).

¹⁵ АПРФ. Ф. 45, оп. 1, д. 232, л. 30.

¹⁶ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Том 1. 1941–1943. М., С. 248.

¹⁷ Советско-английские отношения... С. 265–271.

¹⁸ Советско-американские отношения... Том I. М., 1984. С. 251.

¹⁹ Переписка... Т. 1. С. 110.

онах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину».²⁰

Успех Красной Армии в битвах под Сталинградом и Курском, продвижение советских войск к государственным границам СССР свидетельствовали, что война близится к завершению. Становилось очевидным, что Советский Союз способен самостоятельно освободить народы Европы от фашистского ига. В этой ситуации западные союзники, опасаясь выхода советских армий в Центральную и Западную Европу раньше своих войск, активизировали подготовку операции вторжения во Францию.

Предварительно решение о проведении такой операции было согласовано на Квебекской конференции руководителей правительств и представителей командования США и Великобритании в августе 1943 г., а затем принято на Тегеранской конференции глав трех держав (28.11.1943 – 11.12.1943). В итоговом документе «Военные решения Тегеранской конференции» было указано, что второй фронт в Европе будет открыт в мае 1944 г. В документе было зафиксировано заявление Сталина о том, что «советские войска предпримут наступательную операцию в это же время с целью предотвратить переброску сил с восточного на западный фронт». В ответ на запрос союзников Сталин также сообщил о готовности СССР вступить в войну с Японией после разгрома Германии.²¹

Решения Тегеранской конференции в основном были выполнены. 6 июня 1944 г. войска союзников высадились на северо-западе Франции (операция «Оверлорд»), 15 августа – на юге этой страны (операция «Драгун»). Так был открыт второй фронт. 23 июня Красная Армия в поддержку операции «Оверлорд» развернула крупное наступление в Белоруссии (операция «Багратион»)²². Германия была зажата в тисках двух фронтов, что сократило сроки войны и число её жертв. Но за двухлетний период проволочки западных союзников с открытием второго фронта – с мая 1942 г. по июнь 1944 г. – только безвозвратные потери Советских Вооруженных сил (убитыми, пленными и пропавшими без вести) составили более 5 млн. человек.²³ В советском руководстве и массовом сознании сформировалось убеждение, что политика, проводимая западными союзниками с затягиванием второго фронта, носила преднамеренный характер и преследовала цели максимального ослабления нашей страны, о чем ещё в 1941 г. сделал заявление Г. Трумэн, в то время сенатор от штата Миссури, будущий вице-президент и президент США. Опубликованное газетой «Нью-Йорк Таймс», оно стало широко известным: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах».²⁴

История второго фронта, открытие которого горячо приветствовалось в нашей стране, вместе с тем оставила в памяти воспоминания об ответственности западных держав за гибель миллионов наших граждан на фронте и в тылу в период 1942–1944 гг., о том, что жертвы и бедствия могли быть не столь велики при своевременном выполнении союзниками взятых на себя обязательств. Подозрения и недоверие к союзникам в этой связи также относятся к факторам, способствовавшим зарождению холодной войны. На фронте родилась солдатская поговорка: «Не кажи гопкинс, пока нет рузвельтатов».

В 1943 г., после битв под Сталинградом и Курском, среди генералитета, наиболее анти-российски настроенной части истеблишмента западных союзников, ещё четче стали проявляться тенденции к поиску путей, которые смогут облегчить вступление их войск в Германию и создать препятствия для продвижения на Запад Красной Армии. «Был снят вопрос о поражении СССР и тут же возник другой. Выгодно или невыгодно доводить дело до полного разгрома третьего рейха?»²⁵

В Национальном архиве США хранятся протоколы заседаний Объединенного Комитета начальников штабов США и Великобритании – главного органа западных союзников, который координировал их стратегию в годы второй мировой войны. К истории возникновения холодной войны непосредственное отношение имеет малоизвестный обмен мнениями высших военных руководителей Великобритании и США на заседании этого комитета 20 августа 1943 г.

²⁰ Переписка... Т. 1. С. 163.

²¹ Советский Союз на международных конференциях... С. 173.

²² В годы холодной войны «Энциклопедия Americana» информировала читателей, что «русские косвенно помогли Гитлеру тем, что никак не продемонстрировали своих намерений облегчить высадку союзников». (Encyclopedia Americana. N.-Y. 1987. Vol. 29. P. 437.

²³ Россия и СССР в войнах XX века. Историко-статистическое исследование. Под редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. М., 2005. С. 296.

²⁴ The New York Times. 1941. 24 June. P. 7.

²⁵ Мальков В. Холодная война: истоки и уроки. Опыт интерпретации. Россия. XXI. 2007. Май-июнь. С. 42.

В заседании принимали участие: от США – начальник штаба президента адмирал У. Леги, начальник штаба армии генерал Д. Маршалл, главнокомандующий ВМС адмирал Э. Кинг, командующий ВВС армии генерал Г. Арнольд; от Великобритании – начальник имперского генерального штаба генерал (с 1944 г. – фельдмаршал) А. Брук, главнокомандующий ВМС адмирал Д. Паунд и главнокомандующий ВВС главный маршал авиации Ч. Портал, ряд других военачальников и советников.

Параграф 9 протокола «Военные соображения в отношении России» содержит следующую запись обмена мнениями: «Сэр Алан Брук обрисовал современную обстановку, касающуюся России. В целом русские сейчас более сильны, чем когда-либо ранее и, по его мнению, располагают резервами для дальнейшего наступления осенью. Немцы будут вынуждены держать все имеющиеся у них дивизии на русском фронте или даже усилить их. Это облегчит наши операции в Италии и Оверлорд. Он считает, что у немцев нет шансов договориться с русскими о мире... Генерал Маршалл коснулся формирования в России движения «Свободная Германия». Он располагает данными, из которых следует, что Россия все более враждебно и подозрительно относится к капиталистическому миру. Их недавнее заявление по «второму фронту» весьма показательны в этом отношении. Он хотел бы знать мнение начальника британского штаба относительно дислокации войск союзников, например, в случае подавляющего успеха русских – не окажут ли немцы содействие (facilitate) вступлению наших войск в [их] страну, чтобы отбросить русских (repel the Russians). Сэр Алан Брук сказал, что он давно видел опасность того, что русские используют войну для продвижения своих идей международного коммунизма».²⁶ Отметим в этой связи разработку командованием Армии Крайовой плана «Барьер» – диверсий на железных дорогах Польши с целью затруднить наступление Красной Армии. Стали известны и намерения командования Армии Крайовой прекратить диверсионные акции в отношении немецких военных эшелонов, которые направлялись на Восточный фронт.²⁷

С вступлением Красной армии на территорию стран Восточной Европы обострились противоречия по вопросу их послевоенного устройства. Важнейшей геополитической задачей Советского Союза, которую он считал необходимым решить в ходе войны в Европе, было создание на своих западных границах «пояса безопасности» с дружественными приграничными государствами. Западные союзники, в первую очередь Великобритания, напротив, стремились при поддержке США восстановить свои довоенные позиции в этих странах, связать СССР обязательствами о «разделе сфер влияния» до их освобождения Красной Армией.

В октябре 1944 г. Черчилль с этой целью прилетел в Москву. На Балканах он предложил следующий раздел сфер влияния: Румыния – 90% влияния России, 10% – другие, Греция – 90% влияния Англии (в сотрудничестве с США) 10% – другие, Югославия и Венгрия – 50 на 50%, Болгария – 75% влияния России, 25% – другим странам. Встречающиеся в литературе советского периода утверждения, что Сталин этот план отверг, не соответствуют действительности.²⁸ Дискуссии и поиски компромисса были продолжены на уровне министров иностранных дел.

Принципиальное значение имело советское согласие на «90% влияния» Великобритании и США в Греции, где к власти уверенно шли коммунисты, что демонстрировало «признание» западной сферы влияния за пределами «пояса безопасности» и советскую готовность к послевоенному сотрудничеству. На встрече с Г. Димитровым 10 января 1945 г. Сталин отклонил его предложение оказать помощь силам ЭЛАС: «Они принялись за дело, – пояснил Сталин, – для которого у них сил не хватает. Видимо, они рассчитывали, что Красная Армия спустится до Эгейского моря, мы этого не можем делать».²⁹

«Процентное соглашение» являлось, на наш взгляд, реальной договоренностью о разделе сфер влияния, хотя и не оформленной официально, которая некоторое время соблюдалась. Си-

²⁶ National Archive of the United States. CCS 113 Meeting Combined Chiefs of Staff. Quadrant conference. P. 5, 6.

²⁷ Яковлева Е. В. Польша против СССР. 1939–1950. М., 2007. С. 248.

²⁸ См.: История дипломатии. Том IV. Дипломатия в годы второй мировой войны. М., 1975. С. 499; История второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. М., 1978. С. 472; Winston Churchill by Martin Gilbert. L. 1984. P. 991–1083. В октябре 1944 г. в Москву на переговоры британской стороной были приглашены премьер-министр эмигрантского правительства Польши С. Миколайчик, польский посол в Москве Т. Ромер и председатель лондонской Рады Народовой профессор С. Грабский. Сталин, в свою очередь, предложил пригласить представителей Польского Комитета национального освобождения (ПКНО) – временного исполнительного органа Крайовой Рады Народовой, созданного под эгидой советского правительства поляками, находившимися в то время на территории СССР – председателя Крайовой Рады Народовой Б. Берута, председателя ПКНО и министра иностранных дел временного польского правительства Э. Осубко-Моравского и главнокомандующего Войска Польского генерала М. Роля-Жимерского.

²⁹ Мировые войны XX века. Книга 3. М., 2005. С. 414. ЭЛАС – вооруженные силы греческого Сопrotивления, руководимые компартией. 12 октября 1944 г. войска Первого корпуса ЭЛАС освободили Афины, в конце октября – Салоники.

лового «экспорта революции» и однопартийных правительств в 1944 – начале 1945 гг. стремились избежать. На встрече с В. Гомулкой и Б. Берутом Сталин «наказывал терпеть Миколайчика (хотя и называл его “британским агентом”) и не отталкивать от себя католическую церковь».³⁰

Целей «большевизации Европы» не выдвигалось, что подтверждают документы Комиссии Наркоминдела, которые с 1943 г. занимались проблемами послевоенного устройства Европы.³¹ Нередко инкриминируемая советской дипломатии «экспансионистская» постановка в 1945 году вопросов об участии СССР в опеке союзников над бывшими итальянскими колониями в Африке (Ливия, Эритрея, Итальянское Сомали), возвращении в состав СССР приграничных районов Армении и Грузии, ранее принадлежавших России, безосновательна, о чем свидетельствует обсуждение этих вопросов руководителями трех союзных держав – СССР, США и Великобритании – и его результаты.³²

В феврале-марте 1945 г. возник т. н. «бернский инцидент» – попытка гитлеровской верхушки заключить сепаратный мир с западными державами. Переговоры с немецкой стороны вел генерал СС К. Вольф, со стороны союзников – руководитель американской разведки в Европе А. Даллес. Для участия в переговорах в швейцарский город Берн были направлены представители главного командования союзников на средиземноморском ТВД генералы Т. Эйри и Л. Лемнитцер. Обсуждался вопрос о капитуляции немецких войск в Северной Италии. Советских представителей на переговоры не допустили, что вызвало протестную переписку, в том числе между Сталиным и Рузвельтом. В конечном итоге переговоры с Вольфом были прекращены. Как призыв к восстановлению доверия между союзниками можно рассматривать последнее послание Рузвельта, полученное Сталиным 13 апреля 1945 г. уже после кончины американского президента.³³

Особой остроты достигли дискуссии о будущем Польши, воссоздание которой как враждебного государства на своих западных границах было неприемлемо для Советского Союза. Истоки сложившихся накануне и в ходе второй мировой войны негативных советско-польских отношений уходят своими корнями в далекое прошлое, когда Польша входила в состав России. Они обусловлены историей гражданской войны в Советской России (поход армии Пилсудского на Киев и контрнаступление Тухачевского на Варшаву в 1920 г.), гибелью десятков тысяч военнопленных Красной Армии в Польше, а также участием Польши в разделе Чехословакии (1938 г.) и её отказом разрешить пропуск советских войск через свою территорию в случае германской агрессии. Последний факт стал одной из причин неудачи англо-франко-советских переговоров в Москве летом 1939 г., которые, вероятно, могли предотвратить вторую мировую войну. После отказа в 1942 г. подготовленной в СССР армии генерала В. Андерса от боевых действий на советско-германском фронте, поддержки в 1943 г. эмигрантским пра-

³⁰ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумен: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 442.

³¹ См.: Филитов А. В комиссиях Наркоминдела / Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 54–71.

³² Указанные вопросы рассматривались на Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Вопрос об участии СССР в опеке над бывшими итальянскими колониями или передаче этого вопроса на рассмотрение Совета министров иностранных дел (СМИД) был поставлен 20 июля 1945 г. как «Предложение делегации СССР по вопросу о подопечных территориях». После острой дискуссии между Сталиным и Черчиллем, который подчеркивал, что «британская армия одна завоевала эти колонии», было принято советское предложение, поддержанное Трумэнном, – передать вопрос на рассмотрение Совета министров иностранных дел. Однако он остался нерешенным и при подписании мирного договора с Италией (1947 г.). В 1950 г. Совет по опеке ООН передал Сомали под управление Италии на 10 лет. С 1960 г. Сомали – независимое государство. Эритрея в 1952 г. вошла на автономных началах в состав Эфиопии. Ливия с 1951 г. – независимое государство.

Вопрос о территориальных претензиях к Турции возник в июне 1945 г. в связи с более общей проблемой черноморских проливов и запросом турецким правительством условий заключения с СССР союзного договора 19 марта 1945 г. советское правительство денонсировало советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. как «не соответствующий новой обстановке и нуждающийся в серьезном улучшении». Причиной денонсации договора явилась враждебная по отношению к СССР политика Турции в годы Великой Отечественной войны (заключение 18 июня 1941 г. договора с Германией о дружбе и ненападении, пропуск немецких военных судов через Проливы в Черное море, сосредоточение крупной группировки турецких войск у советских границ и др.).

На Берлинской конференции условием нормализации отношений и заключения союзного договора СССР поставил возвращение части территории Советской Армении и Грузии, входившей в состав России до первой мировой войны – «известная территория областей Карс, Артвин и Ардаган», – пояснил В. Молотов; отмену международной конвенции в Монтре 1936 г., «По этой конвенции права Советского Союза в Черноморских проливах такие же как права японского императора»; совместную с Турцией оборону проливов с использованием для этой цели, наряду с турецкими, советских военных баз. В то же время было заявлено, что «если турецкое правительство считает неприемлемым урегулирование обоих этих вопросов, мы готовы заключить соглашение, касающееся только проливов». Ни один из поставленных вопросов решить не удалось. 30 мая 1953 г. Советское правительство заявило об отказе от каких-либо претензий к Турции. (Советский Союз на Международных конференциях... Том VI. Берлинская (Потсдамская) конференция... М., 1989. С. 39, 40, 144, 145, 158, 159, 407, 514.

³³ Переписка... Т. 2. М., 1976. С. 210, 220, 227, 228.

вительством немецкой версии расстрела польских офицеров в Катыни³⁴ негативные тенденции в отношениях с польским правительством в Лондоне резко ухудшились.

В самой Польше силы Сопротивления действовали по принципу политической принадлежности. Армия Крайова – под эгидой Лондона и эмигрантского правительства, Армия Людова – под эгидой Москвы и Польского Комитета национального освобождения (ПКНО). На стороне Красной Армии сражались созданные в СССР 1-я и 2-я армии Войска Польского, которое не признавали «лондонские поляки».

В период между Крымской (Ялтинской) конференцией руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.), и окончанием второй мировой войны (2 сентября 1945 г.) произошли события, которые оказали влияние на многие последующие десятилетия мировой истории, развернули её от курса на сотрудничество трех держав к конфронтации Великобритании и США с Советским Союзом, к холодной войне.

Первое из них – кончина президента США Ф. Рузвельта 12 апреля 1945 г., которая привела к смене политического курса США и советско-американскому противостоянию. Ранее одним из показателей пересмотра этого курса американской администрацией, явилась, наряду с внутривнутриполитическими причинами, замена на выборах 1944 г. вице-президента Г. Уоллеса, сторонника продолжения сотрудничества с СССР, и избрание на этот пост Г. Трумэна.

Второе – резкое обострение с разгромом Германии борьбы СССР, Великобритании и США за послевоенные сферы влияния. США и Великобритания, используя свои войска (как это было в Греции), экономическое давление и другие средства, взяли курс на подавление левых сил, восстановление и укрепление в странах Европы и Азии власти правительств прозападной ориентации. Такая политика по отношению стран Восточной Европы рассматривалась советским руководством как угроза возрождения «санитарного кордона» и военной опасности на западных границах СССР. Одним из «провозвестников холодной войны» явился в 1945–1946 гг. иранский кризис, завершившийся не в пользу СССР³⁵. В международном масштабе послевоенному разделу «сфер влияния» объективно противостояла нарастающая борьба народов колониальных и зависимых стран за свою свободу и национальный суверенитет.

Третье, и самое главное – монопольное овладение США атомным оружием, разрушительная мощь которого в августе 1945 г. была продемонстрирована бомбардировками японских городов. Это привело к изменению военного баланса сил между великими державами, планам США и Великобритании использования атомного оружия как средства силового давления в мировой политике и военных угроз, что вызвало послевоенную гонку вооружений, череду локальных войн и кризисов международного масштаба. Воздействие указанных изменений на межсоюзнические отношения и обстановку в мире было однозначно негативным.

Этой тенденции противостояли сложившиеся союзнические отношения великих держав, их совместные усилия и жертвы в войне против общего врага, что проявлялось в тенденции к продолжению их экономического, политического и военного сотрудничества. Борьба этих тенденций во многом определяла «скачкообразный» (Д. Гэддис) характер изменений международной обстановки рассматриваемого периода.³⁶

После смерти Рузвельта, на похоронах которого Черчилль отсутствовал, последовал целый каскад недружественных, если не сказать – враждебных, британских и американских акций по отношению к СССР. В секретной переписке с Трумэном английский премьер начи-

³⁴ 13 апреля 1990 г. в заявлении ТАСС сообщалось об ответственности «за злодеяния в Катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных». Катынь, 1940–2000. Документы. М., 2001. С. 580, 581.

³⁵ В августе 1941 г. Великобритания и СССР по взаимной договоренности с целью устранения активно действовавшей в Иране немецкой агентуры ввели на территорию этой страны (СССР на севере, Великобритания на юге) свои войска. В 1942 г. к английским войскам присоединились войска США, что объяснялось необходимостью обеспечения транспортировки через Иран поставок по ленд-лизу. Был установлен срок вывода войск союзников из Ирана: не позднее шести месяцев после окончания второй мировой войны. Каждая из сторон стремилась в ходе войны к послевоенному контролю над нефтяными ресурсами Ирана. В США при поддержке иранского правительства действовали в этом направлении нефтяные компании «Стандарт вакуум» и «Синклер ойл», в Великобритании – компания «Шелл». В 1944 г. СССР, опираясь на поддержку своих сторонников в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане, поставил перед правительством Ирана вопрос о создании советской нефтяной концессии на севере страны, но получил отказ. Нефть не являлась самоцелью: советское руководство опасалось возникновения в послевоенные годы военной опасности на своих южных границах. После окончания второй мировой войны советское правительство задержкой вывода войск пыталось оказать давление на Иран и добиться права на концессию. Иранское правительство, ориентируясь на США и Великобританию, обратилось в ООН с требованием «рассмотреть факты вмешательства СССР во внутренние дела Ирана». К этому времени США и Великобритания вывели войска и советское руководство было вынуждено отступить от своей цели. В начале мая 1946 г. вывод частей Красной Армии из Ирана был завершён. Численность войск Великобритании, США и СССР ко времени их вывода с территории Ирана составляла соответственно около 25 тыс., 4,5 тыс. и 30 тыс. чел. Национально-демократическое движение в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане было подавлено властями Тегерана. Советско-иранские отношения нормализовались после 1953 г.

³⁶ Мальков В.Л. Холодная война. Истоки и уроки. Опыт интерпретации. Россия. XXI. 2007. №3. С. 57.

нает использовать по адресу СССР и Красной армии такие термины, как «железный занавес», «захватчики», «оккупанты». Командованию вооруженных сил направляются директивы о поддержании боевой готовности авиации, приостановке демобилизации оставшихся войск вермахта. Как выяснилось позднее, в эти же дни начальник имперского генерального штаба получил распоряжение провести исследование о возможности открытых военных действий против России. 13 мая 1945 г. в выступлении по радио Черчилль призвал англичан к бдительности ввиду угрозы восстановления в Европе власти «тоталитарных или полицейских правительств». Главного «виновника» создавшегося положения Черчилль еще не решился открыто назвать. Но и без того многим было ясно, что имеется в виду Советский Союз. Если учесть, что, согласно опросам общественного мнения, в 1945 году около 70% англичан дружелюбно относились к СССР (к США – 45 %) ³⁷, то не исключено, что курс Черчилля на конфронтацию с СССР явился одной из причин потери консервативной партией парламентского большинства на выборах 5 июля 1945 г. (их результаты были объявлены 26 июля) и утраты Черчиллем поста премьер-министра. ³⁸

США в одностороннем порядке, без предупреждения, прекратили (11 мая 1945 г.) поставки в СССР по ленд-лизу, уклонились совместно с Великобританией от обещанного пересмотра конвенций по черноморским проливам, достигнутой предварительной договоренности о предоставлении СССР займа (6 млрд. долларов) для восстановления экономики, отказались включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, все чаще занимали в переговорах с советским правительством конфронтационные позиции.

Крайне негативное отношение западных союзников вызывало положение в странах Восточной Европы, особенно в Польше. Они выступили «единым фронтом» по польскому вопросу, требуя от советской стороны выполнения ялтинских соглашений в том виде, как они их понимали. Крайнее раздражение в Лондоне и Вашингтоне вызвал арест советскими властями шестнадцати руководителей Армии Крайовой во главе с ее командующим генералом Л. Окулицким (бывшим начальником штаба армии Андерса в СССР), отряды которой действовали в тылах Красной Армии на территории Польши ³⁹.

1 апреля 1945 года Сталин получил от Рузвельта послание с выраженным несогласием с советской позицией по польскому вопросу. В послании в необычной для их переписки категоричной форме говорилось: «Я должен пояснить Вам исчерпывающим образом, что любое такое решение, которое привело бы к несколько замаскированному продолжению существования нынешнего варшавского режима, было бы неприемлемо и заставило бы народ Соединенных Штатов считать, что соглашение, достигнутое в Ялте, потерпело неудачу» ⁴⁰.

Ключевым явился вопрос о составе польского Временного правительства национального единства. Его создание было предусмотрено решением Ялтинской (4–11.02.1945 г.) конференции и возложено на «комиссию трех» из представителей СССР, США и Великобритании. Между Великобританией, США и «лондонскими» поляками (имеется ввиду довоенное правительство Польши, находившееся в эмиграции в Лондоне) с одной стороны, и Советским Союзом и «варшавскими» поляками (промосковское Временное правительство, находившееся в Варшаве после её освобождения) с другой компромисса найти долгое время не удавалось. Премьер-министр эмигрантского правительства С. Миколайчик, которого Сталин предложил назначить премьер-министром нового правительства, претендовал в этом правительстве на половину мест. Лидер «варшавских» поляков, председатель Крайовой Рады Народовой Б. Берут требовал большинства для своих сторонников. (Переговоры состоялись в Москве 17–21 июня 1945 г.). В конечном итоге Временное правительство национального единства (его состав был объявлен в Варшаве 28 июня) было создано. С. Миколайчик занял пост вице-преьера, 4 его сторонника из 21 получили министерские посты. СССР, США и Великобритания официально признали это правительство и установили с ним дипломатические отношения. Было преду-

³⁷ Поздеева Л. Лондон – Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. М., 2000. С. 293–294.

³⁸ Пост нового премьер-министра Великобритании 28 июля 1945 г. занял лидер лейбористской партии К. Эттли, который в это время находился на Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав в составе английской делегации.

³⁹ Л. Окулицкий и его группа были в марте 1945 г. арестованы советскими военными властями. Им предъявляли обвинение в организации и руководстве подпольной деятельности в тылу Красной Армии. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Л. Окулицкого к 10 годам заключения. Умер в тюремной больнице в 1946 г. В 1990 г. реабилитирован. Подробнее см.: Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Т. 2. Варшава – Москва, 2001. С.1170 и др.

⁴⁰ Переписка... Т. 2. С. 215. Подробнее по этому вопросу см. новое исследование М. Ю. Мягкова. Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941–1945. М. 2006.

смотрено проведение в ближайшее время свободных демократических выборов в Польше. (Они были проведены только в 1947 г.) Но для Черчилля и его окружения эти решения, принятые по настоянию советской стороны и в условиях первоочередной необходимости обеспечить вступление СССР в войну с Японией, были неприемлемы.

В рассекреченных в 1998 году документах личного досье Черчилля ключевым является датированный 22 мая 1945 года план экстренной операции «Немыслимое», подготовленный Объединенным штабом планирования военного кабинета. В плане сформулированы оценка обстановки, цели операции, привлекаемые силы, направления ударов войск западных союзников и их вероятные результаты. В приложениях к плану содержатся сведения о дислокации войск Красной Армии (в английских документах, как правило, употребляется термин «русская армия» – *O.P.*) и западных союзников, а также картографический материал. Время поручения премьер-министра на разработку плана операции не указано, но, учитывая сложность его подготовки, характер и объем самих документов, есть основания предполагать, что задание премьер-министра было получено планировщиками не позднее апреля 1945 г.

Заданию предшествовали мрачные размышления и выводы, которые Черчилль воспроизвел в своих мемуарах:

- «во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;
- во-вторых, немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения;
- в третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток;
- в четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий – Берлин;
- в пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение;
- в шестых, Вена, по существу – вся Австрия, должна управляться западными державами, по крайней мере, на равной основе с русскими Советами;
- в седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии...»⁴¹

В апреле 1945 г., когда Вена, Берлин, а затем и Прага оказались вне досягаемости войск западных союзников, тем более актуальным представлялось Черчиллю создание «нового фронта» против Красной армии.

Разработчики операции, а это был план развязывания войны против СССР, руководствовались следующими исходными установками, которые были даны при получении задания:

- операция будет проводиться в условиях ее полной поддержки общественным мнением в Британской империи и США, а следовательно, высокого морального состояния англо-американских вооруженных сил;
- Великобритания и США получат полную поддержку вооруженных сил Польши (эмигрантского правительства в Лондоне – *O. P.*) и могут рассчитывать на использование людских резервов Германии и остатков ее промышленного потенциала;
- не следует рассчитывать на поддержку сил других союзных европейских стран, но учитывать вероятность использования их территории и тех средств, необходимость в которых может возникнуть;
- иметь в виду вероятность вступления России в союз с Японией;
- начало военных действий 1 июля 1945 г.

Цель операции – «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Конкретно имелось в виду «вытеснить Красную Армию за пределы Польши». Мотивы этого решения в документе не раскрываются. Далее высказывалась мысль о том, что тотальная война является единственным надежным средством достижения цели и для этого необходимо:

- а) оккупировать те районы внутренней России, лишившись которых, эта страна утратит материальные возможности ведения войны и дальнейшего сопротивления;
- б) нанести такое решающее поражение русским вооруженным силам, которое лишит СССР возможности продолжать войну.

Сомнения возникли при рассмотрении вопроса о соотношении сил. «Существующее соотношение сил в Центральной Европе, где русские располагают примерно тройным преимуществом, делают крайне маловероятным достижение союзниками полной и решающей победы».

Для ликвидации «диспропорции», указывалось далее, необходимы людские ресурсы союзников, на что потребуются время и, во-первых, размещение в Европе и использование в Европе крупных ресурсов США и, во-вторых, перевооружение и реорганизация немецких войск.

⁴¹ Черчилль У. Указ соч. С. 574.

«Мы делаем вывод, что:

а) для надежного и прочного достижения нашей политической цели необходим разгром России в тотальной войне;

б) результат тотальной войны против России непредсказуем, но ясно одно – чтобы выиграть ее, нам потребуется очень длительное время».

Из дальнейших документов следует, что свои расчеты планировщики преимущественно связывали с достижением успеха в быстротечной войне, неким вариантом нового блицкрига, в результате которого «Россия примет наши условия». Именно этот вариант войны наиболее подробно освещается в плане. Оценивая с этих позиций стратегическую обстановку, авторы плана считали, что наиболее грозным противником для западных союзников являлись сухопутные силы Красной Армии.

Конкретно указывались два основных направления наступления войск западных союзников: ось Штеттин – Шнейдемюль – Быгдош и ось Лейпциг – Коттбус – Познань – Бреслау.

Общий вывод о перспективах кампании был пессимистичным:

а) если мы начнем войну против России, мы должны быть готовы к вовлечению в тотальную войну, которая будет длительной и дорогостоящей;

б) численный недостаток наших сухопутных сил делает весьма сомнительным ограниченный и быстрый успех, даже если по расчетам его будет достаточно для достижения политической цели⁴².

План войны на время отложили. В 1946 г. ведение переговоров на эту тему было поручено руководителю британской военной миссии в Вашингтоне, участнику Ялтинской и Потсдамской конференций фельдмаршалу Х. Вильсону, который обсуждал английские военные проекты с президентом Г. Трумэнном, генералом Д. Эйзенхауэром, в то время главнокомандующим союзными силами в Европе, и канадским премьером М. Кингом. Подбирались цели для атомных бомбардировок СССР. В сентябре последовала окруженная завесой секретности встреча на яхте вблизи побережья США генерала Д. Эйзенхауэра с британским фельдмаршалом Б. Монтгомери. Но эти военачальники пришли к выводу, что если Красная Армия предпримет в Европе наступление, западные союзники не в силах будут его остановить.

Историография операции «Немыслимое» пока крайне скудна. Высказывая в 2002 г. на страницах журнала «Новая и новейшая история» свое мнение о её целях, известный британский исследователь второй мировой войны профессор Д. Дилкс пояснил, что заданием на разработку операции Черчилль стремился «выяснить, имеются ли у Великобритании и США реальные шансы для противодействия Советскому Союзу».⁴³

В связи с инициативами У. Черчилля возникают по меньшей мере два вопроса. Имелись ли в то время у советского руководства планы наступления до берегов Атлантики и захвата Британских островов? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Подтверждением тому является принятый СССР 23 июня 1945 г. закон о демобилизации армии и флота, перевод их на штаты мирного времени. Демобилизация началась 5 июля 1945 г. и завершилась в 1948 г. Армия и флот были сокращены с 11 млн. до менее 3 млн. чел., упразднен Государственный Комитет Оборона, Ставка Верховного Главнокомандования. Количество военных округов в 1945–1946 гг. уменьшилось с 33 до 21. Значительно сократилось количество войск в Восточной Германии, Польше и Румынии. В сентябре 1945 г. советские войска были выведены из северной Норвегии, в ноябре – из Чехословакии, в апреле 1946 г. – с острова Борнхольм (Дания), в мае – из Маньчжурии и Северного Ирана, в декабре 1947 г. – из Болгарии и в 1948 г. – из Кореи. С 1949 г. началось постепенное увеличение численности советских вооруженных сил. Страна втягивалась в гонку вооружений.

Знало ли советское руководство о британских планах войны против СССР? Косвенно подтвердил это в 1998 г. видный знаток истории советских вооруженных сил профессор Эдинбургского университета Д. Эриксон. По его мнению, план Черчилля помогает объяснить, «почему маршал Жуков неожиданно решил в июне 1945 г. перегруппировать свои силы, получил из Москвы приказ укрепить оборону и детально изучить дислокацию войск западных союзников. Теперь причины понятны: очевидно, план Черчилля стал заблаговременно известен в Москве, и сталинский Генштаб принял соответствующие меры противодействия».⁴⁴ Советская разведка в Англии была одной из самых эффективных. Публикация в 2003 г. труда «Очерки истории российской внешней разведки» это подтверждает. В Москве знали о плане Черчилля и сделали соответствующие выводы.⁴⁵

⁴² Public Record Office. CAB 120/161/55911. P.1–29.

⁴³ Дилкс Д. Черчилль и операция «Немыслимое». Новая и новейшая история. №3. 2002. С. 140.

⁴⁴ The Guardian, 2.10.1998; Правда, 15.10.1998.

⁴⁵ Очерки истории российской внешней разведки в шести томах. Том 5. 1945–1965 годы. М., 2003. С. 20–21.

История подготовки новой войны против СССР требует дальнейшего документального исследования. Но замысел Черчилля действительно был «немыслимым». Личный врач британского премьера лорд Моран считал, что поступки Черчилля «в последний год войны были в значительной степени вызваны нервным и физическим истощением, иначе они необъяснимы»⁴⁶.

В то же время стороны ещё искали сближения. Г. Трумэн направил в Москву Г. Гопкинса, ближайшего соратника Ф. Рузвельта в качестве своего личного представителя для поисков выхода из «польского тупика». Одновременно в Лондон в том же качестве и той же целью Трумэн направил для переговоров с Черчиллем бывшего посла США в СССР Д. Дэвиса. В ходе переговоров, происходивших в Москве с 26 мая по 6 июня 1945 г., было решено возобновить работу «комиссии трех» и предоставить полякам из противоположных лагерей самим решить вопрос о составе Правительства национального единства. Что касается переговоров в Лондоне, то Д. Дэвис констатировал «крайне враждебную позицию Черчилля к СССР». Тем не менее Черчилль заявил, что не будет препятствовать проведению политики США в отношении Советского Союза и согласился «попытаться исчерпать все средства, совместимые с их достоинством, для разрешения разногласий, существующих в «большой тройке»⁴⁷.

Программная антисоветская речь Черчилля в Фултоне в присутствии Трумэна (март 1946 г.) и резкий ответ на неё Сталина накалили обстановку до предела. Тем не менее до 1949 г. функционировал учрежденный на Потсдамской конференции Совет Министров иностранных дел (СМИД) в составе представителей СССР, США, Великобритании, Франции и Китая. СМИД провел значительную конструктивную работу по составлению мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Финляндии и предложений по территориальным вопросам. Но возможности ослабления нарастающей напряженности в международных отношениях сторонами не были использованы.

Основными источниками послевоенной конфронтации явилось различие взглядов и политики в отношении стран Восточной Европы, западных и восточной зон Германии, атомная монополия США.

Знаток рассматриваемых событий, американский историк У. Кимболл, считает, что «мечта Рузвельта» о послевоенном сотрудничестве с СССР была изначально обречена принятым в 1943 г. совместно с Черчиллем секретным соглашением (tube alloys) не сообщать Сталину каких-либо сведений об англо-американских работах по созданию атомной бомбы, что «подорвало атмосферу доверия, к которой стремился Рузвельт в своих отношениях со Сталиным», хотя и «не было равнозначно началу холодной войны»⁴⁸. «Парадокс холодной войны, – полагает британский историк Д. Робертс, – состоит в том, что она явилась не следствием коммунистической угрозы Западу или конфликта между двумя сверхдержавами, а по той причине, что в Москве рассчитывали обеспечить сферы своего влияния в Восточной Европе и в то же время сохранить хорошие отношения с Великобританией и Соединенными Штатами»⁴⁹. Если такие расчеты действительно имелись, они были неосуществимы.

⁴⁶ Цит. по: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М., 2003. С. 354.

⁴⁷ Feis H. Between War and Peace. The Potsdam Conference. L., 1960. P.125–126.

⁴⁸ Работы над атомным проектом, начатые в Великобритании, уже в 1942 г. фактически перешли под контроль США, которые развернули производственную базу для реализации проекта и обеспечили его финансирование. У. Кимболл сообщает, что Соглашение 1943 г. было принято по инициативе Черчилля. Научный советник английского премьер-министра лорд Черуэлл известил Вашингтон, что «Британия рассматривает бомбу прежде всего как средство сдерживания (обуздания) Советского Союза после войны». Оно было дополнено «Памятной запиской», которая явилась «самым важным соглашением Рузвельта и Черчилля», подписанным 18 сентября 1944 г. на их встрече в Гайд-парке. В «Памятной записке» подтверждалась необходимость секретности работ над атомным проектом, указывалось на недопустимость утечки о них информации, «особенно русским» и говорилось, что атомная бомба «может быть применена против японцев, которых следует предупредить, что такие бомбардировки будут осуществляться до тех пор, пока они не капитулируют». (Kimball W. Franklin Roosevelt as War Statesman. N.J.1991 p.87; The Complete Correspondence... vol. III p. 318; Говард М. Большая стратегия. Август 1942-сентябрь 1943. Пер. с англ. М., 1980. с. 440.) В. Л. Мальков, рассматривая «Памятную записку» и проблему в целом, делает обоснованный вывод: «Самое же главное состояло в совершенно недвусмысленно, даже категорично выраженной воле руководства США и Англии сохранить секретность, а вместе с ней и монополию на атомное оружие, использование которого (в данном случае против Японии) также должно стать предметом исключительно их компетенции. Советский Союз выключался из этого процесса полностью (Мальков В. «Манхэттенский проект. Разведка и дипломатия.» М., 1995. с. 47, 48.). Ряд документов и решений, принятых правительством США в период 1943-начале 1945 гг., ставят под вопрос получившую распространение концепцию, согласно которой Рузвельт, в противовес Черчиллю, последовательно выступал за сотрудничество великих держав в послевоенный период.

⁴⁹ Review of International Studies № 25. 1999. P. 656. В своей новой книге Д. Робертс подтверждает этот вывод (Roberts G. Stalin's Wars. From World war to Cold war, 1939-1953. New Haven and London. 2006. P. 24.)

Тимофеев И.Н. ¹

Баланс сил, взаимозависимость и идентичность: конкуренция эмпирических моделей решения дилеммы безопасности

Вопрос о том, почему государства периодически находятся в состоянии военного соперничества, традиционно был одним из ключевых для международных исследований. Он рассматривался с позиций различных объяснительных схем, однако это не меняло суть вопроса как такового – локомотивом появления новых теорий выступала скорее смена независимых переменных, тогда как зависимая переменная во многом оставалась единой для базовых теорий МО.

Эта зависимая переменная может быть концептуализирована, в частности, в терминах дилеммы безопасности, которая предполагает стратегический выбор государства между двумя предельными альтернативами – сотрудничеством или конфронтацией с другим государством (государствами). Фундаментальной предпосылкой выбора является то, что он осуществляется в условиях неопределенности – лица, принимающие решения в стране А, не имеют всей полноты информации о потенциалах и, что более важно, о намерениях страны Б. Подобная неопределенность, согласно классическим подходам, проявляется на двух уровнях. Во-первых, на уровне интерпретации действий противоположной стороны, когда требуется ответить на вопрос, являются ли они угрозой. Во-вторых, на уровне определения реакции, адекватной угрозе. И интерпретация угрозы, и реакция на нее могут быть ошибочными. В пределе эти ошибки могут вылиться в так называемый парадокс безопасности – не зная о намерениях противоположной стороны и подозревая ее в конфронтационных намерениях, обе конкурирующие страны наращивают свои потенциалы. В конечном итоге они вступают в противостояние, которое нежелательно ни для той, ни для другой стороны.² Иными словами, объясняя стратегический выбор в терминах дилеммы безопасности, нам важно ответить на следующие вопросы – почему действия противоположной стороны воспринимаются в качестве угрозы, и чем именно определяется характер ответа на возникший стратегический вызов?

Ответ на эти вопросы долгое время выступал предметом конкуренции реалистской и либеральной теорий МО, а также их производных – неореализма и неолиберализма. В последние десятилетия в качестве альтернативного подхода большую популярность приобрел конструктивистский подход. Однако несмотря на большое число публикаций конструктивистов, их количество явно не переходит в качество – в более или менее строгую теорию, способную на равных конкурировать с предшественниками в объяснении поведения государств в условиях дилеммы безопасности. Причину такого положения вещей следует искать не в разнородности самого конструктивизма и не в обтекаемости его базовых понятий, таких, как идентичность, инаковость или групповая солидарность. С похожими трудностями сталкивается любая теория в гуманитарных науках уже потому, что ни одно понятие не является конвенциональным, заданным раз и навсегда. Между сторонниками той или иной теории могут идти жаростные дебаты относительно определения понятий или относительно, скажем, онтологических основ теории. И реализм, и либерализм, несомненно, служили ареной подобных дебатов.

Тогда в чем же причина? Ответ на этот вопрос, как представляется, следует искать в логике формирования теорий (и шире – парадигм) международных отношений. И реализм, и либерализм базируются на мощном политико-философском фундаменте, который далеко выходит за рамки собственно международной проблематики.³ Однако не менее значимым фактором

¹ Тимофеев Иван Николаевич – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политической теории МГИМО(У) МИД России.

² Booth, Ken; Wheeler, Nicholas. *The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics*. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2008. P. 1–18.

³ Следует, однако, согласиться с тезисом Т.А. Алексеевой о том, что систематизированной нормативной теории международных отношений пока не существует. Одна из причин заключается в недостатке эмпирической информации, с которым неизбежно сталкиваются теоретики. См.: Алексеева Т.А. Реванш кочевников или ценностное осмысление глобализации // *Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития* / Под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2006. С. 26.

развития теорий международных отношений в XX в. стала их эмпирическая верификация – проверка посредством формализованных методов. Эмпирические исследования позволили конкретизировать целый ряд нормативных постулатов теории международных отношений. Смещение исследовательского фокуса от реалистской проблематики к либеральной во многом произошло именно благодаря эмпирическим исследованиям. После 1970-х гг. подобные исследования смогли выявить новые реалии международной политики, которые явно отличались от реалий военного и послевоенного периода, а значит, требовали иной теоретической рефлексии. Таким образом, сдвиг к либерализму в международных исследованиях стал результатом не только политико-философской, но и эмпирической аргументации. Следует отметить, что подобные эмпирические исследования носили во многом количественный характер, т.е. уровень формализации полученных аргументов был достаточно высок, что способствовало строгости теоретических обобщений.

В этой логике конструктивизм мог стать серьезной теоретической альтернативой, сделав два важных шага. Первый шаг должен был подразумевать выявление и концептуализацию новых факторов в объяснении поведения государств в условиях дилеммы безопасности. В целом конструктивисты смогли предложить эту альтернативу, объясняя стратегический выбор государств особенностями их идентичностей. Второй же шаг должен был подразумевать формализацию выдвинутых аргументов и ее проверку. И здесь конструктивисты столкнулись с серьезными трудностями. Оказалось, что идентичность весьма сложно измерить количественным путем или формализовать в виде моделей. Более адекватными оказались качественные методы. Но они не обеспечивают необходимой строгости аргументации в силу значительно более широкой интерпретации результатов по сравнению с количественными методами. Именно поэтому статус конструктивизма остается неопределенным, и до тех пор, пока не будут предложены адекватные формализованные модели влияния идентичности на стратегический выбор государств, этот подход будет сохранять только статус претендента на место в ряду «больших» теорий МО.

Для аргументации этого тезиса мы рассмотрим конкуренцию реалистской и либеральной теорий МО в объяснении дилеммы безопасности с точки зрения их эмпирической верификации, а также обозначим перспективные исследовательские направления, которые могут способствовать укреплению эмпирических основ конструктивизма.

Верификация тезисов реализма: баланс сил, гонка вооружений и силовая политика

Пиком развития теории реализма можно считать первую половину «короткого двадцатого века»⁴, когда предметом рефлексии международников стал опыт двух мировых войн, а также угрозы конфронтации между СССР и США. Основные аргументы реалистов подробно изложены и в зарубежной, и в российской литературе, поэтому обозначим лишь те из них, которые являются принципиальными для эмпирической проверки.

Поведение государств на международной арене определяется их национальными интересами, для защиты и продвижения которых государства склонны к максимизации своих экономических и военных потенциалов (мощи).⁵ В отношениях между конкурирующими государствами ключевым фактором выступает баланс сил. Нарушение баланса сил или достижение критического предела в накоплении мощи выливается в конфронтацию между государствами. Часто государства не в состоянии, полагаясь только на собственные силы, защитить свои интересы, что толкает их на создание коалиций. В этом случае баланс сил имеет системный эффект. Стабильность международной системы определяется распределением мощи между ее участниками – чем менее равномерно подобное распределение, тем более высока вероятность конфликта.⁶ Таким образом, нарушение паритета или асимметрия потенциалов по сравнению с другим государством или блоком выступает основным фактором его восприятия в качестве угрозы и стратегического выбора в пользу «худшего сценария». Важным допу-

⁴ Эрик Хобсбаум и Джон Лукач связывают начало «короткого двадцатого века» с «коллективным самоубийством Европы» – началом Первой мировой войны в 1914 г. Его окончание ассоциируется с финалом холодной войны в 1991 г., хотя и Хобсбаум, и Лукач весьма осторожны в подобных оценках. См.: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век 1914–1991. М.: Издательство «Независимая газета», 2004. С. 11–27; Лукач Дж. Конец двадцатого века и конец эпохи Модерна. СПб.: Наука, 2003. С. 10.

⁵ См.: *Morgenthau G.* Международная политика // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т.2. / Под ред. Т.А. Алексеевой. М.: Мысль, 1997. С. 500–506. См. также: *Morgenthau G.* Scientific Man vs. Power Politics. Chicago: The University of Chicago Press, 1946. P. 73.

⁶ См.: *Waltz, Kenneth.* Theory of International Politics. N.Y.: Random House, 1979. P.118.

щением реализма является также и то, что выбор в ситуации дилеммы безопасности определяется прежде всего внешнеполитическими воздействиями, т.е. вызовами со стороны других государств. Тогда как внутривнутриполитические факторы носят второстепенный характер.

Примером фундаментальной формализованной модели конкуренции государств является модель Льюиса Ричардсона. Будучи метеорологом, Ричардсон предпринял попытку анализа динамики военных потенциалов при помощи математических моделей, используемых в естественных науках (например, для расчета траекторий движения планет). Предметом анализа стала гонка вооружений, предшествовавшая Первой мировой войне.⁷ Пытаясь ответить на вопрос, почему государства склонны выбирать «худший сценарий» и постоянно наращивают свои вооружения, Ричардсон сделал акцент на следующих переменных. Во-первых, во внимание принимается реакция на военные потенциалы, имеющиеся у вероятного противника, и мера угрозы, ассоциируемая с этими потенциалами: появление у конкурента новых вооружений требует ответа, например, в виде превентивной разработки более совершенного оружия. Во-вторых, учитывается цена ответа на угрозы, т.е. пределы нагрузки для экономики, которые может позволить себе государство, отвечая на вызов конкурента (ресурсы ограничены, а наращивание военных усилий требует изъятия средств из других сфер). В-третьих, принимается во внимание опыт прошлого: наличие конфликтов или «обид» в прошлом усиливает восприятие угрозы.⁸ В зависимости от значения этих переменных взаимодействие двух государств может иметь два исхода. Первый – состояние равновесия, когда цена ответа на угрозы в обоих государствах воспринимается как слишком высокая для того, чтобы дать ответ на угрозу. В этом случае наращивание вооружений имеет стабильный и постепенный характер без чрезвычайно резких усилий с той и с другой стороны. Второй – нарушение равновесия, когда реакция на угрозу перевешивает соображения экономической цены ответа на нее. Это ведет к взрывному наращиванию вооружений с обеих сторон, а впоследствии – к развязыванию войны.

Модель Ричардсона подвергалась серьезной критике. Оппоненты указывали на то, что она объясняет результат без учета процессов принятия решений, приведших к этому результату. Она также игнорирует цели, которые реально ставят перед собой государства. Конечно, эксперимент с моделью, используемой для изучения движения планет, интересен, но планеты не делают того, что делают государства. Для Ричардсона государства выступают неререфлексируемыми сущностями, а значит, из поля зрения исключаются вопросы морали и ценностей, которые также могут повлиять на выбор стратегии. Еще одна сложность состоит в том, что сами категории оценки потенциалов и экономической цены их наращивания, не говоря об «обидах», могут существенно различаться.⁹

Несмотря на критику, модель Ричардсона использовалась, совершенствовалась и наполнялась самым различным содержанием в десятках (если не сотнях) эмпирических трудов международных ученых. Большая работа, в частности, была проведена в отношении эмпирических индикаторов. Речь идет, прежде всего, о базах данных по военным потенциалам, которые, собственно, и выступают предметом угрозы – первой переменной модели, а также о различных экономических показателях, измеряющих цену ответа (может быть упомянуто, например, сопоставление расходов на оборону с остальными статьями бюджета). Наконец, формализованными методами инвент-анализа измерялся уровень взаимных «обид». Кроме того, сама модель модифицировалась и получала различные дополнения.¹⁰ В целом, она позволила решить задачу описания и понимания природы гонки вооружений.¹¹ Она также оказала важную эмпирическую поддержку реалистскому тезису о том, что конфликты могут объясняться изменениями баланса сил. Кроме того, несмотря на известное упрощение реальности, свойственное любой модели, она дала возможность более точного прогноза гонки обычных вооружений.

Наряду с моделированием, формализация реалистской проблематики получила значительную подпитку благодаря развитию теории игр. Одним из ее достижений стало то, что она позволила учесть влияние ядерного фактора на стратегический выбор в пользу войны или мира, – ее расцвет пришелся на 1970-е – начало 1980-х гг., т.е. на пик гонки ядерных вооруже-

⁷ Ричардсон получил первые результаты непосредственно после окончания Первой мировой войны. Их признание состоялось только в 1960-е гг., когда в США началась «бихевиористская революция» и количественные методы получили самое широкое распространение в гуманитарных науках.

⁸ Описание этих переменных, а также математическое выражение модели см. в следующей работе: *McGinnis, Michael. Richardson, Rationality, and Restrictive Model of Arms Races // Journal of Conflict Resolution, Vol. 35, №3, September 1991. P. 447.*

⁹ Критические отзывы в отношении модели Ричардсона см., например, в следующей работе: *Anderton, Charles. Arms Race Modeling: Problems and Prospects // Journal of Conflict Resolution, vol. 33, No 2, 1989. P. 347–364.*

¹⁰ Обзор этих работ см., например, в упомянутой выше статье МакДжиниса. *McGinnis. Op. cit. P. 452–455.*

¹¹ *Anderton. Op. cit. P. 3.*

ний между СССР и США. В частности, конкуренция между двумя блоками была формализована посредством модели дилеммы заключенного, которая хорошо описывает уже упоминавшийся нами парадокс безопасности. Двум конкурирующим державам выгодно взаимное снижение расходов на оборону (в терминах модели Ричардсона, им выгодно снижение взаимной угрозы, а значит, и нагрузки военных расходов на экономику). В этом случае оба государства выигрывают. Но если государство А начнет разоружаться, государство Б может воспользоваться этим и вместо взаимного разоружения еще больше нарастить свой потенциал. Обманув конкурента, Б может получить большое преимущество, а начавшее разоружаться государство А – оказаться в значительном проигрыше. Очевидно, что Б может оказаться в сходной ситуации, сделав первый шаг в разоружении. Таким образом, несмотря на то, что взаимное разоружение выгодно обоим конкурентам, каждый предпочитает дальнейшее вооружение. В этом случае обе стороны проигрывают, но эти потери меньше по сравнению с теми, которые можно понести, сделав первый шаг в разоружении и оказавшись жертвой обмана.¹²

Поиски выхода из ситуации дилеммы заключенного для двух ядерных держав широко обсуждались международниками на исходе холодной войны, оказав немалое влияние на разоруженческую проблематику. Например, Скотт Плоус полагал, что выход может быть найден в том случае, если рассматривать конкуренцию держав в терминах дилеммы восприятия, а не дилеммы заключенного. Это значит, что ожидаемая польза от принятия того или иного решения является не априорно заданной, а скорее представляет собой предмет субъективного восприятия каждой стороны. Например, Россия может считать, что в данный момент времени США выгоднее вооружаться, а не разоружаться, и наоборот. (Впоследствии эта аргументация будет использоваться конструктивистами.) Дилемма решается в том случае, если оценки полезности разоружения совпадают, и державам удастся убедить друг друга в том, что разоружение является взаимовыгодным, сделав шаги к сотрудничеству. Плоус подтверждал свои выводы серией экспериментальных исследований.¹³

Еще один вариант решения дилеммы заключенного – стратегия «зуб за зуб» (англ. tit-for-tat). Она предполагает попытку конкурентов закончить или приостановить гонку вооружений путем сотрудничества. При этом государство А, сокращая свои расходы, будет чутко реагировать на дальнейшие действия государства Б. Представители А, например, могут поставить следующее условие: государство А будут тратить на оборону не меньше, но и не больше государства В. Таким образом, конкурент вознаграждается за сотрудничество (расходы обоих государств сокращаются, и они оба выигрывают), но наказывается за попытку обмана (расходы обоих государств растут, они оба проигрывают). Эта модель в свое время подробно изучалась Марком Лихбахом, который формализовал условия, делающие реализацию этой модели стратегического выбора наиболее адекватной. Лихбах осуществил сопряжение модели Ричардсона и теории игр. Но его выводы нельзя назвать оптимистичными. Во-первых, не так много прецедентов гонки вооружений в истории завершались путем сотрудничества. Во-вторых, риск обмана со стороны конкурента остается достаточно высоким, что подрывает доверие и возможности сотрудничества как таковые: инициативы по разоружению могут быть восприняты как признак слабости. В-третьих, эта стратегия трудно реализуема в случае большой асимметрии в распределении мощи. В терминах модели Ричардсона, она применима в условиях равновесия, но не в условиях, когда страны резко наращивают потенциалы. А ведь именно в этих случаях стратегии решения дилеммы заключенного наиболее востребованы.¹⁴ Лихбах опубликовал свою статью в 1989 г., когда сотрудничество между СССР и США давало надежду на окончательный выход из ситуации дилеммы заключенного между двумя странами. Однако дальнейший ход истории показал, что пессимизм Лихбаха не был безосновательным.

Эмпирические исследования в области реалистской проблематики, конечно, не ограничивались советско-американским противостоянием. Более того, окончание холодной войны существенно усложнило исследовательскую задачу. Вместо двух игроков с приблизительно равными военными потенциалами на международной арене оказалось несколько игроков, причем распределение сил оказалось явно несимметричным. Кроме того, появилось нема-

¹² Дилемма заключенного описана, например, в работе Джона Эльстера. См.: *Elster, John. Explaining Social Behavior*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 317–320. Применительно к международным отношениям она описывается в работе Лихбаха. В этой же статье представлен обзор литературы по использованию теории игр для моделирования конкуренции между государствами. См.: *Lichbach, Mark. Stability in Richardson's Arms Races and Cooperation in Prisoner's Dilemma Arms Rivalries // American Journal of Political Science, Vol. 33, №4, November 1989. P. 1017.*

¹³ *Plous, Scott. The Nuclear Arms Race: Prisoner's Dilemma or Perceptual Dilemma? // Journal of Peace Research, Vol. 30, №2, May 1993. P. 166, 174–176.*

¹⁴ *Lichbach. Op. cit. 1017–1045.*

ло государств, которые стали претендовать на свою партию в «большой игре», в частности, за счет приобретения или попыток приобретения ядерного статуса. На повестку дня вышел вопрос, как повлияет приобретение ядерного оружия на стратегический выбор новых игроков в условиях дилеммы безопасности.

Еще в 1982 г. Брюс Буэно де Мескито и Уильям Райкер на основе количественного анализа взаимодействия ядерных держав в целом подтвердили тезис Кеннета Уолтса о том, что наличие ядерного оружия у двух противоборствующих сторон снижает вероятность конфликта между ними. Однако если таким оружием владеет только одна из сторон, это, наоборот, создает асимметрию и подрывает возможность мирного сосуществования. Ценность модели де Мескито состоит в том, что она дает возможность построения эмпирически фундированных сценариев возможного взаимодействия конкурентов, стремящихся к приобретению ядерного оружия. Вместе с тем модель не решила спор Уолтса и его оппонентов (например, Скотта Сагана), которые считали, что распространение ядерного оружия, наоборот, повышает вероятность конфликта. Примечательно недавнее исследование Майкла Саймона (2004 г.), который провел серию экспериментов, опираясь на теорию игр. Саймон выявил, что наличие ядерного оружия не определяет четко заданной стратегии поведения в отношении конкурента – эксперименты не дают однозначного результата. Значит, точка в дискуссии Уолтса и Сагана до сих пор не поставлена.¹⁵

В контексте современных исследований целесообразно отметить еще несколько направлений. Прежде всего это эмпирическая верификация модели Джона Васкеса о логике взаимодействия государств, приводящего к войне (англ. *steps-to-war model*). Васкес делал акцент на таких переменных, как территориальные споры, прошлые конфликты, соотношение потенциалов, а также структура межгосударственных альянсов. В своих недавних эмпирических исследованиях (2005 и 2007 гг.) Майкл Колареси и Уильям Томпсон показали, что территориальные споры способствуют эскалации конфликтов. Не меньшую роль играет и история конфликтов (в терминах модели Ричардсона – «обиды»). Чем чаще государства сталкивались в прошлом, тем больше вероятность их военного столкновения в будущем. Членство в альянсах повышает вероятность конфликта в том случае, если баланс сил между ними не является равномерным. Сбалансированные альянсы, наоборот, снижают вероятность конфликта. Еще один интересный результат – влияние взаимного наращивания вооружений на вероятность конфликта аналогично влиянию асимметрии соперничающих альянсов государств, имеющих больше двух прецедентов взаимных конфликтов в прошлом.¹⁶ Не меньший интерес представляют собой исследования влияния имеющегося потенциала на принятие решений. Так, Бенджамин Голдсмит в количественном исследовании данных за 1886–1989 гг. верифицировал тезис о том, что если государство имеет свободные материальные средства, оно с большой вероятностью начнет наращивание своего военного потенциала. Иными словами, экономический рост или большой уровень богатства способствуют вооружению со всеми вытекающими последствиями для баланса сил. Это явление свойственно как автократиям, так и демократиям, хотя вторые в основном склонны к меньшим долям военных расходов в своих бюджетах.¹⁷

Следует также упомянуть исследование Бенджамина Фордама, который на примере США эмпирически доказал, что чем большим потенциалом обладает государство, тем более вероятен соблазн использования силы для давления на другие государства. Военное превосходство – важная предпосылка агрессивного поведения и, несомненно, дает существенные козыри «ястребам» при принятии решений. Однако в последнее время эта закономерность несколько видоизменяется. Развитые государства со значительными военными потенциалами все в большей степени делают ставку на относительно немногочисленные контрактные армии, оснащенные дорогими вооружениями. Отсутствие же большого количества войск физически ограничивает маневр для агрессивного поведения – малочисленная, хотя и оснащенная армия не может быть эффективно задействована сразу на нескольких театрах военных действий.¹⁸

¹⁵ *Simon, Michael*. Asymmetric Proliferation and Nuclear War: The Limited Usefulness of an Experimental Test // *International Interactions*, Vol. 30, 2004. P. 59–85. В этой же работе дается анализ дискуссии Уолтса и Сагана, а также раскрывается модель Буэно де Мескито и Райкера.

¹⁶ *Colaresi, Michael; Thompson, William*. Alliances, Arms Buildups and Recurrent Conflicts: Testing a Step-to-War model // *The Journal of Politics*, Vol. 67, №2, May 2005. См. Также: *Colaresi, Michael; Rasler, Karen; Thompson, William*. Strategic Rivalries in World Politics: Position, Space and Conflict Escalation. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

¹⁷ *Goldsmith, Benjamin*. Bearing the Defense Burden, 1886–1989: Why Spend More? // *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 47, №5, October 2003. P. 551–570.

¹⁸ *Fordham, Benjamin*. A Very Sharp Sword: The Influence of Military Capabilities on American Decisions to Use Force // *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 48, №5, October 2004. P. 632–654.

Эмпирические исследования международников находились под сильным влиянием реализма вплоть до 1970-х гг. Затем их доля в общем количестве работ постепенно начала сокращаться, а в 1990-х гг. реалистская проблематика была существенно потеснена повесткой либеральной теории.¹⁹ Реализм не обеспечивал достаточной концептуальной базы для изучения целого ряда факторов, очевидно влияющих на выбор в ситуациях дилеммы безопасности. Прежде всего, реализм не учитывал в должной мере внутренние факторы: политические решения не принимаются автоматически, они опосредованы институтами и формальными процедурами, которые могут влиять на результат. Далее, взаимодействие государств не сводится лишь к военному соперничеству и гонке вооружений: за скобками реализма остается экономическое взаимодействие. Кроме того, все большую роль на поведение государств начинают оказывать международные организации и институты, потенциально ограничивающие маневр в решении дилеммы безопасности. На исходе холодной войны новые реалии международных отношений существенно усилили актуальность либеральной проблематики, а установившиеся со времени «бихевиористской революции» правила игры в конкуренции концепций и моделей потребовали их эмпирической верификации.

Верификация либеральных тезисов: демократия, взаимозависимость и международные институты

Либеральное крыло эмпирических исследований подходит к дилемме безопасности с позиций «объяснительного треугольника», который включает в себя три базовых фактора. Первый – влияние политического режима. Стратегический выбор в дилемме безопасности, который делает демократическое государство, коренным образом отличается от выбора автократий: демократии в целом менее агрессивны. Второй – роль экономической взаимозависимости: взаимосвязанные государства менее агрессивны по отношению друг к другу, так как цена войны с торговым партнером значительно увеличивается. Третий – роль международных институтов и организаций: в терминах дилеммы безопасности члены одной международной организации, особенно если она способна применить те или иные санкции, должны демонстрировать менее агрессивные стратегии по отношению друг к другу по сравнению с теми странами, которые не связаны посредством международных институтов.

Базовым допущением является то, что все три фактора в идеале снижают неопределенность в отношениях между государствами, которая, как мы уже отмечали, является фундаментальной предпосылкой дилеммы безопасности. Соответственно, снижая неопределенность, они делают менее вероятным выбор в пользу «худшего сценария».²⁰ Одной из недавних фундаментальных работ является книга Брюса Рассета и Джона Онила, в которой рассматривается комплексное влияние «треугольника» на международную политику.²¹ Кроме того, большое количество работ анализирует каждый из факторов отдельно. Мы рассмотрим последние прецеденты подобных работ.

Среди исследований демократического мира можно отметить работу Весны Данилович и Джо Клэра (2007 г.). В качестве зависимой переменной авторами используются прецеденты войн конкретного демократического государства с другими демократиями, а также с государствами, которые не могут быть охарактеризованы как демократические. В качестве независимой – его политический режим и внутренние конфликты («внутренний мир») измеряемый индексами «Freedom House», а также «Polity-IV».²² Рассматривается период с 1972 по 2000 гг.

¹⁹ Эта трансформация была также доказана эмпирическим путем на основе изучения более чем пятисот работ в четырех ведущих журналах по международной проблематике. См.: *Walker, Thomas; Morton, Jeffrey. Re-Assessing the «Power of Power Politics» Thesis: Is Realism Still Dominant? // International Studies Review, №7, 2005. P. 341–353.*

²⁰ Это допущение имеет солидный политико-философский и теоретический фундамент. Достаточно упомянуть, что ранние публикации Моргентау были сфокусированы на жесткой критике принципов либерализма (идеализма), обозначавшихся кантланской и вильсонской традицией. Конкуренция политико-философских аргументов имеет гораздо более давнюю историю, нежели конкуренция эмпирических моделей. Сравнительный анализ базовых теоретических положений реализма и либерализма представлен в следующей работе: *Сандерс Д. Неореализм и неолиберализм // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.Д. Клигеманна. М: Вече, 1999. С. 421–423.*

²¹ *Russett, Bruce; Oneal, John. Triangulating Peace: Democracy, Interdependence, and International Organizations. N.Y.: W.W. Norton, 2001.*

²² Подробное описание проектов «Freedom House» и «Polity-IV» см. в следующем издании: *Мельвилль А.Ю., Ильин М.В., Полунин Ю.А., Миронюк М.Г., Мелешкина Е.Ю., Тимофеев И.Н. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М: МГИМО-Университет, 2007. С. 25–63.*

Авторы выявляют значительную статистическую взаимосвязь между типом режима и внутренней стабильностью, с одной стороны, и склонностью государства к военным конфликтам, с другой, эмпирически подтверждая кантианские тезисы о природе международных отношений.²³

Другие авторы занимают более осторожную позицию. Например, Майкл Ворд и его соавторы приходят к выводу о том, что кантианская модель уязвима для критики. Их количественный анализ показывает, что демократии действительно не склонны воевать друг с другом. Но системный эффект от этого невелик. Данное обстоятельство особенно актуально для членства в международных институтах, которое вовсе не обязательно гарантирует мирное поведение стран по отношению друг к другу.²⁴

Интересную идею более 10 лет назад предложили Эдвард Мансфелд и Джек Снайдер. Их тезис сводится к тому, что наибольшую проблему для международных отношений представляют не автократии и тем более не старые демократии. В гораздо большей степени к конфликтам склонны переходные режимы и новые демократии. Так как правила игры в этих государствах еще не устоялись, а социальные и экономические проблемы обострены, их политические элиты могут быть склонны к агрессивному поведению в отношении соседей, тем самым отвлекая внимание общественности от внутренних неурядиц. Поэтому авторы предупреждают против демократизации стран, которые не могут контролироваться международным сообществом.²⁵

В целом, гипотеза о том, что стабильные демократии склонны скорее к сотрудничеству, нежели к конфронтации, так или иначе подтверждается во всех исследованиях. Некоторыми авторами этот тезис считается эмпирически даже более точным, нежели тезис об экономической взаимозависимости²⁶, хотя такая точка зрения отчасти определяется временными рамками количественного анализа. Предметом дискуссий выступает скорее то, насколько склонны к войне новые демократии по сравнению, скажем, со стабильными авторитарными режимами. Но то, что новые демократии и автократии с большей вероятностью будут проявлять агрессивность на международной арене по сравнению со стабильными демократиями, служит предметом относительного консенсуса исследователей либерального крыла.

В отношении экономической взаимозависимости примечательна работа Марка Сува и Брендона Принса (2006 г.). Страны, делающие акцент на экономическом, а не военном влиянии, более склонны к переговорам и дипломатическому торгу. Коммерческие интересы внутри страны ведут к образованию групп, которые не заинтересованы в войне с экономическими партнерами. Эти группы пытаются лоббировать выгодный им внешнеполитический курс. (Ранее этот тезис верифицировался в работах Онила и Рассета.²⁷) Развитие взаимной торговли, в свою очередь, способствует формированию формальных и неформальных связей, благодаря чему снижается неопределенность в отношениях. Эти гипотезы успешно проверяются посредством количественного анализа на временных рядах (1950–1999 гг.). Зависимой переменной выступают конфликты, в которые вовлечены государства, в качестве независимой – их внешнеэкономическая активность (сумма экспорта и импорта, поделенная на ВВП) и объем торговли.²⁸

К похожим выводам приходит и Эрик Гарцке (2007 г.). Соглашаясь с тем, что демократии более склонны к сотрудничеству, он объясняет демократию развитостью экономических институтов и включенностью в международную торговлю. Иными словами, причинно-следственная связь имеет более сложную структуру: экономика – демократия – внешняя политика. Кроме того, в модель включаются и другие переменные, которые могут считаться альтернативными экономике и режиму, – военная и экономическая мощь, географические характеристики и др. Выдвинутые гипотезы успешно верифицируются количественно.²⁹

²³ Danilovic, Vesna; Clare, Joe. The Kantian Liberal Peace (Revisited) // *American Journal of Political Science*, Vol. 51, №2, April 2007. P. 397–414.

²⁴ Ward, Michael; Siverson, Randolph; Cao, Xun. Disputes, Democracies, and Dependencies: A Reexamination of the Kantian Peace // *American Journal of Political Science*, Vol. 51, №3, July 2007. P. 583–601.

²⁵ Mansfield, Edward; Snyder, Jack. Democratization and War // *Foreign Affairs*, Vol. 74, №3, May/June 1995. P. 79–97.

²⁶ См.: Min Kim, Hyuang; Rousseau David. The Classical Liberals Were Half Right (Or Half Wrong): New Tests of the «Liberal Peace», 1960–1988 // *Journal of Peace Research*, Vol. 42, №5, 2005. P. 523–543.

²⁷ Oneal, John; Russett Bruce. Assessing the Liberal Peace with Alternative Specifications: Trade Still Reduces Conflict // *Journal of Peace Research*, Vol. 36, №4, 1999. P. 423–442.

²⁸ Souva, Mark; Prins, Brandon. The Liberal Peace Revisited: The Role of Democracy, Dependence, and Development in Militarized Interstate Dispute Initiation, 1950–1999 // *International Interactions*, Vol. 32, №2, July 2006. P. 183–200.

²⁹ Gartzke, Erik. The Capitalist Peace // *American Journal of Political Science*, Vol. 51, №1, January 2007. P. 166–191.

Конечно, корреляции между экономической взаимозависимостью и поведением на международной арене не равны 1. Иными словами, закономерность имеет большее или меньшее количество исключений. Однако даже в том случае, если экономически зависимые страны начинают войну друг с другом, взаимозависимость все равно производит положительный эффект: конфликты между экономически взаимосвязанными странами влияют на их длительность – чем больше зависимость, тем менее продолжителен конфликт.³⁰ Тем не менее тезис о благотворном влиянии взаимозависимости в области экономики все-таки может быть встречен критически. Некоторые авторы указывают на обратную зависимость – не отсутствие взаимозависимости провоцирует войны, а войны подрывают взаимозависимость.³¹

Положение о том, что экономическая и торговая взаимозависимость снижает вероятность конфликтов, подтверждает авторитетный исследователь Зив Маоз. Он выделяет три типа взаимозависимости (и, наоборот, поляризации стран). Первая – стратегическая (принадлежность к союзам и коалициям), вторая – экономическая, третья – культурная. Гипотезы верифицируются на основе количественных данных за 1816–2002 гг. Маоз делает следующие выводы. Экономическая взаимозависимость снижает вероятность конфликта практически на протяжении всего рассматриваемого периода. Стратегическая взаимозависимость при условии поляризации альянсов, напротив, повышает вероятность конфликтов. Но этот результат нестабилен во времени. В XIX в. стратегическая взаимозависимость снижала взаимные конфликты, в первой половине XX в. – повышала, а в ядерную эру – снова снижала. Гораздо меньшее влияние на конкуренцию государств имеет культурная взаимозависимость.³² Таким образом, влияние экономических факторов оказывается наиболее стабильным, а «столкновение цивилизаций», в версии Сэмюэля Хантингтона, в исторической ретроспективе вообще оказывается фальсифицированным.³³

Что касается влияния международных институтов, то здесь наиболее актуальными представляются исследования об их воздействии на переходные страны. Интерес, в частности, представляет база данных и работа Джона Пивихауса, который рассматривает влияние членства в региональных международных организациях на консолидацию демократических режимов в переходных странах. Несмотря на то, что зависимой переменной для Пивихауса является демократизация, его работа представляется весьма важной для понимания дилеммы безопасности: если международные институты действительно способствуют консолидации демократий, значит, используя уже обозначенные выше причинно-следственные связи, они могут способствовать снижению рисков, связанных с поведением некоторых молодых демократий на международной арене. Пивихаус собрал базу данных по членству в организациях и состоянию демократических режимов. Основной вывод – международные организации способны оказывать существенное влияние на консолидацию демократии при условии соответствующего запроса со стороны национальной элиты. Причем чем выше уровень санкций, которые может применить организация, тем больше вероятность того, что государство будет корректировать свой внутривластный курс в соответствии с ее требованиями.³⁴ В свете этих выводов было бы интересно изучить отклоняющиеся случаи, когда влияние международных организаций способствовало установлению «фасадных» демократий с нестабильной государственностью, проявляющих агрессивность на международной арене.

Еще одна интересная работа посвящена влиянию международного сообщества развитых государств на гражданский контроль над военными в переходных странах (хотя в отличие от большинства упомянутых исследований она не базируется на формализованных моделях). Связь с дилеммой безопасности здесь очевидна: чем большую свободу рук получают «ястребы», тем более вероятно агрессивное поведение на международной арене. Выделяются две базовые стратегии переходных стран, в которых контроль над военной сферой получают гражданские лица, не имеющие специального военного образования. Те государства, которые

³⁰ См. например: *Krustev, Valentin*. Interdependence and the Duration of Militarized Conflict // *Journal of Peace Research*, Vol. 43, №3, 2006. P. 243–260.

³¹ *Min Kim, Hyuang; Rousseau David*. Op. cit. P. 540.

³² *Maoz, Zeev*. Network Polarization, Network Interdependence, and International Conflict, 1816–2002 // *Journal of Peace Research*, Vol. 43, №4, 2006. P. 391–411.

³³ К похожим выводам, фальсифицирующим тезисы Хантингтона, приходят также Онил, Рассет и Кокс, включившие культурные переменные в свой количественный анализ. См.: *Oneal, John; Russett, Bruce; Cox, Michaelene*. Clash of Civilizations, or Realism and Liberalism Déjà vu? // *Journal of Peace Research*, Vol. 37, №5, 2000. P. 583–608. Однако следует оговориться, что эти результаты получены на исторических данных, т.е. свидетельствуют о прошлых и настоящих закономерностях. Тогда как Хантингтон рассуждает о столкновении цивилизаций как о будущем международных отношений.

³⁴ *Pevehouse, John*. With a Little Help From My Friends? Regional Organizations and the Consolidation of Democracy // *American Journal of Political Science*, Vol. 46, №3, July 2002. P. 611–626.

осуществляют демократический транзит без присоединения к западным военным альянсам, существенно сокращают свои военные расходы. Гражданские лидеры этих стран имеют мало стимулов к достижению военной эффективности, так как затраченные ресурсы приносят сомнительный для электората результат. Иными словами, они заинтересованы в сокращении военных бюджетов, а военные должны выполнять свои функции при минимальных расходах. Кроме того, если новые демократии являются реципиентами внешней помощи, то одним из условий ее получения, как правило, является снижение военных расходов. Другая стратегия осуществляется теми странами, которые присоединяются к военным альянсам. От них, наоборот, требуются усилия по адекватному вкладу в безопасность блока. Их лидеры вынуждены тратить дополнительные ресурсы на военное развитие, хотя приоритеты военного строительства опять же определяются ими с меньшей долей самостоятельности.³⁵ В таком понимании демократизация увязывается с вопросами безопасности, о чем свидетельствует опыт расширения НАТО и ЕС.³⁶

Либеральному крылу международников, несомненно, многое удалось в объяснении стратегического выбора государств, используя объяснительные схемы, традиционно остававшиеся вне поля зрения реалистов. Они также смогли отразить в своих исследованиях новые тенденции – третью «волну» демократизации, расширение экономических взаимосвязей и рост влияния международных институтов.³⁷ Однако за пределами либеральной и неолиберальной рефлексии оставался тот факт, что мирное сосуществование демократий, торговых партнеров или соучредителей международных институтов объясняется нечто большим, нежели простым сходством режимов, экономической выгодой или угрозой санкций. Эти государства разделяют сходные ценности, образуя международные сообщества, или «мы-группы», объединяющиеся не только на основе материальных, но и идейных оснований. Их восприятие угрозы и выбор в ситуациях дилеммы безопасности напрямую зависит от того, в какой степени другое государство признается в качестве «своего» или «чужого». Иными словами, речь идет о влиянии идентичности на стратегический выбор, ставшей предметом рефлексии конструктивистов.

Конструктивизм: от теоретической аргументации к эмпирическим исследованиям

Рассуждая о верификации конструктивистских аргументов, следует сделать важную оговорку. В начале статьи мы предположили, что дилемма безопасности является «сквозной» зависимой переменной для базовых теорий МО. Между тем представители конструктивизма нередко отмечают, что зависимой переменной для них является идентичность государства.³⁸ Это не должно вводить в заблуждение относительно роли и места дилеммы безопасности в конструктивистской проблематике.

Обратимся к базовой работе Александра Вендта 1992 г. Его интересует, почему государства склонны к проявлению силовой политики по принципу «худшего сценария». Реализм объясняет это неопределенностью и анархией, являющейся объективной и едва ли не априорной структурной предпосылкой международной политики. Именно это пытается оспорить Вендт. По его мнению, выбор в пользу силовой политики – это результат субъективного восприятия государством внешних угроз, а также идентификации себя и своих контрагентов в качестве друзей или врагов. Эти явления концептуализируются через понятие идентичности – системы знаний, ценностей и опыта, сквозь призму которых государство реагирует на внешние вызовы.³⁹ «Гоббсовский страх», таким образом, является продуктом «сознания» самих государств, а не объективно заданным условием. Каждое государство может по-разному воспринимать анархию и неопределенность. Силовая политика – не запрограммированная реакция, а лишь один из возможных вариантов поведе-

³⁵ Bruneau, Thomas; Trinkunas, Harold. Democratization as a Global Phenomenon and its Impact on Civil-Military Relations // Democratization, Vol. 13, №5, December 2006. P. 776–790.

³⁶ См. об этом: Olsen, Gorm Rue. Promotion of Democracy as a Foreign Policy Instrument of «Europe»: Limits to International Idealism // Democratization, Vol. 7, №2, Summer 2000. P. 142–167.

³⁷ Рефлексия этих тенденций представителями либеральных и неолиберальных школ во многом подтолкнула процесс становления мировой политики как самостоятельной дисциплины. См.: Лебедева М.М. От мировой политики к единой политической науке // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития / Под ред. А.И. Соловьева. М.: РОСПЭН, 2006. С. 48.

³⁸ См., например: Wendt, Alexander. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization, Vol. 46, №2, Spring 1992. P. 424.

³⁹ Wendt. Op. cit. P. 391–396.

ния. Иными словами, для конструктивизма дилемма безопасности остается краеугольной проблематикой, а идентичность выступает альтернативным объяснительным механизмом. Вендт подчеркивает: «Я не буду пытаться оспорить неореалистический взгляд на природу международной политики в терминах соперничества. Я лишь попытаюсь дать ей иное объяснение».⁴⁰

Однако делая допущение о влиянии идентичности на исход дилеммы безопасности, конструктивисты усложняют свою объяснительную схему. Она включает в себя дополнительные факторы, объясняющие уже не стратегический выбор, а идентичность как таковую. Именно поэтому конструктивистам свойствен подход к идентичности еще и как к зависимой переменной.

Формирование идентичности объясняется интерсубъективностью государств: идентичность представляет собой продукт взаимодействия на международной арене.⁴¹ Другие страны могут быть как образцами для подражания, так и «изгоями», с которыми ассоциируется образ врага. Здесь конструктивисты опираются на либеральную традицию. Для либералов подобное соотнесение опосредуется международными институтами и взаимозависимостью, а для конструктивистов – когнитивными структурами и исторически сложившимися системами знаний.⁴² Точкой пересечения с либерализмом является также допущение о том, что интересы государства поддаются трансформации: у либералов – посредством изменения политического режима и включения в международные институты, у конструктивистов – посредством изменения когнитивных структур и «социализации». Реалистская схема выглядит более простой: неопределенность и анархия объективны и не нуждаются в дополнительном объяснении; интересы же состоят в поддержании мощи ради самосохранения и являются неизменной величиной.

Помимо взаимодействия с другими государствами, интерсубъективность предполагает также влияние системы идей, норм и ценностей, принятых международным сообществом. Примером здесь может выступать идея суверенитета. Каждое государство является членом сообщества суверенных государств и признается ими в качестве такового. Признание в качестве суверена существенно влияет на политику в отношении государства. Нарушение признанного суверенитета с гораздо большей вероятностью натолкнется на противодействие международного сообщества в сравнении с интервенцией против государства, не имеющего такового.⁴³ Международное сообщество, таким образом, обладает значительным потенциалом влияния на страновые идентичности. В этом конструктивисты видят залог благоприятного решения дилеммы безопасности. Международное сообщество может «форматировать» потенциальных агрессоров, снижая вероятность конфликтов. Однако плотность международного сообщества достаточно низка в силу небольшого количества участников, что ограничивает его влияние.⁴⁴ Внутренние факторы формирования идентичности могут оказаться сильнее импульсов извне.⁴⁵

Теперь рассмотрим эти положения сквозь призму эмпирических работ. Прежде всего, следует отметить, что эмпирический и прикладной интерес к подобной проблематике был спровоцирован распадом СССР и появлением значительного числа стран, вышедших из сферы советского влияния. Стратегия их последующего вовлечения в сферу влияния евроатлантического сообщества требовала серьезного теоретического фундамента. Эту прикладную роль отчасти и стал играть конструктивизм. Обращает на себя внимание недавнее иссле-

⁴⁰ *Wendt*. Op. cit. P. 396.

⁴¹ *Wendt*. Op. cit. P. 406.

⁴² Здесь конструктивизм опирается на богатую социологическую традицию – теорию «зеркального Я», социального интеракционизма и др. См., например: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia центр, 1995. См. также: *Кули Ч.Х.* Социальная самость // Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1996.

⁴³ *Wendt*. Op. cit. P. 412–415. См. также: *Ильин М.В.* Суверенитет: развитие понятийной категории. // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под ред. М.В. Ильина и И.В. Кудряшовой. М.: Издательство МГИМО(У) МИД РФ, 2008. С. 20.

Хотя подходы международного сообщества не застрахованы от двойных стандартов, что иллюстрируется в статье Ричарда Херманна и Вуна Шеннона о различии в восприятии международным сообществом и Соединенными Штатами, скажем, вторжения Ирака в Кувейт и Израиля в Южный Ливан. См.: *Herrmann, Richard; Shannon, Vaughn.* Defending International Norms: The Role of Obligation, Material Interest, and Perception in Decision Making // *International Organization*, Vol. 55, №3, Summer 2001. P. 621–652.

⁴⁴ *Wendt, Alexander.* Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 20–21.

⁴⁵ Этот пробел заполняется, в частности, теориями национализма, которые выявляют влияние некоторых внутренних факторов на формирование идентичностей современных государств. См.: *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М.: Книжный дом Университет, 2005; *Тимофеев И.Н.* Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М.: Издательство МГИМО(У) МИД РФ, 2008. С. 40–57.

дование Кэрол Аткинсон. В центре ее работы – вопрос о влиянии военного сотрудничества с США на изменение идентичности государств-партнеров. Гипотеза состоит в том, что иностранным офицерам и членам их семей, обучающихся по американским военным программам, прививаются соответствующие демократические ценности. Они получают не только технические навыки, что является непосредственной целью их отправки в США, но также включаются в специфическую мировоззренческую среду. Таким образом, их индивидуальная идентичность за время обучения претерпевает изменения в пользу лояльности американской (и шире – западной) системы ценностей. Возвращаясь домой, они занимают ключевые посты в национальной военной иерархии, в том числе благодаря своим техническим навыкам. Далее они способствуют институциональной трансформации своих режимов, а также изменению национальной внешнеполитической идентичности в сторону большей лояльности западным институтам коллективной безопасности. Важную роль в этом процессе играют связи и контакты с американскими коллегами. Идентичность, таким образом, носит не абстрактный характер, а распространяется и изменяется конкретными людьми, имеющими собственные системы ценностей и убеждений: индивидуальный уровень сопрягается с государственным.

Аткинсон проверяет свою гипотезу количественным путем. Идентичность выступает зависимой переменной. Она операционализируется в категориях оппозиции «демократия-автократия» и измеряется баллами, принятыми в проекте «Polity-IV». Военное сотрудничество выступает независимой переменной – кодифицируются различные уровни вовлечения того или иного государства в военное сотрудничество: стажировки и обучение, военный союз, размещение американских баз на территории страны, продажа вооружений и др. Автора интересуют случаи, когда военное сотрудничество приводило к смене идентичности – от «авторитарной» к «демократической» и наоборот. В целом, выдвинутая гипотеза была подтверждена на данных с 1972 по 2000 гг.: чем более тесным было сотрудничество в военной сфере, тем с большей вероятностью страны меняли свои идентичности. Иными словами, военное сотрудничество выступает не только ресурсом «жесткого влияния», но также и «мягкого влияния», повышая лояльность путем убеждения, а не принуждения. Несмотря на то, что эмпирическая процедура вызывает вопросы (изменения идентичности в авторской трактовке эквивалентны режимным изменениям, что очень спорно), сама постановка вопроса и прикладное использование конструктивистской модели вызывают значительный интерес.⁴⁶

Серия оригинальных эмпирических исследований по конструктивистской проблематике была проведена Дэвидом Руссо, который разработал так называемую модель конструирования угрозы. Идентичность выступает основным объяснительным фактором выбора государством реалистской или либеральной перспективы своей внешней политики. Чем в большей степени совпадают идентичности, тем с большей вероятностью взаимодействующие страны будут воспринимать друг друга в качестве друзей, а не врагов. Однако открытыми остаются несколько вопросов. Как определяются «свои» и «чужие»? Какова логика распространения идентичности среди граждан, а также среди государств, являющихся членами международного сообщества? Почему стабильные идентичности приживаются в одних государствах (обществах) и не приживаются в других?⁴⁷

Руссо проводит комплексное эмпирическое исследование, сочетая несколько методов. Во-первых, это экспериментальное исследование, фиксирующее процесс формирования идентичности на уровне индивидов. Во-вторых, применяется симуляционная модель, формализующая процесс динамики идентичности на уровне государства и международного сообщества. Некоторые из выявленных закономерностей иллюстрируются на примере американо-китайских отношений. Этот кейс-стади разукрупняется на комплекс методик, включая экспертные опросы представителей элиты, анализ потенциалов сторон и др. Примечательным является то, что Руссо удается объединить в одном исследовании индивидуальный, национальный и наднациональный уровни идентичности.

Экспериментальные исследования показали, что чем в большей степени респонденты воспринимают другое государство как не похожее на свою страну, тем в большей степени они склонны рассматривать его в качестве врага. Однако это восприятие легко поддается манипуляциям даже при помощи малых воздействий, таких, как газетные статьи, преподносящие другую страну в том или ином свете. Если в статьях, предлагаемых американским респондентам, Китай описывался как страна, быстро идущая к демократии и рынку и все больше раз-

⁴⁶ Atkinson, Karol. Constructivist Implications of Material Power: Military Engagement and the Socialization of States, 1972–2000 // *International Studies Quarterly*, Vol. 50, 2006. P. 509–537.

⁴⁷ Rousseau, David. Identifying Threats and Threatening Identities. *The Social Construction of Realism and Liberalism*. Stanford: Stanford University Press, 2006. P. 209–212.

деляющая западные ценности, они проявляли большую склонность к сотрудничеству с ним. Сходные результаты были получены в другом национальном контексте – при проведении экспериментов в Испании.⁴⁸

Симуляционные модели выявили факторы, которые способствуют или препятствуют распространению и сохранению идентичности среди членов сообщества. Оказалось, что сложные и многомерные идентичности⁴⁹ труднее поддаются распространению, хотя они обладают большей стабильностью во времени. Простые идентичности легче внедряются, но менее стабильны во времени. Большой устойчивостью обладают идентичности промежуточного типа. Иными словами, стабильная и «популярная» идентичность требует некоего оптимального набора составляющих, не слишком усложняющих, но и не слишком упрощающих оценку. Далее, наличие нескольких сильных лидеров способствует поляризации идентичности внутри сообщества и тенденции к радикальному восприятию «своего» и «чужого» сообщества. Еще один фактор – существование норм, поощряющих или препятствующих выбору той или иной трактовки. Например, в период холодной войны гражданин США мог сделать выбор в пользу коммунизма, но это не поощрялось сообществом. Модель Руссо показывает, что увеличение стимулов к поощрению определенной трактовки способствует стабильности и однородности идентичности. Отсутствие же таких норм приводит к поляризации оценок. Эти три фактора могут иметь кумулятивный эффект. Сложные и многомерные идентичности при условии наличия сильных лидеров внутри сообщества, а также отсутствия норм, поощряющих или препятствующих тому или иному выбору, способствуют поляризации оценок (и наоборот). Кроме того, модель учитывает консенсус СМИ в отношении оценок и наличие связей между различными кластерами внутри сообщества (регионами государства, членами альянса и т.п.). Соответственно, однородность оценок СМИ, а также высокий уровень взаимосвязи между кластерами внутри сообщества способствуют укреплению общей идентичности (и наоборот).⁵⁰

Примечательным является то, что стабильная идентичность, по сути, должна обеспечиваться довольно жесткими методами – целенаправленной подборкой и контролем критериев соотношения «своих» и «чужих», ограничением числа влиятельных лидеров, принуждением к выбору конкретной оценки, а также направленной медийной работой. (Сам Руссо непосредственно не делает подобных выводов.)

Интерес вызывают также точки соприкосновения конструктивизма с критической теорией. Речь идет о том, что наличие общей идентичности способствует развитая публичная сфера: чем активнее коммуникация между странами, тем больше вероятность того, что их поведение на международной арене не будет носить характер конфронтации. Этот тезис отчасти был предметом исследований Руссо. Он подвергся специальному анализу в работе Дженнифер Митсен.⁵¹ Следует также отметить пример исследования, в котором тестируется конструктивистская гипотеза о влиянии опыта взаимодействия государств на выбор в ситуации дилеммы безопасности. Автором одной из недавних статей на эту тему выстраивается так называемая репутационная модель, которая тестируется количественным путем. Чем хуже «репутация» одной из сторон, тем выше вероятность конфликта. Под «репутацией» понимается число конфликтов между двумя державами в прошлом, совпадение позиций держав и разница их потенциалов. Эти переменные кодифицированы за период с 1817 по 2000 гг. Гипотеза успешно верифицируется.⁵²

Конечно, полученные результаты являются как минимум дискуссионными и требуют дополнительной эмпирической проверки. Критическая масса эмпирических исследований конструктивистов пока не сопоставима с исследованиями реалистской и либеральной проблематики. Вместе с тем значительный интерес вызывает прикладной аспект их использования. Учитывая то, что идентичность в современных условиях в той или иной степени является предметом конструирования, подобные модели могут открыть новые возможности для управления «сферой идей» и применения «мягкой силы» в международной политике.

⁴⁸ *Rousseau*. Op. cit. P. 115–117.

⁴⁹ Среди измерений идентичности, которые фиксировались в исследовании, – тип политического режима, экономика, торговые связи, язык, религия, военный потенциал и др.

⁵⁰ *Rousseau*. Op. cit. P. 120–142. См. Также: *Rousseau, David; Veen van der, Maurits*. The Emergence of Shared Identity: An Agent-Based Computer Simulation of Idea Diffusion // *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 49, №5, October 2005. P. 696–711.

⁵¹ *Mitzen, Jennifer*. Reading Habermas in Anarchy: Multilateral Diplomacy and Global Public Spheres // *American Political Science Review*, Vol. 99, №3, August 2005. P. 401–416.

⁵² *Crescenzi, Mark*. Reputation and Interstate Conflict // *American Journal of Political Science*, Vol. 51, №2, April 2007. P. 382–396.

Бабаджанов А.Я.¹

Анализ военных доктрин государств – участников ОДКБ

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) была создана в мае 2002 года на базе Договора о коллективной безопасности, который был подписан в Ташкенте 15 мая 1992 года. Государствами – членами ОДКБ на сегодняшний день являются семь государств, а именно: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан.

Среди экспертов данная организация и все, что с ней связано вызывает много дискуссий, что и понятно, учитывая уникальность данной организации для постсоветского пространства. Однако представляется необходимым изучить данную организацию с точки зрения военных доктрин государств – участников ОДКБ, так как «содержание военной доктрины того или иного государства всегда представляло интерес для его соседей»². Это особенно актуально для постсоветских государств из-за того, что все страны так или иначе взаимосвязаны географически, экономически, социально-исторически и политически, не говоря уже о том, что

¹ Бабаджанов Алишер Якубович – аспирант кафедры истории международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

² А.Ф. Клименко. «Военные доктрины и концепции стран АТР / Россия и АТР: безопасность, сотрудничество, развитие. Москва. Изд. Институт Дальнего Востока РАН. 2002.

некоторые из них состоят в одной и той же международной коллективной системе безопасности. Также военные доктрины представляют интерес в связи с тем, что они «аккумулируют в себе взгляды на обеспечение военной безопасности государства»³. Кроме того, участие государств в блоках предполагает унификацию военных доктрин и военного законодательства. Самым ярким примером могут служить военные доктрины государств – членов НАТО, которые прошли путь унификации и пришли к стандартизации военных доктрин.

Армения. 25 декабря 2007 года президент Армении подписал указ об утверждении военной доктрины Республики Армения. Она состоит из введения и четырех разделов, а именно: военно-политические основы, оборонная стратегия Республики Армения, системы военной безопасности и реформы системы военной безопасности.

Министр обороны Армении Микаэл Арутюнян на парламентских слушаниях 14 декабря 2007 года по проекту военной доктрины заявил, что военная доктрина Армении носит скорее оборонительный характер, нежели наступательный.⁴ Однако ее анализ невозможен без учета влияния отношений между Арменией и Азербайджаном. Такая тональность доктрины логична, учитывая, тот факт, что Армения оккупировала 20% территории другого государства. Статус-кво выгоден для Армении, и она не будет предпринимать какие-либо наступательные меры, а азербайджанская доктрина, в свою очередь, будет более агрессивна, так как Баку намеревается вернуть оккупированные территории, путем «восстановления территориальной целостности»⁵, что четко прописано в Концепции национальной безопасности. Таким образом, оборонительный характер военной доктрины Армении носит больше популистский характер. Также в военной доктрине Армении Азербайджан не упоминается как вражеская страна, как это прописано в азербайджанской доктрине. Однако в доктрине указано, что «Республика Армения является гарантом и обеспечивает безопасность народа Нагорно-Карабахской Республики и избранного им пути развития»⁶, и приводятся причины для такого рода заявлений, где указывается, что Азербайджан проводил политику геноцида по отношению к армянскому народу, политику применения военной силы и угрозы физического уничтожения. В разделе «внешние угрозы» отмечается, что наличие нагорно-карабахского конфликта и стремление Азербайджана к достижению военного превосходства над Арменией есть угроза военной безопасности Армении. Также сюда отнесено «создание, упрочение и расширение союзов, направленных против Республики Армения, в частности, стратегический союз Турецкой Республики и Азербайджанской Республики...»⁷. Таким образом, по сути Азербайджан также провозглашается вражеской страной. Учитывая наличия такого рода текста военных доктрин Армении и Азербайджана, нет иллюзий о скором разрешении конфликта. Сам Нагорный Карабах в доктрине прописан как «Нагорно-карабахская Республика»⁸.

Противостоять угрозам призваны боеспособные вооруженные силы. С этой целью намечено проведения различного рода реформ вооруженных сил. Выше, в разделе про военную доктрину Азербайджана, отмечалось, что Азербайджан также укрепляет свои вооруженные силы. По сути мы получаем гонку вооружений между двумя закавказскими государствами в непосредственной близости российских границ.

Относительно России в тексте отмечается, что «приоритетным направлением международного военного и военно-технического сотрудничества является стратегическое сотрудничество с Российской Федерацией. Республика Армения создает с Российской Федерацией постоянно действующие совместные силы, такие, как Объединенная группировка войск (сил)...»⁹. Однако помимо военно-политического сотрудничества с Россией и ОДКБ в доктрине также указывается на развитие сотрудничества с НАТО и США. К примеру, в августе 2008 года прошли учения «Немедленное реагирование (ответ) – 2008», которые «предполагали отработку вопросов участия сил НАТО и их союзников по СНГ в специальных операциях по принуждению к миру в зонах вооруженных конфликтов»¹⁰. «Участие Армении в делах НАТО является системным и очень противоречивым. Одновременно с участием в учениях НАТО Ереван начал

³ И.А. Полянский, Е.В. Трофимов. Военная доктрина России и ее роль в обеспечении безопасности и строительстве вооруженных сил. Московский журнал международного права. 4.2000.40. Москва. Изд. МЖМП. 2000 г.

⁴ www.noev-kovcheg.ru

⁵ www.mfa.gov.az

⁶ www.mil.am

⁷ www.mil.am

⁸ www.mil.am

⁹ www.mil.am

¹⁰ www.vpk-news.ru

активную подготовку к маневрам, которые пройдут в Армении в середине августа с участием вооруженных сил стран ОДКБ»¹¹. Складывается ощущение, что Ереван пытается усидеть на двух стульях.

Белоруссия. Военная доктрина Республики Беларусь была принята 3 января 2002 года. Это уже вторая по счету военная доктрина Белоруссии. Первая доктрина имела гриф «секретно» и была принята 16 декабря 1992 года. Этот факт очень показателен, если учесть, что некоторые постсоветские государства еще даже не приняли первую военную доктрину. Необходимость принятия новой доктрины была продиктована рядом причин; как отметил министр обороны Л. Мальцев, «за девять лет произошли глобальные изменения, связанные с выводом с нашей территории ядерного оружия, формированием президентской формы правления, расширением НАТО на Восток, присоединением страны к Договору о коллективной безопасности, процессами, связанными с построением Союзного государства Беларуси и России и другими факторами, которые и повлекли за собой необходимость принятия новой Военной доктрины»¹².

Она состоит из трех глав, которые освещают военно-политические основы военной безопасности, военно-стратегические основы военной безопасности и основы экономического обеспечения военной безопасности. В доктрине провозглашается, что она носит сугубо оборонительный характер и «исходит из того, что ни одно из государств в настоящее время не является для нее потенциальным противником»¹³. Необходимо отметить, что в доктрине подчеркивается, что Беларусь «не выдвигает никаких территориальных претензий к другим государствам и не признает таких претензий со стороны других государств»¹⁴. Это одна из редких доктрин на постсоветском пространстве, в которой прямо или косвенно не ставится вопрос о территориальных претензиях.

В доктрине отдельно выделяется только Россия, причем указано, что Беларусь «уделяет приоритетное значение формированию единого оборонного пространства с Российской Федерацией»¹⁵. Необходимо отметить, что сотрудничество по линии ОДКБ действительно идет активно, и оно продолжает развиваться. Беларусь принимает участие во всех совместных учениях, встречах и иных механизмах в рамках ОДКБ.

Оборонный бюджет Беларуси в 2008 году составил 681 млн. долларов США¹⁶, а в отличие от других стран постсоветского пространства, у Беларуси имеется потенциал для развития ОПК. Военная техника, разрабатываемая в Беларуси, получила высокую оценку специалистов. К такой технике можно отнести новую РЛС обнаружения воздушных целей «Восток», разработанную КБ «Радар» (Беларусь) или легкий танк 2Т «Сталкер», который разработан «Минотор-Сервисом» (Беларусь).

Казахстан. Новая военная доктрина Казахстана была принята 21 марта 2007 года. Это уже третья по счету доктрина. Первая военная доктрина Казахстана была принята в 1993 году, а вторая – 10 февраля 2000 года. Ни одна из шести стран – участников Организации Договора о коллективной безопасности не может похвастаться таким их количеством.

В 2006 году президент Н. Назарбаев в своем послании народу указал на необходимость вхождения Казахстана в 50 наиболее конкурентно способных стран мира. В связи с чем, по мнению специалистов, появилась необходимость в принятии новой доктрины. В самой доктрине необходимость ее принятия обуславливается «социально-экономической и политической модернизацией казахстанского общества, а также изменением в военно-политической обстановке»¹⁷.

Доктрина состоит из четырех частей – военно-политические основы безопасности, военно-стратегические основы безопасности, военно-экономические и военно-технические основы обеспечения безопасности, а также цели, принципы, задачи и направления военно-экономического и военно-технического обеспечения. В процессе подготовки текста принимали участие эксперты из России, Европы и США. Таким образом, по мнению аналитиков, текст получился достаточно противоречивым. Так, например, в качестве угроз указывается «расширение военно-политических организаций»¹⁸. Учитывая членство Казахстана в ОДКБ,

¹¹ www.vpk-news.ru

¹² www.rol.ru

¹³ www.mod.mil.by

¹⁴ www.mod.mil.by

¹⁵ www.mod.mil.by

¹⁶ Военно-промышленный курьер. №1 (217), 9 января 2008г.

¹⁷ www.unesco.kz

¹⁸ www.unesco.kz

очевидно, что здесь подразумевается НАТО. Однако ниже НАТО упоминается в качестве международного военного партнера наряду с ОДКБ и другими организациями такого рода. Более того, в разделе «Обеспечение военной безопасности» говорится о «оснащении Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований современными образцами вооружения, военной и специальной техники, в том числе по стандартам НАТО»¹⁹.

Документ носит сугубо оборонительный характер. Более того, если раньше об этом говорилось в конце доктрины, то сейчас это прописано во введении.

В отличие от предыдущей доктрины, в новой в качестве угрозы указывается «демографическая напряженность» и «дефицит природных ресурсов и прежде всего воды»²⁰. Тот факт, что проблема воды вынесена в качестве угроз в первую часть военной доктрины, говорит о возрастании значимости данного вопроса. Это тяжелый вопрос для Центральной Азии, и Казахстан в этом вопросе зависит от Таджикистана и Киргизии.

Однако появление новых угроз показывает динамику развития страны и военной доктрины. В новой доктрине отсутствуют такие угрозы, как недостаточная развитость военно-промышленного потенциала и зависимость в военно-технической области. Очевидно, что Казахстан преодолел эти трудности и сегодня для него на повестке дня стоят проблемы совсем другого уровня. Тем не менее, по мнению многих военных экспертов, в казахской армии по-прежнему много «болевых точек: низкий социальный статус военнослужащих, недостаточный социальный пакет, жилье, неуставные отношения, воровство и коррупция»²¹. Таким образом получается, что, не решив старые проблемы, новая доктрина выдвигает проблемы и угрозы более высокого уровня.

В разделе «Международное военное сотрудничество Республики Казахстан», в отличие от предыдущей доктрины, четко расставлены приоритеты, а именно: на первом месте сотрудничество с государствами-членами ОДКБ, «углубление стратегического партнерства с Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой», «укрепление сотрудничества с Соединенными Штатами Америки», «расширение сотрудничества... с государствами Центральной Азии и другими странами»,²² и в конце упоминается НАТО, а также ООН.

В целом же доктрина насыщена внешнеполитическими декларациями, что, в свою очередь, никаким образом не способствует повседневной работе военных.

Кыргызстан. Военная доктрина Кыргызской Республики была принята 23 марта 2002 года. Она состоит из четырех разделов – военно-политические основы, военные основы, основы военно-экономического обеспечения военной безопасности и подготовка Кыргызской Республики к обороне.

«Военная доктрина носит оборонительный характер»,²³ что указано во введении в документ. В документе упоминается сотрудничество «в Содружестве Независимых государств – с государствами СНГ и государствами – участниками Договора о коллективной безопасности на региональном уровне – в рамках Договора о коллективной безопасности, «Шанхайской организации сотрудничества»²⁴. В разделе о «Международном военном и военно-техническом сотрудничестве» первым упоминается сотрудничество в рамках ДКБ, затем расширение сотрудничества в рамках «Партнерства во имя мира», «укрепление двухстороннего сотрудничества с Российской Федерацией, США, КНР, Турецкой Республикой, ФРГ»²⁵, а также укрепление доверия в рамках ШОС и участие в воинских операциях под эгидой ООН.

Очевидно, что внешние угрозы были прописаны под влиянием событий вторжения на территорию Кыргызстана незаконных бандформирований, а также наличие очагов напряженности в Таджикистане и Ферганской долине. В частности, это «военно-политическая нестабильность» и «очаги вооруженных конфликтов в Центрально-Азиатском регионе», а также «сохранение вероятности проникновения на территорию республики незаконных вооруженных формирований»²⁶.

Также из перечисленных внутренних угроз следует, что вооруженные силы Кыргызстана не отвечают оборонным потребностям страны. «Низкая боевая готовность ВС, их слабая техническая оснащенность, недостаточный мобилизационный потенциал не позволяют сегодня

¹⁹ www.unesco.kz

²⁰ www.unesco.kz

²¹ www.analitika.org

²² www.unesco.kz

²³ www.mil.kg

²⁴ www.mil.kg

²⁵ www.mil.kg

²⁶ www.mil.kg

гарантировать военную безопасность страны»²⁷. Бюджет страны рассчитан лишь на поддержание вооруженных сил. Кыргызстан – своего рода лидер в СНГ среди стран, которые тратят меньше всего на свою оборону. В 2008 году его траты составят 43,9 млн. долларов США, что есть 1,3% от ВВП²⁸. По оценкам экспертов, около 50% вооружения устарело и пришло в негодность²⁹. Тем временем для обеспечения безопасности требуются кардинальные реформы, для которых попросту нет денег. В связи с этим Кыргызстан пытается максимально интегрироваться в различного рода региональные системы безопасности для того, чтобы через них обеспечить себе безопасность.

Относительно конфликтов необходимо подчеркнуть, что доктрина делит их на «справедливые (не противоречащие Уставу ООН...) и несправедливые (противоречащие Уставу ООН...)»³⁰. Этот момент очень важен с учетом череды событий на международной арене, когда основополагающие принципы ООН были проигнорированы.

В доктрине несколько раз особо подчеркивается создание и развитие горных, компактных и мобильных вооруженных сил. Этот факт объясняется наличием горной местности и угрозы проникновения незаконных вооруженных формирований с той части страны, где преобладает горный массив.

Строительство вооруженных сил, согласно военной доктрине, будет осуществляться в три этапа и должно закончиться к 2010 году. В связи с этим полное название военной доктрины звучит как «О Военной доктрине Кыргызской Республики на переходный период до 2010 года».

Россия. Военная доктрина Российской Федерации была утверждена указом президента В.В. Путина 21 апреля 2000 года. Она состоит из трех разделов – «Военно-политические основы», «Военно-стратегические основы» и «Военно-экономические основы»³¹.

Большое влияние на разработку военной доктрины оказали односторонние действия США, американская модель однополюсного мира, действия НАТО в обход Устава ООН. Необходимо также учесть, что разработка доктрины проходила на фоне событий в Югославии и на Северном Кавказе.

Доктрина, также как и многие другие доктрины на постсоветском пространстве, носит оборонительный характер. Многие военные эксперты полагают, что с возрастанием роли и мощи России необходимо изменить доктрину на оборонительно-наступательный вариант. Однако необходимо осознавать, что такая доктрина повлечет усиление напряженности на международной арене, а также в отношениях с другими государствами.

По мнению экспертов, доктрина 2000 года не в полной мере отвечает угрозам сегодняшнего дня. В частности, в тексте сказано, что «военно-политическая обстановка» характеризуется снижением «опасности развязывания крупномасштабной войны, в том числе ядерной»³². В подразделе «Основные угрозы военной безопасности» также сказано, что «в современных условиях угроза прямой военной агрессии в традиционных формах против Российской Федерации и ее союзников снижена благодаря позитивным изменениям международной обстановки»³³. Однако череда событий на международной арене указывает на наличия угрозы крупномасштабной войны. К такого рода событиям можно отнести процесс по размещению баз ПРО в непосредственной близости от российских границ, расширение североатлантического альянса, конфликт в Южной Осетии и т.д.

В качестве внешней угрозы упоминается «расширение военных блоков и союзов»³⁴. Очевидно, что под такими блоками подразумевается прежде всего НАТО. Также к угрозам отнесены «территориальные претензии». Данный факт указывает, на то, что Россия признает наличие территориальных проблем.

В доктрине из всех стран особо упоминается лишь Беларусь, а относительно международных структур – СНГ и ДКБ. В частности, в подразделе «Обеспечение военной безопасности» подчеркивается, что Россия «проводит совместную с Республикой Белоруссия оборонную политику...»³⁵, а также «придает приоритетное значение укреплению системы коллективной безопасности в рамках Содружества Независимых Государств на основе развития и укреплении»

²⁷ www.tazar.kg

²⁸ Военно-промышленный курьер. №1 (217), 9 января 2008г.

²⁹ www.tazar.kg

³⁰ www.mil.kg

³¹ www.iss.niit.ru

³² www.iss.niit.ru

³³ www.iss.niit.ru

³⁴ www.iss.niit.ru

³⁵ www.iss.niit.ru

ния Договора о коллективной безопасности»³⁶. Упоминание Организации Договора о коллективной безопасности в качестве просто Договора лишний раз доказывает, что доктрина устарела, так как ОДКБ уже решает вопросы совсем другого уровня и тем самым представляет собой отличную структуру безопасности.

Россия – единственная страна из всех членов ОДКБ, имеющая ядерное оружие, и данный факт нашел свое отражение в военной доктрине. В ней подчеркивается, что ядерное оружие рассматривается «как фактор сдерживания агрессии».

Относительно применения вооруженных сил необходимо отметить реалистичность оценки, однако она была таковой на 2000 год. За последние 8 лет произошли качественные изменения подготовки и боеспособности вооруженных сил России. С этой точки зрения военная доктрина, к сожалению, устарела.

Таджикистан. Военная доктрина Республики Таджикистан была принята в октябре 2005 года и так же, как доктрина России, является документом переходного периода. Она так же, как и доктрина России, состоит из стандартных разделов о военно-политической, военно-стратегической и военно-экономической основе обеспечения военной безопасности. Доктрина носит оборонительный характер и подтверждает последовательную приверженность миру. По примеру белорусской доктрины в доктрине Таджикистана подчеркивается, что он не имеет территориальных претензий к соседним государствам.

К сожалению, в доктрине нашла свое отражение и сложная экономическая ситуация в республике. В частности отмечается, что «сложные экономические условия Таджикистана практически исключают необходимость и возможность заблаговременного создания мощных группировок вооруженных сил»³⁷. Также военной доктриной установлено, что модернизация осуществляется согласно экономическому потенциалу страны. Несмотря на это, оборонный бюджет страны растет очень быстро. В 2008 году расходы на оборонку составят всего 63 млн. долларов США, что является 1,7% от ВВП Таджикистана³⁸. Отметим, что в 2005 году эта цифра составляла 32,3 млн. долларов США³⁹. Большую часть помощи вооруженным силам Таджикистана оказывает Россия. Однако в последнее время активизировалась помощь со стороны США, Ирана, а также стран Европейского Союза. Серьезные проблемы с материальным и техническим обеспечением связаны с тем, что, «в отличие от многих других государств, получивших в наследство от Советской Армии целые дивизии с полным вооружением, после распада СССР Таджикистану пришлось начинать все с нуля»⁴⁰. Другой серьезной проблемой вооруженных сил Таджикистана является катастрофическая нехватка квалифицированных военных кадров.

Таким образом, Таджикистан в большей степени, чем другие государства – члены ОДКБ, полагается на коллективные механизмы безопасности. В военной доктрине это нашло свое отражение там, где говорится о сотрудничестве с ОДКБ, ШОС и СНГ.

Узбекистан. Новая военная доктрина Республики Узбекистан была принята Советом национальной безопасности в феврале 2000 года. В доктрине, помимо других угроз, особо подчеркивается угроза терроризма и религиозного экстремизма. С данными угрозами Республика Узбекистан сталкивается достаточно часто, и это естественно, что им уделяется особое место.

Документ предусматривает создание интегрированных, высоко мобильных, самодостаточных и гибких вооруженных сил для поддержания мира. Эти силы должны быть хорошо экипированы и тренированы. Также большое значение уделяется поднятию качества пограничных войск.

Доктрина выставляет Ташкент в дружеском свете по отношению к соседям. Это позитивный фактор, учитывая напряженные отношения Узбекистана с Республикой Таджикистан и Кыргызстаном.

Относительно военного сотрудничества в доктрине предлагается укреплять отношения с Соединенными Штатами Америки, Европейским Союзом, Японией, Китаем, Содружеством Независимых Государств и НАТО. Необходимо отметить, что американские инструктора, а также их коллеги из НАТО, активно участвовали в подготовке военных Узбекистана. Однако с момента возвращения Узбекистана в Организацию Договора о коллективной безопасности данные контакты уменьшились, и Ташкент стал больше ориентироваться на российских военных.

В доктрине, так же, как и в предыдущей версии от 1995 года, говорится о необходимости продолжения реформ вооруженных сил Узбекистана и повышении боеспособности армии.

³⁶ www.iss.niit.ru

³⁷ www.tribun.tj

³⁸ Военно-промышленный курьер. №1 (217), 9 января 2008г.

³⁹ www.tribun.tj

⁴⁰ www.tribun.tj

В 2008 году Узбекистан намеревается потратить 1,08 млрд. долларов США, что составляет 4% от ВВП за 2008 год⁴¹.

Как видно из анализа доктрин государств – участников ОДКБ, их схожесть прослеживается лишь в структуре документов. У всех семи доктрин примерно одинаковые разделы и подразделы. Однако содержание и акценты различны. Сегодня многие регионы мира стремятся к унификации военных доктрин. «Военные доктрины многих европейских государств “взяли на вооружение” ряд схожих принципов обеспечения безопасности, что способствовало укреплению безопасности и стабильности в регионе и в мире в целом»⁴². Унификация также необходима для борьбы с трансграничными угрозами, такими, как международный терроризм, незаконный оборот наркотиков, торговля оружием, сепаратизм и экстремизм в различных проявлениях.

К сожалению, унификация невозможна на данный момент по объективным причинам. Одной из таких причин является различие в уровне подготовки и обеспеченности вооруженных сил. У государств различные приоритеты и проблемы в военной сфере. К примеру, для Казахстана стоит вопрос о приобретении самой современной военной техники, а для Таджикистана стоит проблема должного обеспечения продуктами питания вооруженных сил, так как солдаты порой попросту голодают. При таких условиях говорить об унификации военных доктрин, к сожалению, не приходится.

⁴¹ Военно-промышленный курьер. №1 (217), 9 января 2008г.

⁴² А.Ф. Клименко. Военные доктрины и концепции стран АТР. Россия и АТР: безопасность, сотрудничество, развитие. Москва. Изд. Института Дальнего Востока РАН. 2002.

А.С. Подшибякин¹

К 10-летию учреждения Международного уголовного суда.

Римский Статут и решение проблем его ратификации отдельными государствами

Идея универсального действия уголовного закона была сформулирована еще Гуго Гроцием². Ее сущность сводилась к праву и обязанности каждого государства карать преступника за совершенное преступление без соотнесения с местом совершения преступления и подданством преступника, так как всякое преступление посягает на общий правовой порядок, включающий все государства.

В разные годы эта идея интерпретировалась в *universalprinciple* Резолюции Мюнхенской сессии 1883 года Института Международного права, в таком принципе действия уголовного закона в пространстве, как принцип пролетарского интернационализма³, в работах отдельных ученых, уголовном законодательстве ряда государств, в том числе Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года.

¹ Подшибякин Александр Сергеевич – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО(У) МИД России.

² Гуго Гроций (1583–1645) – голландский юрист, один из главных основателей системы современного международного права. Автор знаменитого произведения «О праве войны и мира».

³ Шнейдер М.А. Советское уголовное право. Общая часть. М., 1955, с. 48.

Но идея создания международного суда, предназначенного рассматривать дела о военных преступлениях, впервые была высказана после первой мировой войны, на Версальской мирной конференции в 1919 г. Создание такого органа предусматривалось достигнутым на этой конференции соглашением в качестве способа предания суду кайзера Вильгельма за развязывание Германией войны. Была создана комиссия, которая составила список из 895 предполагаемых военных преступников, деяния которых могли быть рассмотрены этим судом. Комиссия предложила предать суду и руководителей Турции, которая находилась во время войны в союзе с Германией, «за преступления против законов человечности» в связи с геноцидом армян в 1915 году, происходившим на фоне военных действий.

Рекомендации не были выполнены, так как победители опасались политической нестабильности в Турции и не хотели большего унижения Германии. В 1923 году с подписанием Лозаннского договора война между Турцией и ее противниками формально завершилась. Виновники геноцида армян получили амнистию, а идея создания международного суда осталась идеей.

Предложение об учреждении постоянного международного суда по уголовным делам выдвигалась и после второй мировой войны. ООН впервые обратилась к этой проблеме в 1948 г.

В начале 50-х годов появился первый проект Статута Международного уголовного суда, но работа над ним не была завершена, так как реализация идеи юристов зависела от руководителей государств и части политиков, которые не хотели допустить даже теоретической возможности предстать перед таким международным судом.

В 1982 г. Комиссия международного права по просьбе Генеральной Ассамблеи ООН после фактически тридцатилетнего перерыва возобновила свою работу над проектом Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. 4 декабря 1989 г. на Генеральной ассамблее ООН Тринидад и Тобаго предложили создать Международный уголовный трибунал по борьбе с наркотиками. Генеральная Ассамблея в пункте 1 резолюции 44/39 предложила Комиссии международного права рассмотреть вопрос о создании Международного уголовного суда или другого международного судебного органа с приданием ему права судить лиц, совершивших преступления против мира и человечности, определенные в кодексе. В 1990 г. Комиссия международного права рассмотрела различные варианты создания подобного органа и включила этот анализ в доклад Генеральной Ассамблеи. В резолюциях 45/39 от 28 ноября 1990 г. и 46/54 от 9 декабря 1991 г. Генеральная Ассамблея вновь высказала рекомендацию о создании международного суда, но уже без упоминания об обороте наркотиков.

В 1991 г. Комиссия международного права приняла в первом чтении проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, передала его на рассмотрение правительств и в 1992 г. в рамках работы над проектом Кодекса обратилась к вопросу создания органа международной уголовной юстиции.

Была образована специальная рабочая группа, занявшаяся выработкой основных предложений для доклада, представленного Генеральной Ассамблее.

В нем обосновывалась необходимость учреждения Международного уголовного суда путем принятия Устава – многостороннего договора.

В 1993 г. Комиссия международного права создала рабочую группу, уточнив ее название – Рабочая группа по проекту Устава Международного уголовного суда, которая подготовила первый проект документа.

В резолюции 48/31 от 4 декабря 1993 г. Генеральная Ассамблея предложила Комиссии международного права завершить работу над созданием проекта Статута Международного уголовного суда в 1994 г. В соответствии с резолюцией тридцать государств представили комментарии по проекту, разработанному рабочей группой.

Важнейшей вехой в истории создания постоянного суда стало учреждение Советом Безопасности ООН двух трибуналов *ad hoc* – Международного трибунала от 25 мая 1993 года для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года и Международного уголовного трибунала от 8 ноября 1994 года для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие нарушения, совершенные на территории соседних государств в период с 1 января 1993 года по 31 декабря 1994 года.

Резолюцией Генеральной Ассамблеи 51/207 от 17 декабря 1996 г. было принято решение о созыве дипломатической Конференции полномочных представителей ООН, посвященной учреждению Международного уголовного суда, были определены приблизительные сроки ее созыва – 1998 г. В 1997 г. уточнены время и место созыва конференции. 15 июня и 17 июля

1998 г., г. Рим (резолюция Генеральной Ассамблеи 52/160 от 28 января 1998 г.). В результате шести сессий подготовительного комитета на конференцию был представлен проект Статута, включивший более трех тысяч предложений, не согласованных между собой, иногда диаметрально противоположных.

15–17 июля 1998 года в Риме проходила Дипломатическая конференция, в последний день работы которой представители 160 государств – членов ООН, 17 межправительственных организаций, 14 специализированных институтов и учреждений ООН и 124 неправительственных организаций собрались в Риме, чтобы рассмотреть вопрос об учреждении первого в мире постоянного Международного уголовного суда, предназначенного для рассмотрения деяний физических лиц, содержащих признаки преступлений глобального характера: геноцид, военные преступления, преступления против человечности, агрессия. Представители государств 120 голосами «за», при семи «против», и 21 «воздержавшемся», приняли Статут Международного уголовного суда. Для вступления в силу Римского статута была необходима его ратификация 60-ю странами. По состоянию на 11 апреля 2002 года Устав Международного уголовного суда ратифицировали 66 государств. В соответствии со ст. 126 Статут вступает в силу в первый день первого месяца после того, как 60 стран передадут в ООН документы, свидетельствующие о ратификации. Устав МУС вступил в силу 1 июля 2002 года.

3–10 сентября 2002 года в Нью-Йорке в штаб-квартире ООН прошла первая сессия Ассамблеи государств – участников МУС, на которой формировались его рабочие органы и решались другие процедурные вопросы.

В феврале 2003 года были избраны на 9-летний срок первые 18 судей МУС, которые выбрали одного из своих судей, канадца Ф. Кирша, Президентом МУС. На последующих сессиях в сентябре 2003 и в сентябре 2004 годов продолжилось формирование органов МУС. В апреле 2003 года аргентинец Луис Морено Окампо избран первым Прокурором МУС, вступившим в свою должность 16 июня 2003 года. С этой даты началась деятельность Международного уголовного суда.

В июне 2004 года Прокурор МУС Луис Морено Окампо объявил о начале первого в истории Международного суда расследования в отношении преступлений, совершенных на территории Демократической Республики Конго.

На 17 октября 2007 года число государств – участников Римского Статута достигло 105, из которых 29 африканских государств, 13 азиатских, 16 из Восточной Европы, 22 из Латинской Америки, 25 – Западная Европа и другие государства.

Такие крупные государства, как Россия, США, Китай, Индия и др., не ратифицировали Римский Статут, считая многие его положения противоречащими национальным интересам и государственному суверенитету.

Конституции этих и других государств содержат положения, которые, по мнению отдельных президентов и руководителей правительств, находятся в противоречии с Римским Статутом и не позволяют его ратифицировать.

К числу основных относятся:

– положения ст. 17 Статута, ограничивающие применение принципа «субсидиарности» (дополнительности) о том, что Суд может принять дело к рассмотрению, если имеет место нежелание или неспособность государства обеспечить расследование и уголовное преследование;

– указания ст. 27 Статута МУС о недопустимости ссылки на должностное положение привлекаемых к ответственности лиц;

– положения ст. 89 Статута МУС о передаче граждан государств Международному уголовному суду.

Современная практика рассмотрения компетентными органами национальных государств (Конституционные суды, Государственные советы) соответствия Статута Международного уголовного суда Конституциям этих государств позволяет сформулировать аргументы и положения, основываясь на которых, национальные государства могут признать конституционность рассматриваемых положений или внести определенные изменения в свои Конституции.

Так, по первому положению о полномочиях МУС принять дело к рассмотрению, если отдельные государства не желают или не способны обеспечить расследование и уголовное преследование лиц, совершивших международные преступления, Конституционный совет Франции (Франция ратифицировала Римский Статут 9 июня 2000 г., после внесения в Конституцию изменений) заключил, что ограничение принципа «субсидиарности» случаями намеренного уклонения отдельных государств от выполнения своих обязательств вытекает из

правила *pacta sunt servanda* (договор связывает стороны и должен добросовестно выполняться) и не посягает на национальный суверенитет.

Эту же проблему – дополняющий характер юрисдикции МУС – Государственный совет Испании (Испания ратифицировала Римский Статут 24 октября 2000 г., т.к., по мнению Государственного совета, Конституция Испании не препятствует ратификации Римского Статута, и Конгресс должен разрешить ратификацию Статута путем принятия органического закона, разрешающего ратификацию. Был принят 4 октября 2000 г.) истолковал следующим образом. Предоставленная в этой ситуации МУС возможность принимать дела к производству является передачей МУС юрисдикционных полномочий, которые по Конституции Испании являются исключительной компетенцией испанских судов. Подобная передача полномочий, предусмотренная ст. 93 Конституции Испании, предполагает признание международного вмешательства в реализацию полномочий, вытекающих из Конституции. В связи с изложенным совет посчитал, что гарантированное ст. 24 Конституции право на действенную защиту своих прав и свобод не ограничивается защитой, обеспечиваемой испанскими судами, но и распространяется на другие юрисдикционные органы, компетенция которых признана в Испании. Передача судебной компетенции МУС в соответствии с его Статутом, инкорпорированным должным образом в испанский правовой порядок, дает ему право изменять решения судебных органов, не нарушая права на судебную защиту.

В такой же ситуации Конституционный суд Украины в ответ на запрос от Президента Украины в Заключении от 11 июля 2001 г. указал, что в соответствии со ст. 124 Конституции Украины правосудие осуществляется в Украине исключительно судами. Передача полномочий судов и присвоение их функций другими органами или должностными лицами запрещена. В связи с тем, что ст. 4(2) Статута определяет, что Суд может осуществлять свои функции и полномочия на территории любого государства-участника, ст. 17 определяет порядок принятия к производству дел, когда национальное государство не желает или не способно возбудить уголовное преследование и вести расследование должным образом, до ратификации Статута необходимо внести поправки в Конституцию Украины.

В отношении положения ст. 89 Статута МУС о передаче граждан национальных государств Международному уголовному суду конституционный суд Коста-Рики, например, рассмотрев ст. 32 Конституции, закрепляющую, что «ни один костариканец не может быть принужден покинуть национальную территорию», указал, что эта гарантия не является абсолютной и что при установлении пределов ее применения следует исходить из здравого смысла и критерия соразмерности. В соответствии с духом Конституции признание этой гарантии должно идти в русле развития международного права и прав человека, а Конституция должна рассматриваться не как препятствие на пути внедрения в жизнь новых достижений в этой области, а как фактор, способствующий им. Суд определил, что новый порядок защиты прав человека, устанавливаемый Римским Статутом, совместим с конституционной гарантией, закрепленной в ст. 32 (Коста-Рика ратифицировала Римский Статут 7 июня 2001 г. после заключения Конституционного суда о соответствии Римского Статута Конституции Коста-Рики).

Интересен и подход к проблеме Эквадора. В докладе д-ра Эрнана Сальгадо Песанте о Римском Статуте отмечено, что ст. 25 Конституции Эквадора закрепляет экстрадицию граждан и что запрещение экстрадиций имеет защиту обвиняемых. Для обвиняемых лучше быть судимым судом своей страны, чем иностранным судом. Однако МУС не является иностранным судом. Это международный суд, который представляет международное сообщество и был учрежден с согласия государств-участников. Кроме того, передача Суду и экстрадиция представляют собой различные правовые институты. Таким образом, ст. 89 Статута МУС не противоречит Конституции Эквадора.

В заключении Конституционного суда Украины от 11 июля 2001 г. прослеживается аналогичный подход. В соответствии со ст. 25 Конституции Украины гражданин Украины не может быть выдан другому государству. Но ст. 25 запрещает только выдачу гражданина Украины другому государству и не применима к передаче лица международному суду, который не может считаться иностранным. Положения Статута в большей степени основываются на документах международного гуманитарного права, что обеспечивает справедливое и беспристрастное разбирательство, т.е. реализацию цели запрещения, установленного ст. 25 Конституции Украины.

В отношении положения ст. 27 Статута МУС о недопустимости ссылки на должностное положение привлекаемых к ответственности лиц сложились разные подходы.

Если монархические государства, как правило, исходят из абсолютного иммунитета монарха и Государственных советов, Конституционные суды дают заключения о том, что ст. 27

Статута МУС противоречит положениям Конституции, то другие государства полагают эти положения соответствующим Конституциям своих государств.

Так, Государственный совет Бельгии, проанализировав соответствие ст. 27 Статута режимам иммунитета Короля и членов Парламента, решил, что ст. 27 Статута противоречит иммунитетам, установленным Бельгийской Конституцией.

Государственный совет Испании, исходя из ст. 56 Конституции Испании о неприкосновенности личности Короля, отметил, что освобождение Короля от ответственности означает, что все совершенные им публичные акты должны быть скреплены подписью иного официального лица, которое будет нести за них индивидуальную ответственность. Испания ратифицировала Римский Статут 24 октября 2000 года.

Конституционный совет Франции также установил, что режим ответственности Президента Республики, членов правительства и членов Национальной ассамблеи, установленный ст. 26, 68 и 68-1 Конституции Французской республики и ст. 27 Римского Статута противоречат друг другу. Впоследствии Конституция была пересмотрена.

Конституционный суд Украины определил, что иммунитет Президента, народных депутатов Украины и судей, установленный Конституцией, действует только в национальных судебных учреждениях и не препятствует осуществлению юрисдикции МУС, т.е. ст. 27 Римского Статута не противоречит иммунитетам, гарантированным Конституцией.

Ряд государств, признав отдельные положения Римского Статута противоречащими конституции, принимали решения об изменении положений конституции для того, чтобы ратифицировать этот Римский Статут.

Например, Конституционный совет Франции дал заключение, что ратификация Статута МУС потребует пересмотра Конституции. Конституция была изменена включением в нее статьи, устанавливающей, что «Республика может признать юрисдикцию Международного уголовного суда, как это предусматривается договором, подписанным 18 июля 1998 г.». Римский Статут был ратифицирован Францией 9 июня 2000 года.

Аналогичная ситуация сложилась в Люксембурге. Государственный совет сделал вывод, что ряд положений Статута МУС противоречит Конституции Люксембурга и что Статут может быть ратифицирован только после внесения поправок в Конституцию. В нее Законом от 8 августа 2000 г. было внесено новое положение: «Положения Конституции не препятствуют одобрению Римского Статута Международного уголовного суда, принятого в Риме 17 июля 1998 г. и выполнению обязательств, вытекающих из Статута согласно условиям, указанным в нем». Закон об одобрении Римского Статута принят в Люксембурге 14 августа 2000 г., а ратифицирован 8 сентября 2000 года.

Государственный совет Бельгии, отметив в Заклучении от 21 апреля 1999 г. несоответствие Римского Статута ряду положений Конституции, предложил не менять отдельные конституционные положения, разработанные по всему тексту, т.к. это затруднило бы восприятие Конституции, а внести в нее новое положение: «Государство присоединяется к Статуту Международного уголовного суда, принятому в Риме 17 июля 1998 года». Римский статут был ратифицирован Бельгией 28 июля 2000 года.

Проблемными, с точки зрения соответствия положений Римского Статута национальным конституциям, являются также вопросы назначения пожизненного наказания (ст. 77, 80, 103, 110 Статута МУС), права Совета безопасности просить отсрочки расследования или уголовного преследования в течение 12 месяцев (ст. 16 Статута МУС), полномочий Прокурора МУС при расследовании на территории государства-участника (ст. 54 Статута МУС) и некоторые другие.

Римский статут включает в себя как нормы материального уголовного права, так и нормы уголовно-процессуального права.

Тенденции развития международного права и международной юстиции подкрепляют высказанную ранее многими учеными (и мною в том числе) идею о необходимости создания международных уголовного и уголовно-процессуального кодексов.

Джеффри С. Александер

Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года¹

Мы должны начать с социологического понимания демократии вопреки тому факту или, возможно, из-за этого факта, что мой подход к демократической борьбе за власть – то, что происходит *внутри* гражданской сферы – отличается в принципиальном отношении от нормативной демократической теории.

I. Гражданская сфера: дискурс и перформанс

Гражданская сфера обеспечивает «пространство для демократии», и демократия зависит от относительной автономности гражданской сферы. Гражданская сфера представляет собой не только правовую арену, очерченную тем, что подвергается воздействию со стороны государства. В то же время она не состоит из частных негосударственных ассоциаций, общественных групп в американском или капиталистическом смысле. Нет, гражданская сфера должна быть представлена в первом приближении как структура чувств, переживаний. Она определяется опытом солидарности, чувством идентичности или, наконец, сопереживанием за каждого индивида, живущего внутри легально определенной территории. Тем, что делает солидарность демократической и гражданской, а не авторитарной и примордиальной, является ее широта с одной стороны и автономия от остальных сфер – с другой. Гражданская солидарность охватывает широкое пространство; она скорее универсальна, чем партикулярна, не *volk-gemeinschaft*² (народная общность), а нечто более абстрактное и широкое – социетальное сообщество, которое выходит за рамки конкретной религии, класса, этноса, расы, региона, гендера и даже сексуальности, поднимаясь до гуманности как таковой. Это солидарность, которая основывается на автономии своих членов, требуя от них осознания индивидуальности каждого другого.

¹ Материалы лекции, прочитанной в МГИМО (У) МИД России 23 октября 2008 г. Публикуются с сокращениями. **Перевод и подготовка публикации д.ф.н., профессора С.А. Кравченко.** Вспомогательную работу провели: аспирант Ольга Леденева, студенты Социологического отделения Ксения Шаманова, Анастасия Перова, Вера Иванцова, Никита Заикин, Илья Ерастов.

² *Gemeinschaft* – по Ф. Тённесу (немецкий социолог, 1855–1936), небольшая общность людей, характерная для традиционного общества, в которой доминируют чувства личной привязанности, общий жизненный опыт, а социальный контроль осуществляется с помощью неформальных средств. *Прим. переводчика.*

Тем, что делает эту солидарность могущественной силой, а не просто утопическим идеалом, является ее независимость от других сфер. Хотя она зависит от институтов образования, семьи, религии, экономики и государства, это не то же самое, что эти институты. Это независимая сфера, которая значительно шире и более свободна, чем любой из этих институтов. Она не управляется ни предписаниями догматических верований, ни директивами иерархий и властей. Ее полномочия идут снизу, от индивидов, обладающих самоконтролем и рациональностью; ее сила проистекает от открытости, альтруизма и благородства, от честности и независимости и возможности критиковать без агрессии. То, что в демократиях живут люди, представленные такими идеализированными индивидами, глубоко запечатлелось в общественном мнении, которое циркулирует как порывы ветра, пронизывая всю гражданскую сферу. Эти мнения образуют то, что я назвал «дискурсом свободы», что конституирует одну сторону, позитивную сторону гражданского общества – воспринимаемый как данность политический язык, имеющий надындивидуальную природу, на котором основывается любое социальное действие внутри гражданских обществ.

Есть и другая, гораздо более негативная сторона этого дискурса – «дискурс подавления», определяющий антидемократические особенности, которые могут препятствовать вхождению индивидов внутрь гражданской сферы. Если некоторые люди рассматриваются как не поддающиеся контролю, импульсивные, зависимые и раболепные, лживые и скрытные, склонные скорее к закрытости, чем к открытости, к эгоизму, чем великодушию – они не заслуживают гражданского членства. В самом деле, гражданские общества должны защищать себя от подобного рода людей. Иногда этот дискурс изображает реальные угрозы, но зачастую он не делает этого. Будучи скорее демонстративным, чем дескриптивным, этот бинарный дискурс исторически оправдывал маргинализацию разного рода групп, объявляя вполне приличных людей развращенными и дискриминационными, оправдывая насилие и иногда убийство в попытке избавиться скорее от запрещенных, чем от универсализирующихся сообществ.

Однако гражданская сфера есть нечто большее, чем даже этот бинарный дискурс. Она также поддерживается сетью властных институтов. Некоторые из них коммуникативные, производящие суждения и мнения в форме сообщений масс-медиа, например, соответствует ли опрос общественного мнения фактическому положению дел или является фикцией. Другие являются более регулирующими, позволяя себе говорить от имени устремлений публичной сферы, а также имеют возможность оказывать давление и в конечном счете принуждение. В этом контексте демократический закон играет главную роль. Есть также электоральная система, которая включает в себя политические партии, предвыборную борьбу, право участвовать в выборах и голосование – процесс, направляющий представителей из гражданской сферы для занятия самых властных позиций в государстве.

Здесь речь пойдет о демократической борьбе за государственную власть.

Чтобы представить наш подход к демократической борьбе, мы должны обсудить идею перформативности. Давайте начнем с осмысления того, что происходит, когда политик, борющийся за власть, обращается к массе людей, дает интервью, дебатировать с оппонентом, делает комментарии по телевидению. Политик настойчиво констатирует, что мир выглядит определенным образом, безапелляционно заявляет, что его оппонент делает то-то. Философ Джон Остин³ назвал это константными суждениями; они представляются как описания, обозначающие нечто, взятое из реального мира. Остин противопоставляет константные суждения перформативным. Вместо отсылки на существование некоего факта или качества перформативные суждения фактически переносят ситуацию в сам акт разговора. Они, используя его широко известную фразу, «создают реалии с помощью слов». Политики, борющиеся за власть, когда делают безапелляционные заявления о положении в мире и о своих оппонентах, хотели бы, чтобы мы поверили в то, что их слова относятся к константным суждениям. Однако по большей части они являются перформативными. Они не столько описывают мир, сколько хотят привнести этот мир в воображение их слушателей. Они хотят убедить нас в том, что это и есть истинное положение дел. Если их спектакли успешны, мы будем убеждены. Мы будем убеждены, если политические спектакли обладают «меткостью попадания в цель», если они структурированы восхитительным образом, что имеют отношение к нашим чаяниям, создают картины в нашем сознании и заставляют нас идентифицироваться с ними, разделяя их словесные проникновения. «Меткие» спектакли создают целостность оратора и аудитории. Мы разделяем спектакли правдоподобием. Мы думаем, что слова политиков правдивы, а они сами – аутентичны.

³ Британский философ-аналитик, представитель лингвистической философии (1911–1960). *Прим. переводчика.*

Чтобы обрести перформативную власть, политики проектируют спектакли на искусно сделанных сценах – напротив вошедших в людскую память знамен, колонн, разрушенных войной зданий, на площадях и стадионах, заполненных ликующим народом, внимательными и обожающими поклонниками, которых собрали их «промоутеры», предварительно организовавшие на улицах города заезды мотоциклистов. Однако несмотря на эти и другие усилия, политические спектакли сталкиваются с огромной проблемой: их аудитории отделены от них. Современные общества фрагментированы, сегментированы и дифференцированы. Аудитории для политических актеров не имеют конкретной привязанности к борющимся за власть. У них нет оснований верить им и даже внимательно слушать то, что политики пытаются сказать. Цель успешного спектакля – целостность [оратора и аудитории], но аудитории современных обществ становятся все более диффузными по отношению к каким бы то ни было властям.

Борьба за то, чтобы обеспечить целостность оратора и аудитории, чтобы связать членов гражданского общества посредством «меткого» спектакля – вот суть демократической борьбы за власть. Те, кто хотят власти, должны быть избраны, но они не получают голоса избирателей до тех пор, пока их спектакли не будут успешными – по крайней мере до определенной степени. Вот почему они и их советники должны думать вместе, проводить фокус-группы и опросы, ежедневно осуществлять интерпретивные баталии с журналистами, равно как и с теми, кто находится по другую политическую сторону. Они должны составлять идеологические послания аудиториям, которых они не знают. И что, конечно, еще более осложняет эту проблему – так это наличие целой профессии, представляющей институциональную сеть, находящуюся между политиками и аудиториями. Журналисты и институты масс-медиа интерпретируют политические спектакли даже до того, как они разворачиваются перед голосующей аудиторией. Этим аудиториям масс-медиа представляют политические спектакли как нечто означающее, как факт, хотя они уже представляют собой интерпретации. При этом журналисты не только фильтруют политические спектакли, но и информируют аудитории о том, как они сами пришли к этим интерпретациям.

Теперь должно быть прояснено, почему борьба за политическую власть нуждается в переосмыслении в терминах, в которых смысл имеет центральную значимость. В политической социологии власть обычно понимается как управление инструментами доминирования, как увеличение ресурсов, как асимметричный обмен, как возможная борьба за стратегическое превосходство или как производство властной элиты будь то элита государства, класса, гендера, расы, цивилизации или религии. Эти инструментальные подходы к власти предполагают теории, восходящие к марксистской и веберовской традициям – от Грамши⁴ и Альтюссера⁵, основывающиеся, с одной стороны, на идеях о партиях как «домах власти» и о рационально-правовой легитимности, обеспечивающей действительно демократическую основу для борьбы за общие интересы, с другой стороны, они обусловлены экономическими теориями рационального выбора. Подобному редукционизму в политической социологии слепо следуют «слабые программы»⁶ социологии культуры, которые рассматривали смысл лишь как виляющий хвост власти.

Ни политическая социология, ни слабые культурные программы не были в состоянии концентрировать ключевые эмпирические процессы, которые принципиально важны для понимания власти в формально демократических обществах. Внутри гражданской сферы борьба за власть выступает как борьба за убеждение, принимает форму спектаклей, которые разворачиваются перед идеализированной аудиторией, состоящей из рациональных, ответственных и предполагаемо солидарных граждан. Обретение власти зависит от исхода борьбы за символическое доминирование в гражданской сфере. Именно культуральная победа определяет контроль над государством и потенциально над каждой другой негражданской сферой, включая экономику, религию, этническую ассоциацию и семью.

Чтобы понять и объяснить символические коммуникации, которые структурируют гражданское общество, требуется сильная теория производства смысла. То, что необходимо, это не социология культуры, а культуральная социология, представляющая сильный, а не слабый

⁴ Итальянский политический деятель и социолог (1891–1937), стремившийся преодолеть экономический детерминизм, разработать диалектику объективного и субъективного факторов, автор концепции духовно-политической гегемонии. *Прим. переводчика.*

⁵ Французский социолог, критик ортодоксального марксизма (1918–1990), внесший вклад в раскрытие явных и латентных функций современной идеологии. *Прим. переводчика.*

⁶ «Слабость программ», по мнению Дж. Александера, объясняется тем, что их представители, оставаясь в сфере теоретико-методологического инструментария социологии культуры, не проникли в глубинное постижение роли смысла, его латентных влияний на сознание и действия людей, что особенно касается сути современной политической борьбы за власть. *Прим. переводчика.*

подход к социальному смыслу. Это только кажется парадоксальным, что для понимания власти мы должны предоставить относительную автономию культуре. Коды и нарративы, по определенным каналам конструирующие политические мотивы внутри гражданской сферы, шлифуют дорожки политических отношений, устанавливают рамки для соответствующих институциональных изменений в обществе и государстве. Взятие власти в демократическом обществе по существу является борьбой за позицию посредством бинарного дискурса гражданского общества. Целью тех, кто борется за политическую власть, является идентификация себя, «проблем» своей кампании и своей идеологии с сакральной стороной этой бинарности и производство убедительных суждений о своих оппонентах как олицетворяющих антигражданское зло. Те, кто борются за власть, стремятся распространить эти культуральные конструкции за пределы своего непосредственного идеологического и организационного внимания, превратив их в «иконные» объекты эмоциональной идентификации, распространяя их как вглубь, так и вширь среди населения.

II. Создание и ваяние имиджа

Коллективные представления и ритуал

Чтобы бороться за власть в демократическом обществе, индивид должен обрести коллективное представление; он должен стать символом в гражданской сфере, а также, по крайней мере, в некоторых других внегражданских сферах, производящих недемократические, часто примордиальные ценности, которые реально существующие гражданские сферы также вынуждены представлять. Чтобы стать символическим образом в борьбе за власть, недостаточно только достичь этого статуса среди своих непосредственных сторонников и партийной группы – необходимо спроецировать эту символическую фигуру на всю гражданскую сферу, а также выйти за ее пределы, распространяя свое влияние на гораздо более широкую область. Борьба за власть производит обращенные к гражданским аудиториям смыслы и стили, которые рассредотачиваются от близких до самых далеких регионов и фрагментируются по всем известным демографическим категориям. Завоевание власти зависит от создания спектаклей, которые успешно пробивают брешь в некоторые из этих больших социальных слоев.

Кем является политик? Он или она, по существу, есть обретающий энергетику в процессе символической коммуникации, коллективный образ, который становится носителем насыщенной социальной энергии. Бывший приятель Барака Обамы по дням, проведенным вместе в Чикаго, в интервью газете *Нью-Йорк Таймс* вспоминает о нем как о молодом организаторе сообщества, который проявлял незаурядную «энергетическую способность налаживать связь с людьми из своего окружения». Политическая жизнь – это двусторонний процесс поведенческой интеракции и символической коммуникации, в котором психическая энергия протекает между символическими публичными текстами и реально живущими и существующими индивидами. Это объясняет то, почему даже в век виртуализации политические деятели должны вращаться в обществе реальных избирателей, быть видимы в общении с ними, почему они пожимают так много человеческих рук и выступают не только посредством электронных технологий, но им также приходится попотеть на пульсирующих и напряженных митингах, давая себе горловую нагрузку.

Кандидаты потребляют и передают энергию, получаемую от контакта с людьми. Эти ритуальные интеракции, будучи текстуально опосредованными, в свою очередь транслируются по телевидению и циркулируют как символические образы. Звуки и образы аплодирующих и свистящих аудиторий, пучки лучей, кандидаты, похлопывающие по спинам и пожимающие руки – все это переносит энергию на кандидата и далее через институты коммуникации еще выше – в более широкую гражданскую сферу. Эта циркулирующая энергия не может передаваться только посредством обыкновенного студийного спектакля. В то время как производство или даже создание в цифровом формате политических спектаклей является, конечно, делом возможным с технической точки зрения, однако в гражданском обществе их применение было бы расценено как аморальное. Было бы неприемлемо инициировать перемещение подобных повторяющихся процессов символической репрезентации в центр политической социологии демократии.

Политические митинги могут принимать форму чистых, старомодных спектаклей, создающих «целостность» [оратора и аудитории] – истинных ритуалов с прикосновением к рукам харизматических лидеров, с громадными бурлящими толпами, сливающимися в единый символ – политическое коллективное представление. В период президентской кампании этот

ритуал начинается с небольших групп, собирающихся в жилых помещениях Айовы и Нью-Хэмпшира, но он приобретает более широкий масштаб с победами и поражениями на праймериз, достигая кульминации в тщательно отрежиссированных сценах массовой истерии, сопровождаемых ритуальными торжествами, что характеризует партийные съезды. В процессе личностного взаимодействия, которое определяет суть великой игры политических кампаний, особое место отводится «промоутерам» кандидата. Их целью является создание спектаклей-целостностей. Имиджмейкеры кампании создают веб-сайты кандидатов, пишут их блоги, рассылают ежедневно репортерам политтехнологические послания в их круглосуточный новостной поток, а также сторонникам и фанатам, проводят встречи с глазу на глаз с журналистами и торговцами влиянием в частной и публичной сферах. Их целью является распространение этого ритуального опыта посредством масс-медиа на гораздо более широкие круги избирателей.

Превращение в героя: мифический нарратив

Сообщая о политических качествах Обамы, репортер *Таймс* Майкл Поуэл объясняет его перформативную эффективность в терминах идентификации – качества, требуемого для успешного спектакля: Обама «обладает даром, заставляющим людей видеть себя в нём». Поуэл предлагает эмпирическое описание того, как этот трюк осуществляется. Обама производит психологическую идентификацию посредством достоинств текстовых качеств своего нарратива. Обама является «политической фигурой, исполняющей несколько ролей одновременно, внушающей преданность сторонникам, которые видят в нём лидера-преобразователя». Это «как если бы было бы особое качество “Барак – незапятнанный политик”, столь необходимое для возвышения». Здесь Поуэл иносказательно намекает на появление библейского пророка. Обаме, пишет он, «понадобилось всего 11 лет, чтобы пройти путь от сенатора штата до первого чёрного кандидата в президенты, который очаровал тысячи избирателей».

Почему пророческий нарратив необходим? Каждая борьба за большую временную политическую власть основывается на нарративе кризиса и спасения. В конце концов, сильные личности могут становиться героями, только преодолевая нечто необычно великое, разрешая непреодолимые вызовы. Согласно нашим возможным президентам, американцы оказались перед уникальным моментом в истории. Есть беспрецедентные опасности и возможности, мировой исторический кризис, проявляющийся как внутри страны, так и по всему миру, угрожает пустить под откос американскую мифическую историю. Национальный коллапс приобретает угрожающие размеры. Только в таком «кризисе нашего времени» могут делаться герои. Избирательное поражение принесет апокалипсис. На карту поставлено не только спасение, но также выход за пределы человеческих возможностей и восстановление.

Как заявляет Обама, давая согласие баллотироваться в президенты, на съезде, завершающем праймериз, «это – наше время, это – наш момент». Он проводит рельефно выраженную красную линию между темным прошлым и ярким золотым будущим. Он представляет себя как силу, которая посредничает между тьмой и светом. Он совершит обряд очищения американского жизненного проекта и вытянет его из прошлого в будущее, к яркому солнечно-му свету нового дня.

Чтобы стать героем, необходимо утвердить чувство большой и настоящей потребности. Момент рискован и обременен особой значимостью. В Америке настали тяжёлые времена, Великая Мечта разбилась в пух и прах. Нация упала с пьедестала. Мы были осквернены и омрачены вторым президентством Буша. Мы должны возродиться, и для этого нам нужен новый герой. Обама представляет себя преодолевшим великие личные напасти по дороге к исполнению роли национального героя. Родившийся в весьма разношерстной расовой группе, он был вдохновлен афро-американским пророком-героем, чьи мечты о справедливости глубоко запали в коллективное сознание американского гражданского общества. После того, как 4-го июня Обама добился номинации, восторженные декларации о неизбежном спасении выдвигались афро-американцами, а затем распространялись через коммуникативные институты в американском гражданском обществе. Его победа явилась предзнаменованием конца расовой ненависти и началом реализации истинной солидарности, обещанной американским гражданским обществом. В Африке кенийские родственники Обамы и их соотечественники интерпретировали его восхождение как сигнал освобождения, возможность глобальной солидарности.

В речи Обамы после неофициального получения номинации настоящее предстало своего рода риторической осью между поработленным прошлым и свободным будущим. «С нынешнего времени грядущие поколения смогут, оглядываясь назад, сказать детям, что это был

момент, когда мы начали обеспечивать заботу о больных и хорошие рабочие места для безработных; это был момент, когда волны океанов стали стихать, а планета начала исцеляться». *Таймс*, ссылаясь на веслианскую речь кандидата, произнесенную неделей ранее, в которой он открыто объявил о том, что «наше индивидуальное спасение зависит от коллективного спасения», отметила «эхо проповедей и Книги Бытия». На следующий день *Таймс* поместила большую фотографию, изображающую Обаму как Иисуса, предлагающего спасение. Он вышашаается над толпой, протягивающей сотни рук, чтобы прикоснуться к нему. Он стал харизматическим сосудом, наполненным священным обещанием гражданского восстановления.

Чтобы стать героем, требуется войти в миф. Необходимо прекратить быть просто смертным мужчиной (или женщиной) и развить второе бессмертное тело в смысле Канторовича (автор книги «Два тела короля»)⁷ – иконную внешность, которая вызывает у аудитории сильнейшее чувство связи с божественным царством идеалистической политической жизни страны, которая разворачивается прямо перед вами. Обама начал выращивать это второе тело. Он больше не просто человеческое существо – имеющий телесную оболочку парень с большими ушами, писатель, обычный человек, – а герой. Будучи героем, иконой, это символическое тело не умрет никогда. Его будут помнить независимо от того, что случится с человеком. Большинство политических фигур не могут вырастить такую вторую телесность. Они уважаемы или могут нравиться, на них можно даже положиться, но их второе тело, мифическое общественное тело, слабо и мало, поэтому они скорее остаются политиками, а не мифами. Загнанные в тень и обляянные оппонентом, они получают «ранения» в политических боях, показывая тем самым свою смертную природу.

Культуральная деятельность и постановочный сценарий

С точки зрения аудитории, политический герой создает себя исключительно сам. Героическая фигура естественна, ее сущность неотъемлема, на нее не повлияли ни кодификации, ни нарративы. Для граждан это просто вопрос изучения, кем реально всегда был и есть кандидат во власть. С точки же зрения политика, борющегося за власть, создание коллективного образа – это проект, акция, требующая экстраординарной деятельности. Он становится героем по своему сценарию, сочиняя историю, в которой разворачивается его собственная жизнь. Такое само моделирование должно быть ответственным по отношению к бесконечным непредвиденным обстоятельствам, стремиться поддерживать арку кодифицированных нарративных тем.

Обама начал предвыборную кампанию за президентство со сценария, который был предан гласности необычным образом – это его автобиографическая книга «*Мечты моего отца*». С тех пор не только он сам, но и репортеры, освещающие его деятельность, «заворачивали» любую политическую случайность в уже существующие нарративные сюжеты [книги], оценивая смысл новых событий в контексте этих основополагающих представлений.

Организационная деятельность Обамы была важной частью его само моделирования. Он начал эту общественную фазу своей самореализации (*bildung*)⁸ через два года после окончания Колумбийского колледжа и завершил ее через три года, накануне поступления в Школу права при Гарвардском университете. На прощальной встрече в честь Обамы, собравшей участников проекта «Альтгельд Гарденс»⁹ в южном Чикаго, он выступил перед аудиторией всего из шестидесяти человек и сказал, что со временем вернется в Чикаго, чтобы «продолжить карьеру в общественной жизни. Эта история воссоздана *Таймс* на основе интервью с теми, кто был там, как часть непрекращающегося усилия газетчиков по созданию нарратива безупречного Барака путем обращения к его таинственному прошлому. Но это был сам Обама – тот, кто первым инсценировал эти события в автобиографии «*Мечты моего отца*». Его работа как организатора в контексте достижения реальных успехов была незначительной. «Мы продвинулись недалеко» – вспоминал Обама. Ее важность обусловлена тем, что она является частью цели, а не средства, как культурно значимое, а не практическое соображение. Эти годы представляют этап в истории жизни Обамы, шаг в его самореализации, его моральном развитии. Как не преминул заметить репортер *Таймс*, эта относительно небольшая работа в качестве социального организатора в Чикаго занимает целую треть из 442 страниц общественного narra-

⁷ Э. Канторович (1895–1963) – немецко-еврейский историк, занимавшийся изучением средневековой политической и интеллектуальной жизни. Вышеназванная его книга впервые была опубликована в 1957 году. *Прим. переводчика*.

⁸ Немецкий просветитель В. фон Гумбольдт (1767–1835) использовал этот термин для акцентирования особой роли образования в гражданском самовыражении. *Прим. переводчика*

⁹ Проект церковной благотворительности, адресованной жителям неблагополучных районов, в котором Обама участвовал в качестве социального организатора. *Прим. переводчика*.

тива, который был задуман для инсценировки. Политическая кампания основывается на уже существующем неформальном и формальном постановочном сценарии. Ее целью является иллюстрация примерами этих основополагающих представлений в политическом времени и пространстве, создание иконной власти, которая конденсирует чаяния, мечты и интерпретации во внешнем образе и глубинном смысле могущественного героя.

Имидж как объект и стратегия

Члены команды и репортеры глубоко обеспокоены «имиджем» кандидата, рассуждая о нем, как если бы это была объективная, а не субъективно сконструированная реальность. Конечно, это социальный факт, в понимании Дюркгейма¹⁰, – коллективно созданный образ, чьи однажды созданные контуры являются независимыми от власти любого отдельно взятого индивида, неважно, насколько могущественен он сам по себе. В силу этого только кажущегося парадоксального синтеза огромной объективности и настойчивой субъективности – социального детерминизма и индивидуальной деятельности – «управление имиджем» становится важнейшим вопросом любой политической кампании. Встреча с имиджем означает воскрешение в памяти коллективного образа, который переносит кандидата за пределы его индивидуального бытия. Вступает в силу его второе, бессмертное тело, то, которое может простого смертного политика превратить в короля. Необходимо хранить чистоту и незапятнанность имиджа. Его надо нести на руках и помещать в рамку. Кампании создают защитную среду вокруг своего кандидата, сакральную ауру, которую необходимо беречь от осквернения. Они борются, чтобы сохранить его в неприкосновенности, чтобы не подпустить к нему, уберечь от любого возможного дискредитирующего контакта.

В июне на веб-сайте *Politico.com* стало известно, что команда компании Обамы вырезала с заднего фона его фотографии двух женщин-мусульманок, чьи головы были покрыты платками. Столкнувшись с разоблачением явного обмана и, возможно, нетолерантностью, кампания принесла свои извинения, притом, что она отстаивала свои права на «строгость» и «бдительность». Контроль необходим, было объяснено, для борьбы с «...ложной информацией, распространяемой через Интернет», представляя самого сенатора как мусульманина. В то время как хорошей стратегией является защита чистоты имиджа от дискредитации, плохой же стратегией – когда подобные усилия по сохранению сакрального имиджа заканчиваются его дискредитацией, создавая возможность использовать антидемократическую тематику при конструировании образа кандидата. Для нейтрализации подобных ошибок политическая команда создает пространство, отделяющее кандидата от кампании. Команда Обамы, признавая «ошибку», утверждала, что это была их собственная вина, а не кандидата, отмечая, что подобное «не отражает ориентацию кампании». Репортер *Таймс* объяснил, что инцидент «указал на ловушки, ожидающие кампанию по мере продвижения ко всеобщим выборам в ее стремлении обеспечить контроль за имиджем Обамы путем строгого управления его общественным приличием». Несмотря на временную неудачу, подобный контроль должен сохраняться. Признавая поражение в данной битве, команда Обамы утверждает, что война против «дезинформации» не будет проиграна. Высокопоставленный помощник отмечает: «Мы продолжим вести борьбу с ней достаточно агрессивно, через ряд посредников».

Решение Обамы позволить своим детям дать интервью на телевидении раскрывает подобную динамику. С одной стороны, интервью эффективны, производят сакральное и непорочное пространство вокруг семейного круга, иногда воспроизводя и общественный имидж самого кандидата. С другой стороны, обратная реакция, получаемая в результате, создает угрозу дискредитации. Для чего Обама вовлек семью, своих малолетних детей в общественную сферу, на этот небезопасный путь? Обама обвиняет свою команду, несмотря на признание, что это было его собственное решение. Он задействует амбициозное королевское Мы. И даже разоблачив этот промах, журналисты выразили свое и всеобщее восхищение тем, насколько успешно кампания Обамы была фактически способна управлять имиджем кандидата.

Еще один пример всплыл на поверхность, когда персонал Обамы пригласил репортеров и фотокорреспондентов, чтобы встретиться с новой национальной командой по безопасности, предложенной кампанией, составленной в основном из вышедших на пенсию военных офицеров. Выясняется, что команда фактически заблокировала камеры, хотя не самих репортеров, когда Обама вращался в большой группе черных гражданских деятелей. Его представители также недавно отказались назвать имена афро-американских религиозных дея-

¹⁰ Французский социолог (1858–1917), основоположник классического структурного функционализма, согласно которому социальные факты оказывают принудительное воздействие на индивида. *Прим. переводчика.*

телей, с кем Обама встречался частным образом во время визита в Чикаго. Однако усилия по управлению имиджем широко принимаются, и ими зачастую восхищаются. В ответ на многочисленные колкие вопросы о патриотизме и нраве Мишель Обамы¹¹ кампания организовала ряд «дружеских» выходов на телевидение и «лестные публикации появились на страницах ЮС Уикли». Подобные усилия, как сообщалось, «получили восхищение со стороны политических деятелей обеих партий». Кампания Обамы показывает «высокий уровень дисциплины». Это напоминает «мастерство драматурга, который однажды так успешно провел кампании Буша на зависть... демократам».

Политика как война символическими средствами

Противоборство за президентство – это не просто игры. Уж очень огромна власть, находящаяся на кону. Борьба за гражданскую власть, чтобы управлять государством, настолько жестока и агрессивна, насколько она культурно и законодательно разрешена. Как организаторы, так и наблюдатели сравнивают политические кампании с войной. Они замысливаются и остаются в памяти в терминах побед и поражений. «Теперь, когда период праймериз завершён», заявляет сенатор Шумер, «дело за числом голосов», поданных за демократов: партия может наконец начать «утверждать полный контраст с Дж. Маккейном». «Используя демократическую сцену впервые исключительно в своих интересах, сенатор Барак Обама приступил к атаке на сенатора Дж. Маккейна в ходе двухнедельного предвыборного турне по штатам», – сообщает *Таймс*.

По этим причинам «партийность» является самым используемым и активным словом в демократической политике. Солидарность – обязательная составляющая гражданского общества, но ей угрожает соперничество борьбы за политическую власть, чтобы, собственно, представлять её. Напряжённый и нередко крайне непримиримый конфликт разворачивается во имя всеобщей, всеохватывающей и мирной солидарности. В то же время спонсорство и обеспечение периодических всплесков политического соперничества позволяет гражданской среде маневрировать в контексте политических сложностей, искусно избегать фрагментации, примирять, за невозможностью устранить, противоположные идеологические и социальные интересы. По завершении этих ожесточённых баталий победителю достаётся право представлять гражданское общество внутри государства.

Данный парадокс имеет не только концептуальное содержание. На практике он представляет собой реальную опасность. Электоральные баталии бросают вызов братскому чувству солидарности и общей идентификации, на которых зиждется гражданское общество. Тем не менее продолжается постоянный мониторинг невидимой грани, отделяющей «здоровый» и «нормальный» партийный конфликт от патологически антигражданской фракционности. Пересечение этой черты и есть, по существу, «грязная игра», когда «за пределами грани», «подковерно» финансируется сомнительная реклама, а также нелегальная деятельность по сбору секретной информации. Постоянно звучат требования поддерживать этикет и благопристойность, которые зачастую не выполняются. В американской политической системе эти проблемы в концентрированной форме воплотились в уотергейтском скандале, легендарном случае, который до сих пор сохраняется в коллективной памяти гражданской сферы. Он остаётся памятью того, как партийность может превратиться во врага гражданственности, и это может происходить даже в самых лучших демократиях. Как замечает *Таймс*, кандидаты могут пообещать всё, что угодно, «лишь затем, чтобы повести принципиально иную игру по вступлении в завершающую фазу борьбы». Несмотря на все их обещания, Обама и Маккейн «скованы сиюминутными соображениями борьбы... и используют риторику, которая может быть такой же жёсткой и вводящей в заблуждение, как и та, которая использовалась в ходе любой другой предыдущей кампании». «За кулисами находятся ведущие друг с другом баталии военные штабы кандидатов, рассылающие каждый день репортерам дюжины атакующих интернет-сообщений». Обама заверяет своих сторонников на митинге: «Если они пустят в ход нож, мы принесем ружьё». Вот грань от неприкасаемого, которая демонстрирует, как партийный конфликт бросает вызовы гибкости дискурса гражданского общества.

Соперничество усиливается из-за бинарности дискурса гражданского общества. Если благодаря различению смысл обретает специфическую сущность, то это еще более справедливо в отношении политической легитимности. Представление себя как воплощение истинной гражданственности, а своих оппонентов – антигражданственности и непристойности – является тем материалом, из которого делается победа. В этом состоит ирония самой сущности демократической политики.

(Продолжение в следующем номере)

¹¹ Супруга Б. Обамы. *Прим. переводчика.*

Лобанова Л.А., Могилева И.Б.¹

Статус русского языка на постсоветском пространстве

Общеизвестно, что русский язык входит в число крупнейших мировых языков. По оценочным данным, им владеет около 300 миллионов человек, проживающих в России и за ее пределами. Русский язык является официальным или рабочим языком во всех авторитетных международных организациях (ООН, ОБСЕ, МАГАТЭ, ЮНЕСКО и др.). Однако в последнее время положение русского языка в мире (как в странах Дальнего, так и Ближнего Зарубежья) значительно ухудшилось, несмотря на то, что продолжает сохраняться большой интерес к русской культуре и искусству. Негативные тенденции в положении русского языка обусловлены экономическими и политическими факторами. К тому же если такие страны, как США, Германия, Франция, Великобритания и другие, придают большое значение поддержке и распространению «своих» языков в мире, то Россия значительно отстает от этих стран. В период общественно-политических преобразований (90-е годы) существовали другие приоритеты, и поэтому русскому языку не уделялось должного внимания. И только в последние годы стала формироваться система мер по поддержке и распространению русского языка в мире.

Однако русский язык утрачивает свои позиции в странах Ближнего Зарубежья, где он до распада СССР имел статус государственного языка, хотя родным русский язык в этих странах продолжают считать около 23,5 миллионов человек, проживающих в основном на Украине, в Белоруссии, Казахстане, в Узбекистане и Латвии.

В настоящее время социальный статус и сфера использования русского языка в странах СНГ и Балтии претерпели значительные изменения.

К 2005 году русский язык остался государственным лишь в Белоруссии. Относительно сильны позиции русского языка и в Казахстане, где он является языком официального общения. В остальных странах СНГ русский язык имеет статус языка межнационального общения (Молдавия и Туркменистан) или относится к разряду иностранных языков (Азербайджан, страны Балтии).

Языковая политика независимых государств на расширение общественных функций государственного языка (языка титульной нации) повлекла за собой значительное сужение сферы применения русского языка. В результате внедрения языка титульных наций в качестве единственного государственного языка русский язык вытесняется из политической, образовательной, культурной и информационной сфер², несмотря на то, что он остается средством межнационального общения народов России, государств СНГ и стран Балтии, играет важную роль в обеспечении консолидации и культурного развития народов, в осуществлении их экономического сотрудничества.

Однако количество людей, владеющих русским языком, в бывших советских республиках неуклонно сокращается. Это обусловлено рядом экономических и политических причин, а также связано с резким уменьшением часов, отведенных на изучение русского языка в общеобразовательных школах. Русский язык вытесняется из национальной системы образования. Например, количество общеобразовательных учреждений с преподаванием на русском языке сократилось в 2–3 раза (за исключением Белоруссии). Русский язык в большинстве бывших советских республик начинает преподаваться факультативно, а русская литература преподается как иностранная и изучается в переводе на титульный язык. Русский язык как иностранный вытесняется английским и другими языками.

Что касается высшего образования на русском языке, то оно доступно сейчас в Белоруссии, Казахстане, Украине, Молдавии. В Туркмении, например, невозможно получить высшее

¹ Лобанова Любовь Алексеевна – ст. преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО(У) МИД России.

Могилева Ирина Болеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО(У) МИД России.

² Яковенко А. МИД: не может не тревожить линия стран Ближнего Зарубежья на свертывание русскоязычного пространства. // МИД России. ИА Regnum «Новости», июнь 2008.

образование на русском языке, и даже запрещена реклама российских образовательных услуг, однако присутствует реклама возможности обучения в странах Евросоюза и США. Разрушена система подготовки и переподготовки преподавателей русского языка, количество которых сократилось за последние 15 лет в 2 раза, а в некоторых странах вообще прекращена подготовка русистов (Туркмения).

На положение русского языка в странах Ближнего Зарубежья оказывают большое влияние изменения в области СМИ. Повсеместно наблюдается уменьшение тиражей издаваемой в этих странах русскоязычной прессы, а также сокращение вещания на теле- и радиоканалах. Особенно это характерно для Туркмении, Азербайджана, Грузии и Таджикистана. А на Украине, например, делаются попытки вообще исключить русский язык из средств массовой информации.

Данные, опубликованные в сборнике «Русский язык в мире: современное состояние и тенденции распространения», позволяют проследить тенденцию изменения языковой ситуации в отдельных странах Ближнего Зарубежья³.

В Азербайджане русский язык сдает свои позиции, его статус понижается. Сокращено вещание на русском языке на телеканалах. В азербайджанских школах русский язык изучается как иностранный. Дети выбирают в основном английский и турецкий языки, русский же переходит в разряд факультативных предметов. В Армении, где русский язык является языком межнационального общения (им владеет 70% населения), его положение более стабильно. Изучение русского языка входит в обязательную школьную программу. Он преподается также во многих высших учебных заведениях.

Иная ситуация с русским языком прослеживается в Грузии. Изменение политики властей привело к тому, что русский язык изучается теперь как выборочный из предлагаемых иностранных языков.

Значительно сужаются рамки применения русского языка и в Киргизии. В этой стране все государственные служащие должны знать киргизский язык, а при поступлении в вузы учащиеся обязаны сдавать экзамен на знание родного языка. Однако здесь русский язык продолжает играть немаловажную роль: был принят закон, который закрепил за русским языком статус официального.

Сохраняет свои позиции русский язык в Республике Казахстан, где он является языком официального общения. Русский язык в качестве обязательного предмета изучается в высших и средних специальных учебных заведениях, где обучение ведется на казахском и других языках. Для молодых людей российское высшее образование не потеряло до сих пор своей актуальности.

Иной статус приобрел русский язык в Таджикистане. Здесь он является языком межнационального общения, однако наблюдается сокращение его использования среди молодого поколения в связи с неудовлетворительным качеством преподавания этого предмета в школах, где сокращены часы, отведенные на его освоение.

В Республике Беларусь русский язык остается государственным наравне с белорусским, его использует более 80% населения страны. Изучение русского языка обязательно во всех учебных заведениях. Он является языком большей части СМИ Белоруссии, самые массовые газеты печатаются на русском языке.

А из всех стран Ближнего Зарубежья влияние русского языка и численность его носителей сократилась в наиболее заметных масштабах на Украине, где русский язык представляет собой язык нацменьшинства. На Украине запрещена реклама на русском языке и его использование в электронных СМИ. Происходит процесс перехода обучения на украинский язык в русскоязычных школах.

В странах Балтии положение русского языка еще более драматично. Так, в Латвии, где 40% населения считает русский язык родным, он занимает статус иностранного. Здесь в законодательном порядке закреплено использование языка титульной нации во всех государственных структурах и СМИ. В Литве, где русским языком владеет 60% населения (из них 6,3% – этнические русские, значительное число литовцев), он относится к языкам нацменьшинств. В Эстонии в той или иной мере на русском языке говорит также около половины населения. Однако и здесь осуществляется политика устранения русского языка из всех сфер жизни государства.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод: чтобы сохранить русский язык, поднять его статус, укрепить положение, необходимо пропагандировать его, способствовать его рас-

³ Русский язык в мире: современное состояние и тенденции распространения. Вып. 3., М., 2005. С. 115–130.

пространению. В этой связи большое значение имеет подготовка высококвалифицированных специалистов из стран Ближнего Зарубежья в вузах России, что, в свою очередь, делает актуальной проблему обучения русскому языку граждан из бывших советских республик.

Современная ситуация диктует поиск новых путей совершенствования языковой подготовки будущих специалистов, наиболее эффективных методов и форм организации обучения. Необходимо внести существенные изменения в систему языковой подготовки данного контингента учащихся, наполнив ее новым содержанием и инновационными технологиями.

На наш взгляд, обучение русскому языку должно быть многоаспектным и взаимосвязанным, поскольку проблемы, которые возникают при обучении, носят комплексный характер. Они включают в себя не только собственно языковые, но и экстралингвистические: психологические, социальные, этнокультурные.

Многие из учащихся, приехавшие в Россию, не владеют языком в той степени, которая необходима для обучения в вузах⁴. Обычно их языковая компетенция ограничивается использованием умений, необходимых для реализации коммуникативных потребностей вне учебно-познавательной сферы. Они владеют языком лишь на бытовом уровне, так называемым «кухонным языком»⁵.

Всего этого недостаточно для учебы в вузе и получения знаний по выбранной специальности. Следует отметить, что у большинства учащихся отсутствуют системные знания в области языка, а также мотивация к его изучению из-за видимости владения им.

Существенную сложность в обучении представляет и преодоление того образа языка, который был сформирован у учащихся во время его изучения на родине. В этой связи возникает проблема коррекции сложившегося стереотипа, а это, как известно, непросто, задача, которая усложняется тем, что от будущих специалистов, особенно гуманитариев, требуется владение не только правильной устной речью, но и грамотной письменной.

Системный подход в обучении русскому языку предполагает создание особой грамматики, включающей в себя положения академической, интегративной, функциональной грамматики и положения, основанные на понятиях и категориях методики русского языка как иностранного. При этом нельзя пренебрегать и школьной грамматикой, обучающей нормам русской орфографии, пунктуации и основам культуры речи. Все это необходимо для формирования коммуникативной компетенции будущих специалистов. На наш взгляд, данная работа должна проводиться на подготовительных отделениях и факультетах, где необходимо сосредоточить все усилия на формировании языковой компетенции учащихся. Опыт такого подхода к обучению граждан из стран СНГ дал положительный результат.

⁴ Прохорова А.К. Проблема мотивации изучения русского языка в странах дальнего зарубежья. В сб. «Проблемы преподавания русского языка в РФ и зарубежных странах». //Материалы международной конференции. Т. 2, М., МГУ. 2005. С. 152.

⁵ Белянин В.К. Специфика обучения детей соотечественников в отрыве от языковой среды. // Доклад на научно-методическом семинаре для преподавателей русского языка и литературы в странах СНГ и Балтии. М. МГУ. 2008.

Томберг Р.И.¹

Китайская «экспансия» как ресурсная составляющая международных конфликтов в Африке

Китай и Африка – точки соприкосновения

В последние годы одним из ключевых внешнеполитических направлений руководства КНР является взаимодействие с африканским континентом. «Китайская экспансия» – так часто в последнее время называют этот процесс в странах Запада, для которых Китай стал сильным конкурентом в этом регионе. Несмотря на то, что первые дипломатические связи между КНР и странами Африки были установлены уже более 50-ти лет назад, и официальный Пекин поддерживал многие молодые государства континента с момента обретения ими независимости, китайско-африканские отношения на современном этапе вышли на беспрецедентно высокий уровень. Это относится и к политической, и к экономической, и к гуманитарной сферам.

Значение африканского региона для Китая на современном этапе невозможно переоценить. После окончания «холодной войны» и последующего распада СССР Китай стал активно наращивать свое присутствие на «чёрном континенте» по ряду направлений: энергетика, инвестиционное и финансовое сотрудничество, торговля, культурные и гуманитарные связи. Расширилась политическая поддержка Китаем африканских стран на международной арене. КНР, постоянный член Совета Безопасности ООН, стремится позиционировать себя как друг и надёжный партнёр стран Африки. С другой стороны, именно хорошие отношения с государствами этого региона во многом позволили Китаю вступить в ВТО и даже стать одним из центров принятия решений по вопросам международной торговли. Взаимная заинтересованность Китая и Африки очевидна: китайские инвестиции позволяют африканцам решать внутренние экономические и социальные проблемы, а их международная поддержка позволяет КНР набирать политический вес на мировой арене.

Китай имеет на африканском континенте как политические, так и экономические интересы прежде всего по линии ресурсного обеспечения своего развития. Преследуя цель достичь по уровню экономического и социального развития развитые государства, Пекин сделал ставку на африканские страны как на стратегических союзников в сфере взаимодействия по линии «развивающиеся – развитые государства». Одновременно они рассматриваются как важный и перспективный источник сырьевых ресурсов и рынок сбыта китайской продукции. Возможно, опыт Китая будет интересен и полезен России. Если ещё в прошлом столетии СССР был образцом для Китайской Народной Республики, то сейчас Китай претворяет на практике то, что Россия планирует пока только в теории.

На сегодняшний день Африка стала ключевым объектом международных отношений, где сталкиваются интересы всех крупных игроков мировой политической сцены: США, Евросоюза, КНР, России. Несмотря на очень сильную конкуренцию, у Китая есть шансы оставить своих соперников позади.

Несмотря на долгую историю китайско-африканских связей, именно в период Ху Цзиньтао началась реализация всего того потенциала на африканском направлении, который был заложен предыдущими руководителями КНР: Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Дэн Сяопином и Цзян Цзэмином. Отношения Китая с этим регионом достигли беспрецедентного уровня, и, надо полагать, обе стороны, учитывая огромную взаимную заинтересованность, в будущем будут только развиваться.

Одним из ключевых принципов сегодняшней политики КНР в Африке является сотрудничество без идеологической подоплёки. Однако Пекин не всегда придерживался такой позиции. После «полосы признания» КНР в Африке слишком яркая агитационная деятельность китайских дипломатов, пытавшихся обратить недавно получивших независимость странах чёрного континента в «религию коммунизма (с китайской спецификой)», во многих случаях была воспри-

¹ Томберг Роман Игоревич – аспирант Центра энергетических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН.

нята негативно. Измученные длительной национально-освободительной борьбой государства не стремились к продолжению революций, а, наоборот, нуждались в стабильности. После того, как Бурунди, Дагомея (нынешний Бенин), ЦАР и Гана прекратили или приостановили официальные отношения с КНР, руководство КПК было вынуждено первый раз пересмотреть свою политику в Африке. «Культурная революция» пагубно сказалась на китайско-африканских отношениях. Радикальные молодежные движения, возникшие в ряде стран континента, были жестоко подавлены, а их правительства официально выразили КНР своё недовольство. С середины 70-х годов было решено отказаться от идеологии и обратиться к прагматическому сотрудничеству как в экономической сфере, так и в международных отношениях.

Несмотря на смену приоритетов в африканской внешней политике, тесные связи с континентом продолжили укрепляться. К 2000 году более 50 президентов и более 20 глав правительств африканских стран в общей сложности 200 с лишним раз посетили КНР. Все поколения китайских руководителей уделяли внимание развитию отношений с государствами Африки². «Искренность лидеров КНР в отношениях с африканскими коллегами, которая превратилась в крепкую дружбу, внесла позитивный вклад в стимулирование развития отношений дружеского взаимодействия между Китаем и Африкой»³, – так характеризовала китайская пресса африканскую политику Пекина.

После окончания «холодной войны» в международной обстановке произошли значительные изменения. Расклад сил на мировой политической арене стал другим. Образовался вакуум, созданный уходом СССР из Африки, что привело к началу жесткой борьбы за освободившиеся позиции и возможности. Китай также не остался в стороне. В 90-е годы прежняя идеологическая платформа, основанная на общей борьбе против колониализма и империализма, потеряла актуальность. Отношения самой КНР с Западом после перехода к «политике открытости и реформ» стали совсем другими. Китай все больше интегрировался в международную экономику и торговлю. Соответственно, поменялись и принципы сотрудничества с африканскими странами.

Разумеется, страны Запада восприняли наступление Китая в Африке как угрозу собственным позициям в регионе. «Китай пришел в Африку, потому что другие регионы были для него закрыты. На Ближнем Востоке доминируют американцы, поэтому Пекину ничего не оставалось, кроме как искать регион, в котором мало кто был на самом деле заинтересован. Ему пришлось идти в Африку и договариваться как с демократами, так и с диктаторами. И сейчас, когда Китай здесь усилился, это вызывает серьезные опасения в Вашингтоне и в европейских столицах, которые привыкли к тому, что именно они оказывают влияние на дела в Африке. Тут же появляется третья сила, из-за которой весь геополитический расклад меняется»⁴.

С одной стороны, Китай нуждается в Африке. После «холодной войны», несмотря на тенденцию понижения регионально-политического статуса самого африканского континента, роль и значение Африки в дипломатической стратегии КНР не претерпели изменений. В таких вопросах, как ситуация в Тибете, права человека, вступление в ВТО и реформирование ООН Китай всегда получал мощную поддержку африканских стран. С момента основания Китайской Народной Республики Африка всегда была основной площадкой для мероприятий китайской дипломатии. «История и практика подтверждает, что большинство африканских государств – истинные друзья КНР, развитие африкано-китайских отношений имеет огромное стратегическое значение для повышения международного влияния Китая и укрепления его дипломатических позиций»⁵.

Кроме политического аспекта, нельзя не упомянуть сырьевых приоритетов африканского вектора внешней политики КНР. В 2004 г. в Африке насчитывалось до 11% мировых запасов нефти. 6% мировых запасов сосредоточено в странах южнее Сахары: в 2004 г. именно там Китай закупил 28% всей импортной нефти⁶. В 2006 году Ангола, обогнав Саудовскую Аравию, стала основным поставщиком нефти в КНР⁷. Подтягивается и Нигерия, где китайская компания СНООС скупила акции нескольких местных нефтедобывающих компаний⁸. Впрочем, очевидно, что нефть не является единственным африканским сырьём, в котором заинтересован

² *Хуан Карлош ду Аморал*. Отношения КНР и африканских стран после холодной войны. Пекин, 2006. С. 27. Оупл. на кит. яз.

³ *Сюнь Цяочэн*. Китайско-африканские отношения на рубеже веков. Пекин, 2000. С. 70. Оупл. на кит. яз.

⁴ *Ian Taylor*. China and Africa: Engagement and Compromise. New York, 2007. С. 48.

⁵ *Чжоу Гуантай*. Заметки о китайско-африканских контактах. Пекин, 2003. С. 136. Оупл. на кит. яз.

⁶ «Ведомости». 17.07.2006.

⁷ ИА «Синьхуа». 15.12.2006.

⁸ «RBC daily». 21.02.2007.

Китай. Интерес также представляют руды и металлы: цинк, кобальт, медь, уран и бокситы. На африканской древесине во многом держится китайская мебельная промышленность. Фрукты также являются крупной статьёй импорта КНР. Нельзя не сказать, что, Африка – не только важный рынок сбыта китайских товаров, но и рынок дешёвой рабочей силы для присутствующих здесь китайских компаний.

С другой стороны, Африка тоже нуждается в Китае. С моральной точки зрения, в эпоху нынешней глобализации экономики африканские страны, напуганные перспективой «обнищания» и «отторжения», также очень высоко ценят роль и статус Китая как мировой державы и надеются добиться его симпатии и поддержки. Будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, КНР всегда была на стороне стран чёрного континента, поддерживала проведение в жизнь их требований и разумных предложений. Правительство Китая всегда предоставляло Африке правительственные кредиты на выгодных условиях, поощряло и продвигало сотрудничество на основе совместного капитала между китайской и африканской промышленностью. Кроме этого, тысячи африканцев обучаются в китайских вузах. Гуманитарная помощь со стороны Китая всегда ценилась на континенте. Основная причина этого – отсутствие политического давления на страны, которые принимают эту помощь. Китай настолько нуждается в поддержке африканских стран, что готов сотрудничать с любым правительством, невзирая на его идеологию или международный имидж. Что касается энергоресурсов и других видов сырья, то появление такого мощного потребителя, как экономика КНР увеличивает спрос на мировом рынке, стимулирует рост цен. Повышенный спрос на сырьё для африканских стран – хорошая возможность увеличить свои бюджеты и инструмент внутреннего социального развития.

Новая политика, старая идеология

Китай строит свои отношения с Африкой по модели Юг – Юг. Проводя изощённую экономическую линию и не навязывая странам континента никаких политических требований, Пекин в этом регионе провозглашает принцип «общности судеб и задач». На международном уровне чувствуется двустороннее отлаженное взаимодействие. Китай поддерживает требования Африки в ВТО, а Африка, так же, как и КНР, выступает против реформирования ООН. По мнению отечественных политиков, «у России схожая с Китаем идеология сотрудничества со странами Африки, в том смысле, что Россия также отстаивает многополярное мироустройство».⁹

Необходимо отметить, что, несмотря на все изменения, которые происходят в мире, в Африке и в самом Китае, правительство КНР при каждом удобном случае делает заявления о том, что так называемые «8 принципов Чжоу Эньлая», согласно которым осуществляется помощь странам третьего мира, прежде всего именно Африке, остаются неизменными.

Предыстория возникновения этих принципов такова. С декабря 1963 по февраль 1964 гг. правительственная делегация КНР во главе с премьер-министром страны Чжоу Эньлаем и сопровождавшим его министром иностранных дел Чэнь И впервые посетила африканский континент и в общей сложности нанесла визит в 10 стран: Египет, Алжир, Марокко, Тунис, Гану, Мали, Гвинею, Судан, Эфиопию и Сомали. Для китайского руководства этот визит стал важнейшим из подобных мероприятий. Круг мероприятий был необычайно широк, а политическое значение для Пекина – исключительно. «В процессе визита премьер Чжоу Эньлай лучше разобрался в том, какие насущные потребности африканских стран могут быть удовлетворены с иностранной помощью, а также увидел, какие намерения по оказанию помощи этим странам имеются у некоторых держав»¹⁰.

Ориентируясь на эту ситуацию, премьер-министр Чжоу Эньлай во время визита в Мали выдвинул 8 принципов предоставления помощи африканским и арабским странам. Конкретно они заключаются в следующем.

Первый принцип. Правительство Китая неизменно осуществляет помощь зарубежным странам на основе принципа равенства и взаимной выгоды; никогда не стоит рассматривать эту помощь как пожалованную одной стороной, напротив, необходимо считать её взаимной.

Второй принцип. Правительство Китая во время оказания помощи зарубежным странам строго уважает суверенитет государства, принимающего помощь, вовсе не выдвигает каких-либо условий, вовсе не требует каких-либо специальных привилегий.

Третий принцип. Правительство Китая предоставляет экономическую помощь в виде беспроцентных или низкопроцентных займов, в случае необходимости продлевает срок возврата займа, чтобы, насколько это возможно, уменьшить тяжесть бремени государства, принимающего помощь.

⁹ Маргелов М. Нам есть с чем вернуться в Африку. Российская газета. 02.10.2006.

¹⁰ Сюнь Цяочэн. Китайско-африканские отношения на рубеже веков. Пекин, 2000. С.35. Оpubл. на кит. яз.

Четвёртый принцип. Для правительства Китая главной целью оказания помощи за границей является не установить зависимость государства, принимающей помощь от КНР, а помочь этой стране постепенно выйти на путь опоры на свои силы и независимого развития экономики.

Пятый принцип. Проекты, которые были построены в принимающей помощи стране при участии правительства Китая, требуют мало инвестиций, дают быстрый результат, способствуют увеличению прибыли и накоплению капитала в этой стране.

Шестой принцип. Правительство Китая предоставляет самое лучшее оборудование и материалы, произведённые в своей стране, по ценам, установленным мировым рынком. Если оборудование и материалы, предоставленные правительством Китая, не соответствуют обговоренным стандартам и качеству, то правительство Китая гарантирует произвести замену.

Седьмой принцип. Правительство Китая при оказании какой-либо технической помощи гарантирует полностью обучить работников принимающего помощь государства владению соответствующими видами техники.

Восьмой принцип. Уровень материального обеспечения специалистов, которые направляются правительством Китая в страну, принимающую поддержку, для помощи в осуществлении строительства, должен быть равным уровню местного специалиста, особенные требования или условия не приветствуются¹¹.

«8 принципов» – признак некоторого популизма в политике КНР в африканских странах, и, разумеется, в них не говорится ни слова о том, зачем, собственно, Китаю помогать Африке. Однако основная идея прослеживается совершенно очевидно – КНР, в отличие от западно-европейских стран и в особенности от США, не являющаяся блюстителем соблюдения прав человека во всём мире и не имеющая привычки навязывать демократию любыми способами, имеет очевидное преимущество. Китай готов сотрудничать с любым режимом, от демократии до диктатуры, а также предоставлять огромные кредиты на льготных условиях, причем без необходимости подтверждать целевое использование этих средств во Всемирном банке и МВФ. Так, к концу 2006 года, согласно договоренности, достигнутой во время итогов второго саммита «Китайско-африканского сотрудничества», КНР выделила более 8 млрд. долларов США Нигерии, Анголе и Мозамбику, а Всемирный Банк – лишь 2,3 млрд. долларов США для всех стран Африки к югу от Сахары¹². В долгосрочные планы Пекина входит увеличение объемов инвестиций в Африку к 2020 г. до \$100 млрд.¹³ (для сравнения: в Россию КНР намерена в перспективе вложить \$20 млрд.)¹⁴. На африканский континент приходится до 10% всех китайских зарубежных капиталовложений¹⁵.

Внешнеполитический прагматизм открывает китайцам двери в страны типа Зимбабве и Судана, руководители которых – Роберт Мугабе и Омар Башир – постоянно подвергаются резкой критике со стороны Запада. С Суданом у КНР установились очень близкие отношения. Помимо покровительства на военно-политическом уровне (Китай имеет 200 человек миротворческого контингента в Дарфуре и настаивает, что не требуется иного международного присутствия для решения конфликта), Пекин активно стимулирует экономические связи двух стран, прежде всего в области энергоресурсов. «Особенность Судана состоит в том, что это чуть ли не единственная в мире нефтедобывающая страна, которая не поставляет нефть в США, Европу и Японию. Все сырье экспортируется в Китай, Индию и Малайзию»¹⁶.

Обратная сторона «экспансии»

Тем не менее идеализировать положение Китая в Африке пока рано. Нельзя отрицать, что при Ху Цзиньтао страна добилась внушительных успехов в регионе: заручилась поддержкой африканских элит, находящихся у власти, успешно инвестирует в государства континента миллиарды долларов, создаёт инфраструктуру, разрабатывает природные ресурсы, развивает торговлю, туризм и гуманитарное сотрудничество.

Повышенный интерес КНР в Африке во многом объясняется богатыми недрами континента. Нефть, газ, металлы, древесина, сельхозпродукция – все это в больших количествах необходимо для удовлетворения внутренних потребностей страны, а также для поддержания темпов экономического роста. А своих запасов Китаю уже давно не хватает. Проводя после-

¹¹ Чжоу Эньлай. Избранные сочинения. Пекин, 1990. С. 388. Опубл. на кит. яз.

¹² F. William Engdahl. China and USA in New Cold War over Africa's Oil Riches. (Ф. Уильям Энгдаль. Китай и США в новой холодной войне за нефтяные богатства Африки.); www.globalresearch.ca

¹³ «Женьминь жибао». 05.11.2006.

¹⁴ «Эксперт». 06.11.2006.

¹⁵ «Эксперт Казахстан». 22.01.2007.

¹⁶ «РБК Daily». 05.08.2006.

довательную политику на континенте, китайские компании активно инвестируют в инфраструктуру и социальное развитие африканских стран, взамен получая эксклюзивные права на разработку недр.

По данным Государственного статистического управления КНР, в 2007 году потребление нефти в стране составило 346 млн. тонн с ростом на 7,3% по сравнению с показателями предыдущего года. При этом, по информации Главного таможенного управления КНР, в 2007 году объем импорта нефти достиг 159,28 млн. тонн, увеличившись на 14,7% по сравнению с предыдущим годом, зависимость Китая от внешних поставок нефти достигла 46,05%. По различным прогнозам, рост потребления энергоресурсов в КНР будет расти высокими темпами, даже несмотря на мировой финансовый кризис.

В 2007 году нефть добывалась в 96 странах мира, в том числе в 19 странах Африки. Мировая добыча составила 4061,7 млн. тонн, в африканских странах – 497,3 млн. тонн, из которых 76% пришлось на долю Нигерии, Алжира, Ливии и Анголы¹⁷. Именно Ангола стала в 2007 году вторым по величине экспортером нефти в КНР (25 млн. тонн), лишь немного уступив по этому показателю Саудовской Аравии (26,33 млн. тонн)¹⁸. Четвертое место занимает Судан (около 5 млн. тонн в 2007 году). В целом страны Африки экспортируют в Китай 760 тыс. баррелей нефти в сутки (30% всего экспорта нефти с континента).¹⁹

Действия Китая в Африке часто сталкиваются с серьезной критикой со стороны западных СМИ, международных организаций и самих африканцев. Примеров негативных последствий китайской «экспансии» достаточно.

Западные эксперты крайне негативно относятся к дружбе Китая с лидерами «недемократических» режимов Робертом Мугабе и Омаром Баширом. Именно благодаря вето КНР (и России) Совет Безопасности ООН в 2008 году не смог наложить санкции ни на Зимбабве, ни на Судан. Такой же, кстати, дипломатической поддержкой со стороны Пекина пользуется Исламская Республика Иран, третий поставщик нефти в КНР. Что касается Судана, всего на продажу в КНР идет почти 70% нефти этой страны, причем большую ее часть добывают китайские нефтяные гиганты Sinopec и CNPC, получившие эксклюзивные права на разработку суданских нефтяных месторождений.²⁰ Международное сообщество не раз просило Пекин повлиять на лидеров Судана в решении дарфурской проблемы, чтобы остановить геноцид гражданского населения и как можно быстрее прекратить кровопролитие. Однако подобная нестабильность в стране, возможно, даже на руку КНР, так как беспокойная обстановка отпугивает иностранных конкурентов. Периодические похищения повстанцами китайских инженеров и рабочих с нефтяных месторождений не рассматриваются Пекином как повод уходить из Судана. В качестве мирной инициативы Китай неоднократно предлагал ООН направить в конфликтующий район страны свой контингент миротворцев. Официально сейчас в Судане находятся порядка 150 военных инженеров. Однако по некоторым данным, китайские военнослужащие всё же проникают в Судан под видом гражданских специалистов. Являясь заступником Омара Башира на международном уровне, Китай получает неограниченный доступ к нефтяным запасам Судана. Конкурентов в этой сфере почти нет. Кроме КНР, в стране ещё работают индонезийские и катарские компании²¹, однако уровень их влияния несравним с китайским. Совершенно очевидно, что политическая дружба Пекина и Хартума носит исключительно деловой характер.

Зимбабве привлекает внимание КНР ресурсами другого качества, прежде всего металлами. Африканская страна является вторым в мире экспортером платины. В ней же находится половина разведанных запасов хрома. Эти элементы из таблицы Менделеева просто необходимы Китаю для того, чтобы повышать производство автомобилей и поддерживать высочайший в мире уровень выплавки стали. Следуя традиции «8 принципов Чжоу Эньлая», Китай стал едва ли не единственной ведущей мировой державой, которая смогла договориться с режимом Роберта Мугабе и получить доступ в эту страну. Однако появление китайцев едва ли обрадовало зимбабвийское население. Государство национализировало большую часть табачных угодий, которые теперь вместо местных крестьян обрабатывают китайские рабочие, нанятые китайскими же компаниями²². А весь табак отправляется напрямую в КНР вместо того, чтобы продаваться на международных товарных аукционах. Этот пример очень четко характеризует ресурсную стратегию Китая в Африке. КНР получает доступ к недрам в свое если не физическое владение,

¹⁷ «Мировая энергетика», №7 (55), июль 2008 г.

¹⁸ ИА «Интерфакс». 23.01.2008.

¹⁹ «Эксперт». 16.05.2007.

²⁰ «Коммерсант». 05.02.2008.

²¹ «РБК Daily». 22.10.2008.

²² «Asia Times». 15.07.2008.

то в единоличное пользование, в условиях государственного покровительства и почти нулевой конкуренции китайские компании контролируют весь процесс добычи, производства и экспорта в КНР, опираясь преимущественно на китайскую же наемную рабочую силу.

Такое положение вещей позволяет говорить о том, что действия китайцев нередко пагубно сказываются на состоянии африканской экономике и экологии. Совершенно очевидно, что африканские компании и производители не в состоянии конкурировать с китайцами (а кто на сегодняшний день в состоянии?). Товары китайского производства естественным образом вытесняют местные, так как политика протекционизма во многих государствах Африки не практикуется. Кроме того, во многих случаях китайские компании, работающие в африканских странах, предпочитают привлекать специалистов из КНР, а не предоставлять рабочие места представителям местного населения. Бывают же примеры, когда африканцам, трудящимся у себя же на родине в китайских фирмах, чтобы сделать успешную карьеру, необходимо выучить китайский язык, что для многих является непреодолимым препятствием.

Случаи, когда действия китайцев приводили к экологическим бедствиям в Африке, нередки. Объясняется это тем, что компании из КНР в целях экономии часто не придерживаются общепринятых стандартов безопасности чистоты производства. По различным причинам местные природоохранные ведомства предпочитают не вмешиваться в этот процесс.

Меры противодействия

Западные корпорации, прежде всего те, которые заняты в освоении природных ресурсов, стали объединяться единым фронтом против китайских конкурентов. Дело в том, что под давлением различных международных организаций (Oxfam, Greenpeace и Friends of the Earth) американские и европейские компании были вынуждены значительно поднять свои стандарты безопасности и охраны окружающей среды. Правда, это привело к росту издержек, из-за чего они стали проигрывать китайцам, издержки которых оказались значительно ниже. Теперь западные компании хотят, чтобы и китайские компании работали по тем же правилам. Экологичность и безопасность производства являются «ахиллесовой пятой» китайских компаний, занимающихся разработкой природных ресурсов. По мнению западных компаний, низкие стандарты китайских конкурентов ведут к тому, что ресурсы стран Африки могут подвергнуться «разграблению», а китайская деятельность на континенте – привести к экологической катастрофе.

«Сегодня по всей Африке, – отмечается в докладе Совета по международным отношениям (Council on Foreign Relations) опубликованном в феврале 2006 года, – Китай приобретает контроль над сырьевыми активами, выигрывая у западных соперников подряды на реализацию крупных проектов в области инфраструктуры, предоставляя льготные кредиты и иные выгодные условия, чтобы усилить свои конкурентные позиции».²³

Борьба с китайским влиянием на континенте ведется и на политическом уровне. «Усиление позиций Китая на этом континенте, который зачастую остается незамеченным, представляет собой прямой вызов влиянию США и подрывает внешнеполитические акции Вашингтона», – озабоченно констатирует влиятельная американская газета «Лос-Анджелес Таймс».²⁴

По объему товарооборота с африканскими странами США по-прежнему опережают Китай. Однако Китай наращивает его более быстрыми темпами, чем Америка, а по экспорту в страны черного континента он обошел США еще в 2003 г. Это не может не вызывать ответной реакции Вашингтона, поскольку конкуренция за ресурсы – удел не одного лишь Китая.

В энергетической стратегии США предусматривается резкое увеличение поставок топлива из Африки. Анголе в этой программе отводится одна из ведущих ролей – до 12% всей нефти, ввозимой в США. Важное место в энергостратегии уделено Западной Сахаре и Марокко, где запасы только одного разведанного месторождения Талзинт составляют свыше 20 млрд. баррелей. По прогнозам американских аналитиков в области энергетических ресурсов, уже через 10 лет более четверти импортируемой США нефти будет африканского происхождения. Тем самым вполне реально осуществление сказанного в «плане Чейни»: «Соединенные Штаты могут переключиться на африканские страны, ликвидировав энергетическую зависимость от арабских государств».

Китай активно обхаживает Мали, Мавританию и другие страны, присоединившиеся к «Транссахарской контртеррористической инициативе» (Trans-Sahara Counterterrorism Initiative), недавно выдвинутой администрацией Буша. Олусегун Обасанджо, президент Нигерии – страны, имеющей важное значение для США в качестве поставщика нефти, а также

²³ «Лос-Анджелес Таймс». 14.04.2006.

²⁴ Там же.

из-за ее миротворческой роли в Западной Африке – в ходе визита в Пекин в апреле 2005 г. согласился заключить «стратегическое партнерство» с Китаем. Китайские компании уже модернизируют в Нигерии железнодорожную сеть; планируется, что в 2007 г. китайцы запустят нигерийский коммерческий спутник.

США давно испытывали повышенный интерес к Судану. Ещё в 1979 году компания Chevron начала разработку нефти в южной части этой страны. Однако в 1983 году в Судане началась гражданская война, работники компании стали подвергаться постоянному нападению, и было принято решение прекратить все работы. В 1992 году Chevron продала свои суданские нефтяные концессии, а в 1999 году к их разработке приступили уже китайские компании.

Американские компании тем временем обосновались в соседних с Суданом странах. Chevron совместно с ExxonMobil в 2007 году построили нефтепровод из Доба в центральном Чаде около суданского Дарфура через Камерун к Кирби на Атлантическом океане стоимостью 3,7 млрд. долларов США с пропускной способностью в 160 000 баррелей нефти в день. Нефти, предназначенной для экспорта в США. В апреле 2005 года правительство Судана объявило, что в южном Дарфуре обнаружено нефтяное месторождение, которое, по оценкам, может обеспечить 500 тыс. баррелей в день²⁵. Разумеется, в такой ситуации США стремятся всеми силами вернуть свое присутствие в нефтяном секторе Судана, выбив оттуда китайских конкурентов. Одним из способов добиться своего – это политическая и финансовая поддержка повстанцев из мятежной провинции Дарфур, а также обвинение правительства Омара Башира в геноциде дарфурского населения.

Внешне американцы реагируют крайне сдержанно, ограничиваясь сетованиями на то, что «конкретные акции и политический курс США в целом диктуются позицией Вашингтона в поддержку прозрачности, прав человека и демократии»²⁶, тогда как Китай не волнует собственная репутация в этой области, поэтому он может без помех развивать экономические отношения с другими странами, не обуславливая их требованиями о проведении реформ. Однако говорить об исключительно гуманитарном характере соперничества США и Китая тоже было бы преувеличением. Некоторые эксперты убеждены, что за восстанием племен хауса в Восточном Судане стоят США, которые применяют в этой североафриканской стране технологии цветных революций²⁷, тем самым подрывая дружественный Китаю режим Омара Башира и укрепляя собственное влияние. Сам Вашингтон только подтвердил эти подозрения, официально заявив о поддержке автономии Восточного Судана. Раскол страны, конечно, может поспособствовать выдворению китайских энергетических компаний, однако подобную политику ни в коей мере нельзя назвать «политкорректной».

Есть и более четкие подтверждения участия Пентагона в «сдерживании» Китая. В июле 2008 года заместитель министра обороны по политическим вопросам Эрик Эдельман заявил членам сенатского комитета по иностранным делам, что «полномасштабные действия Китая по усилению своего влияния и налаживанию связей в Африке и Латинской Америке могут иметь взрывоопасные последствия для Соединенных Штатов».

Пентагон сегодня уделяет особое внимание росту китайского влияния в Африке. В октябре 2007 года Соединенные Штаты объявили о создании нового военного командования – Африканского. В военных кругах оно известно как AFRICOM. Хотя американские государственные деятели отрицают, что причиной его появления на свет стали действия Китая в Африке, многое говорит о том, что создание AFRICOM ознаменовало собой начало реализации новой стратегии сдерживания, нацеленной на ограничение китайской власти и влияния на континенте.

Созданием AFRICOM администрация Буша заложила основы новой стратегии сдерживания для своих преемников, пытаясь обеспечить Соединенным Штатам новые возможности в деле применения как «мягкой» политики, так и жесткой силы для удержания Китая. Новой администрации придется противостоять подъему КНР и быстрому росту ее влияния в Африке. В своей статье в номере Foreign Affairs за ноябрь/декабрь 2007 года сенатор Джон Маккейн назвал подъем Китая «главным вызовом» для следующего президента и предупредил о недопустимости расширения экономических и дипломатических отношений Пекина с такими странами Африки, как Судан и Зимбабве. В предстоящие годы новая вашингтонская стратегия сдерживания будет только развиваться, поскольку действия Китая на африканском континенте наверняка вступят в противоречие с интересами США, приводит

²⁵ F. William Engdahl. China and USA in New Cold War over Africa's Oil Riches. (Ф. Уильям Энгдаль. Китай и США в новой холодной войне за нефтяные богатства Африки.); www.globalresearch.ca

²⁶ Там же.

²⁷ «РБК Daily». 22.10.2008.

преобладающую в американских экспертных кругах точку зрения военный аналитик Томас Скайпек.²⁸

С октября 2007 года Африканское командование действовало под эгидой Европейского командования США, но на прошлой неделе, 1 октября, оно официально стало десятым объединенным боевым командованием в структуре Министерства обороны.

Евросоюз планирует решить проблему китайской «экспансии» более мягким путем. В октябре с.г. Еврокомиссия предложила на рассмотрение КНР документ под названием «Евросоюз, Африка и КНР: на пути к тройному диалогу и сотрудничеству»²⁹. На первый взгляд, политические и торгово-экономические предложения, изложенные в этой программе, предназначены главным образом для ограничения деятельности китайских компаний на континенте. С другой стороны, принимая во внимание торговые проблемы между КНР и странами Евросоюза, некоторые уступки в Африке, вполне вероятно, откроют Китаю большие возможности на рынках развитых европейских стран.

Международные организации, не только ратующие за соблюдение экологических стандартов, но и такие, как ООН, ВОЗ и Мировой банк, в этой ситуации могут стать инструментом конкурентного давления на Китай со стороны Запада. Ещё пару лет назад, несмотря на солидные позиции КНР в этих организациях, Пекину было невыгодно ссориться с США и Евросоюзом. Теперь же, даже принимая в расчет возможную реформу Совбеза ООН, Китай в куда меньшей степени стал действовать с оглядкой на западных лидеров. Хотя дело тут во все не в самом Китае. Глобальный финансовый кризис поставил под вопрос мировую гегемонию США, а её европейские союзники вынуждены заниматься решением более злободневных социально-экологических проблем, нежели бороться с китайской «экспансией» в Африке. Вполне вероятно, что совместными усилиями развитые страны справятся с последствиями мирового кризиса, а новая президентская администрация в США сможет проводить более эффективную политику в Африке, однако на данный момент у Китая, не испытывающего проблем в финансовой сфере, фактически развязаны руки на любые действия в регионе. Как и в игре с нулевым результатом, ослабление одного противника неизбежно ведет к усилению другого. Однако ни США, ни лидеры Евросоюза не готовы добровольно сократить свое присутствие на столь богатом на недра континенте. Это значит, что противостояние различных сил в борьбе за ресурсы в Африке будет провоцировать новые конфликты международного уровня.

28 «The Weekly Standard». 13.10.2008.

29 «Asia Times». 30.10.2008.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Выступления ректора МГИМО А.В. Торкунова на Конференции по мировой политике в Эвиане

5–8 октября 2008 года в Эвиане состоялась Конференция по мировой политике (World Policy Conference). Как известно, президент России Д.А. Медведев представил на конференции новые инициативы России в сфере европейской безопасности и противодействия мировому экономическому кризису.

В числе ведущих международных экспертов в конференции принял участие ректор МГИМО, академик РАН А.В. Торкунов, который выступил в двух секциях конференции по темам «Россия: внутреннее развитие и внешняя политика» и «Экономика знаний».

А.В. Торкунов предложил рассмотреть четыре вероятных сценария развития, выработка которых стала результатом серии экспертных семинаров, проведенных в МГИМО при взаимодействии с региональными вузами.

В другом своем выступлении А.В. Торкунов обратил внимание на последние тенденции в развитии образования и превращения этой сферы в поистине «уникальный ресурс», который сегодня оказывает кардинальное влияние на социально-экономическое и политическое развитие стран мира.

В роли организатора Конференции по мировой политике выступил традиционный партнер МГИМО – Французский институт международных отношений.

Тексты выступлений А.В. Торкунова доступны для ознакомления на английском языке на сайте МГИМО (www.mgimo.ru) в разделе «Новости Университета».

Информация предоставлена ректоратом МГИМО